

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССХХІХ.

1902.

ЯНВАРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1902.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

<i>И. А. Сосинъ.</i> Этимологія русскаго языка	1
<i>А. Н. Ельсинъ.</i> Русское правоисаніе для учащихся	3
<i>Александръ Камковъ.</i> Начертаніе этимологіи церковно-славянскаго языка	5
<i>И. К. Гинъ.</i> Смутникъ правоисанія	6
<i>Е. Н. Тихомировъ.</i> Пригѣры и задачи по начальной алгебрѣ	7
<i>Я. Блюмбергъ.</i> Учебникъ прямолинейной тригонометріи	8
<i>А. Давидовъ.</i> Элементарная геометрія	9
<i>А. Чевачинскій.</i> Учебная книга сравнительной всеобщей исторіи	12
<i>А. Е. Рябенко.</i> Административная карта Россіи въ началу XX вѣка	15

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

<i>Е. П. Ковалевскій.</i> Международные педагогическіе конгрессы 1900 и 1901 годовъ	1
<i>А. С. Бѣлкинъ.</i> Вопросъ объ упрощеніи русскои орфографіи въ Московскомъ Педагогическомъ Обществѣ	32
<i>В. Е. Рудаковъ.</i> Преевъ Борисъ (Шотниковъ) (<i>некрологъ</i>)	50
<i>В. Е. Рудаковъ.</i> А. В. Старчевскій (<i>некрологъ</i>)	54
<i>М. Л—ръ.</i> Письмо изъ Парижа	57

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

<i>Г. Э. Зенгеръ.</i> Замѣтки къ первой книгѣ „Омилъ“ Отація	1
<i>В. К. Ериштедтъ.</i> „Промеисъ“ въ сицилійской комедіи	9
<i>И. В. Негушилъ.</i> Легенда о близнецахъ Ромулъ и Ремъ	12

Овъявленія 1—4

Редакторъ Э. Радловъ.

(Вышла 31-го декабря).

ЛЕГЕНДА О БЛИЗНЕЦАХЪ РОМУЛЬ И РЕМЪ.

Историко-литературное изслѣдованіе.

I. Толкованіе легенды.

Разсказъ о близнецахъ, основателяхъ Рима, начиная съ момента ихъ зачатія и кончая изложеніемъ Амулія, выдѣляется изъ всей остальной легенды о царскомъ періодѣ не только по содержанію, представляющемуся въ видѣ дѣльнаго, детально разработаннаго и художественно закругленнаго сюжета, но еще болѣе по тѣмъ условіямъ, которыми обставленъ этотъ разсказъ въ литературной традиціи древнихъ.

Всѣ внутреннія и внѣшнія данныя таковы, что разсказъ о рожденіи, спасеніи и позднѣйшемъ опознаніи выросшихъ въ пастушеской средѣ царственныхъ близнецовъ долженъ быть признанъ совершенно самостоятельнымъ звеномъ царской легенды, основаннымъ на мотивахъ, взятыхъ не изъ римскихъ національныхъ преданій или сказаній, а, напротивъ, почти всецѣло изъ греческой литературы.

Прежняя увѣренность въ національно-римскомъ характерѣ легенды о близнецахъ находилась въ тѣсной зависимости отъ теоріи, высказанной еще *Перционіемъ* и поддержанной *Нибуромъ*¹⁾, о томъ, что главнымъ источникомъ царской легенды являлись старинныя римскія пѣсни-былины. Въ этихъ былинахъ, по мнѣнію Нибура (стр. 220), сообщались, между прочимъ, и свѣдѣнія о близнецахъ-основателяхъ города и въ частности о томъ, какъ они, будучи сыновьями бога Марса и царственной дѣвицы, при помощи ихъ божественнаго отца спасены были чудеснымъ образомъ отъ неминуемой гибели. *Шеслеръ*,

¹⁾ *Nibuhr Röm. Gesch.* I. 4 изд. (1833), стр. 233 сл. и 268 съ прим. 678.

устранивъ своей критикой ²⁾ пѣсенную теорію Нибура ³⁾ и поставивъ вопросъ на обще-миѳологическую почву, сохранилъ безъ измѣненія взглядъ Нибура на легенду о близнецахъ, какъ на древнѣйшее достояніе римскаго народа. Исходя изъ предположенія, что значительная часть римскихъ сказаній представляла собою такъ называемыя этиологическіе миѳы, т. е. сказанія, возникшія съ цѣлью объяснить какой либо обычай, обрядъ, праздникъ, мѣсто или памятникъ, Шweglerъ (стр. 424) полагаетъ, что источникомъ возникновенія легенды о близнецахъ и ихъ чудесномъ спасеніи при участіи волчицы послужило народное толкованіе изображенія руминальскоѳ волчицы, которая въ дѣйствительности имѣла, напротивъ, значеніе символа богини Румины. Перетолкованіе памятника, по мысли Шweglera, обусловливалось съ одной стороны сходствомъ имени Romulus съ именемъ Rumina, а съ другой—тѣмъ, что имя Romulus могло быть принимаемо, согласно этимологіи, въ смыслѣ „сосунъ“. На этомъ основаніи дѣти, находившіяся подъ руминальскоѳ смоковницеѳ, были отождествлены съ Ромуломъ—сосуномъ и его братомъ Ремомъ, а отсюда уже сложилось сказаніе о чудесномъ спасеніи обоихъ ⁴⁾. Считаая такимъ образомъ это сказаніе народно-римскимъ продуктомъ и пытаясь возстановить его въ возможно древнѣйшемъ видѣ, Шweglerъ выбираетъ изъ разныхъ вариантовъ то, что обнаруживаетъ наиболѣе миѳологическую окраску ⁵⁾, вслѣдствіе чего предполагаемый древнѣйшій составъ легенды состоитъ, между прочимъ, изъ слѣдующихъ чертъ: Марсъ за-

²⁾ *Schwegler Röm. Gesch. I, стр. 53—63. Ср. В. И. Модестова, Повея въ римской исторіи (Ж. М. Н. Пр. 1897 мартъ, стр. 90 сл. и 126 сл.).*

³⁾ Противъ предположенія о древне-народномъ римскомъ эпосѣ еще раньше Шweglera высказался, напр. *W. Corssen, Origines poesis Romanae, 1816, стр. 162 сл.* Напротивъ, *O. Ribbeck (Geschichte der römischen Dichtkunst I, стр. 8)* снова возвращается къ оставленной теоріи Нибура. *В. И. Модестова* и *Е. Pais (Storia di Roma I, стр. 8)* справедливо выдвигаютъ засвидѣтельствованныя Катономъ *carmina convivalia* (о которыхъ ср. *В. Корсенъ I. с. 112 сл.*), въ то время какъ *Корсенъ* (I. с. 181 сл.) обращаетъ вниманіе на пѣсни, расцѣлвавшіяся въ дни религиозныхъ празднествъ, для которыхъ, однако, нѣтъ достаточныхъ данныхъ. Позднѣйшія *carmina triumphalia* (Корсенъ 133 сл.) можно признать до нѣкоторой степени переживаніемъ старыхъ *carmina convivalia*. См. гл. XV прим. 16.

⁴⁾ Подобную мысль высказалъ недавно *Е. Aust Religion der Römer (стр. 738 прим. 1)*. Проникновеніе волчицы въ легенду о близнецахъ онъ считаетъ возможнымъ объяснить въ видѣ этимологической легенды, основанной на перетолкованіи слова *lupercal* (dem Bestreben, den Namen der Cultstätte zu deuten, verdankt die Legende von der Säugung der Gründer Roms durch eine Wölfin ihren Ursprung).

⁵⁾ Шweglerъ I. с. 384 прим. 1.

стает весталку *Рео Сильвию* въ пещеръ, въ которой она искала уби-
жища, спасаясь отъ волка; она умираетъ сейчасъ послѣ рожденія
младенцевъ, будучи брошена въ рѣку, богъ которой дѣлаетъ ее своей
супругой; корыто съ малютками останавливается около смоковницы;
жена Фаустула называется *Аккой Ларенцией*; въ товарищи Ромулу и
Рему даются *Квинтилии* и *Фабии* и т. п. Изъ дальнѣйшаго будетъ
видно, что подчеркнутыя нами черты мнимаго древнѣйшаго состава
легенды являются, наоборотъ, болѣе или менѣе поздними видоизмѣ-
неніями и дополненіями основной редакціи этого разсказа. Впрочемъ,
малое вниманіе къ хронологическому различію матеріала составляетъ
одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ недостатковъ миеологическихъ
ислѣдованій. Этотъ же недостатокъ обнаруживается и у преемника
Швегера, *А. Эмманъ* ⁶⁾, который, принимая этиологическій характеръ
легенды о Ромулѣ и Ремѣ, считаетъ ее выработавшеюся въ коллегіи
луперковъ, въ связи съ культомъ Луперка ⁷⁾; а между тѣмъ луперки
и ихъ праздникъ появляются въ легендѣ о Ромулѣ и Ремѣ только
уже въ вѣкъ Суллы у анналиста Кв. Элія Туберона (Dion. 1,80), да
и самый луперкаль не составляетъ исконной части этой легенды.

Этиологическимъ миеомъ считаетъ легенду о близнецахъ и *Момм-
зенъ* ⁸⁾, но только онъ приурочиваетъ возникновеніе ея не къ области
сакральныхъ учрежденій, какъ Эмманъ, а, напротивъ, къ свѣтскому
быту государственнаго строя. По мнѣнію Моммзена, въ легендѣ сперва
былъ одинъ только Ромулъ. Этотъ образъ одиночнаго, первоначаль-
но, основателя Рима, въ періодъ времени между изгнаніемъ царей
и самнитскими войнами, раздвоился путемъ присоединенія къ нему
брата Рема, а именно во вниманіе къ двойственности консульской
власти, ради ея выясненія и освѣщенія.

Новый путь къ объясненію легенды о рожденіи и судьбѣ близне-
цовъ предложилъ былъ *А. В. Шлегель* ⁹⁾, который впервые усмо-
трѣлъ въ этой легендѣ не продуктъ народнаго творчества, а, напро-
тивъ, литературный вымыселъ, и притомъ не римскій вымыселъ. Осно-

⁶⁾ *А. Эмманъ*, Легенда о римскихъ царяхъ, ея происхожденіе и развитіе, С.-Пб.: 1896, стр. 21 сл.; Zeitschrift für alte Geschichte 1, 1, 96.

⁷⁾ Впрочемъ, это объясненіе предлагалъ еще *Корссекъ*, Origines poesis Romanae (стр. 183).

⁸⁾ *Th. Mommsen* Remuslegende (Hermes 1881 стр. сл.). Впрочемъ, толкованіе Моммзена, не вытекающая непосредственно изъ рассмотрѣннаго имъ матеріала, пристраст-
но къ нему довольно слабо.

⁹⁾ См. Шлегера 1, 411 сл.

вываясь на сообщеніи Плутарха (Rom. 8,15), Шлегель видѣлъ въ этой легендѣ „греческій романъ“, составлявшій литературную собственность греческаго писателя Діокла. Литературное происхождение легенды принималъ и историкъ Ранке¹⁰⁾, но значительно иначе, чѣмъ Шлегель. Обротивъ вниманіе на драматическій характеръ легенды и находя въ обстоятельствахъ опознанія обоихъ братьевъ-близнецовъ значительное сходство съ развязкой Еврипидовой драмы „Іонъ“, Ранке высказываетъ предположеніе, что Фабій Пикторъ для изложенія своего рассказа о близнецахъ Ромулѣ и Ремѣ пользовался драмой своего современника Певія, озаглавленной „Alimonia Remi et Romuli“. Къ мнѣнію Ранке примкнулъ и О. Риббекъ¹¹⁾. Напротивъ, Триберъ¹²⁾ комбинируетъ мнѣніе Ранке съ мнѣніемъ Шлегеля. Согласно съ послѣднимъ, также и Триберъ считаетъ авторомъ легенды греческаго писателя Діокла Пепарискаго. Но только Діоклъ не могъ быть историкомъ, какъ принято обыкновенно думать, а, напротивъ, драматическимъ писателемъ, такъ какъ въ рассказѣ о близнецахъ заключаются всѣ существенные признаки драмы. Развивая подробно свою мысль, Триберъ находитъ, что драма Діокла о близнецахъ Ромулѣ и Ремѣ составлена была по образцу Софокловой трагедіи о Тирѣ.

Возражая противъ Шлегеля, Швеглеръ¹³⁾ оспариваетъ горячо самую возможность думать, что легенда о близнецахъ, основателяхъ Рима, не римскаго происхожденія, а греческаго. Въ отличіе отъ него, Моммзенъ допускаетъ, напротивъ, весьма значительную долю участія грековъ въ выработкѣ легенды о началахъ Рима¹⁴⁾. Въ частности исторію молодости Ромула и Рема Моммзенъ считаетъ прямо передѣланной по греческому образцу. Относительно же причастности къ этому дѣлу Діокла Пепарискаго Моммзенъ предлагаетъ такую комбинацію¹⁵⁾: Діоклъ былъ ровесникъ и, быть можетъ, даже другъ Фабія Пиктора, который изъ любезности и упомянулъ въ своихъ

¹⁰⁾ Monatsberichte der Academie der Wissenschaften zu Berlin 1849, III, 238 сл. Weltgeschichte III, 2, 108 сл.

¹¹⁾ O. Ribbeck Geschichte der röm. Dichtkunst I, 21 сл.

¹²⁾ C. Trieber Die Romulussage (Rhein. Mus. 1888 стр. 569 сл.).

¹³⁾ См. гл. XIII.

¹⁴⁾ Cp. Röm. Forsch. II, 280: Selbst für die Gestaltung der Gründungsgeschichte ist die Stellung des ältesten röm. Geschichtsschreibers (т. е. Фабія Пиктора) zu dem Hellenenthum vermuthlich folgenreich gewesen.—Röm. Gesch. I^o, 466: Dass bei der ältesten Aufzeichnung der Ursprünge Roms auch der Hellenismus seine Hand im Spiele hatte, ist kaum zu bezweifeln.

¹⁵⁾ Röm. Forsch. II, 279, прим. 82.

анналахъ объ этомъ греческомъ писателѣ, хотя самъ не придерживался его разсказа ¹⁶⁾. Легенду о римскихъ близнецахъ Діокль узналъ черезъ Невія или изъ устныхъ разсказовъ римлянъ.

Новѣйшій историкъ Рима, *Гекторъ Паисъ* ¹⁷⁾, считаетъ Діокла историкомъ конца 4-го столѣтія до Р. Хр., но при этомъ указываетъ и на *carattere tragico della storia di Romulo e Remo* (стр. 401). Драматическій характеръ этой легенды Паисъ объясняетъ не заимствованиемъ изъ какой либо драмы, а тѣмъ, что греческіе историки того времени вообще усвоили разныя приемы драматической поэзіи (стр. 211 прим.). Легенда о римскихъ близнецахъ (стр. 202—215) возникла въ видѣ передѣлки на римскій ладъ подобной греческой легенды, ходившей у грековъ въ многочисленныхъ вариантахъ и въ приуроченіи къ разнымъ городамъ. Самъ по себѣ—*il mito è puramente greco* (стр. 208). На римской почвѣ въ этотъ мифъ внесены лишь воскамія второстепенныя черты италійскаго быта (стр. 212), каковы: наименованіе отца близнецовъ Марсомъ, появленіе въ легендѣ священныя животныхъ Марса (*lupus u pisus*), имя кормилицы Асса *Larentia* и ученіе Ромула и Рема въ Габіяхъ.

При такомъ разнообразіи взглядовъ не лишне будетъ всмотрѣться въ самый текстъ легенды въ томъ видѣ, какъ она читается у римскихъ и греческихъ историковъ, и прежде всего въ двухъ главныхъ нашихъ источникахъ по этой легендѣ, у Плутарха и Діонисія Алкарнасскаго, разсказъ которыхъ восходитъ къ Діоклу Пепарнескому, у перваго непосредственно, у втораго—посредственно, черезъ Фабія Пиктора.

II. Плутархъ и Діонисій-Фабій въ ихъ отношеніяхъ къ Діоклу и между собой.

Преимущественное значеніе Плутарха и Діонисія въ разборѣ легенды о римскихъ близнецахъ заключается не только въ томъ, что оба писателя излагаютъ эту легенду самымъ подробнѣйшимъ образомъ, но еще болѣе въ томъ, что начало и конецъ легенды у обоихъ писателей сопровождаются историко-литературными указаніями на источники, выдѣляющими эту легенду какъ одно особое цѣлое и обставляющими ее такими условіями, въ какихъ не находится никакая другая часть царской легенды.

¹⁶⁾ L. c.: zwar sicherlich nicht zu Grunde gelegt, aber doch erwähnt hat.

¹⁷⁾ *Ettore Pais Storia di Roma I, 1898.*

Приступая къ изложенію обстоятельствъ, предшествовавшихъ рожденію близнецовъ, Плутархъ ¹⁾ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: Τοῦ δὲ πίστιν ἔχοντος λόγου μάλιστα καὶ πλείστους μάρτυρας τὰ μὲν κυριώτατα πρῶτος εἰς τοὺς Ἕλληνας ἐξέδωκε Διοκλῆς ὁ Πηπαρήθιος ᾧ καὶ Φάβιος Πίκτωρ ἐν τοῖς πλείστοις ἐπηκολούθηκε. Γεγόνασι δὲ καὶ περὶ τούτων ἕτεροι διαφοραὶ τύφῃ δὲ εἰπεῖν, τοιοῦτός ἐστι. Доведя свой рассказъ до смерти Амулія и восстановления во власти Пумитора, Плутархъ ²⁾ заканчиваетъ рассказъ слѣдующими словами: ὦν τὰ πλείστα καὶ Φαβίου λέγοντος καὶ τοῦ Πηπαρηθίου Διοκλέους, ὃς δοκεῖ πρῶτος ἐκδοῦναι Ῥώμης κτίσιν, послѣ чего слѣдуетъ еще замѣтка о драматическомъ характерѣ этой легенды.

Подобнымъ образомъ и Діонисій Аλικарнасскій ³⁾ отмѣчаетъ начало легенды слѣдующимъ замѣчаніемъ: Οἰκίσται δ' αὐτῆς οἴτινες ἦσαν καὶ τίσι τύχαις χρησάμενοι τὴν ἀποικίαν ἔστειλαν, ὅσα τ' ἄλλα περὶ τὴν κτίσιν ταύτην ἱστορεῖται, πολλοῖς μὲν εἴρηται καὶ διαφορῶς τὰ πλείστ' ἐνίοις, λεχθήσεται δὲ καὶ μοὶ τὰ πιθανώτατα τῶν μνημονευομένων ἔχει δὲ ὧδε. Замѣтъ, рассказавъ о враждѣ Амулія и Пумитора, Діонисій, прежде чѣмъ перейти къ рассказу о рожденіи близнецовъ, вставляетъ ⁴⁾ такое замѣчаніе: Μέχρι μὲν δὴ τούτων οἱ πλείστοι τῶν συγγραφέων ταῦτά ἢ μικρὸν παραλλάττοντες, οἱ μὲν ἐπὶ τὸ μυθωδέστερον, οἱ δ' ἐπὶ τὸ τῇ ἀληθείᾳ ὁμοῖοι μᾶλλον, ἀποφαίνουσι. А кого нужно подразумевать подъ выраженіемъ „οἱ πλείστοι“, самъ Діонисій поясняетъ немного ниже въ той же главѣ: περὶ δὲ τῶν ἐκ τῆς Σιλουίας γενομένων Κοίντος μὲν Φάβιος ὁ Πίκτωρ λεγόμενος, ᾧ Λεύκιος τε Κίγκιος καὶ Кάτων Πόρχιος καὶ Πείσιων Καλπούρνος καὶ τῶν ἄλλων συγγραφέων οἱ πλείους ἠκολούθησαν, γέγραφεν. То же самое повторяетъ онъ и въ заключительномъ замѣчаніи ⁵⁾ послѣ сказа о смерти Амулія: ταῦτα μὲν οὖν τοῖς περὶ τὸν Φάβιον εἴρηται.

Итакъ, изъ заявленія Плутарха мы узнаемъ, что наиболѣе распространенная версія легенды о римскихъ близнецахъ (τοῦ δὲ πίστιν ἔχοντος λόγου μάλιστα καὶ πλείστους μάρτυρας) восходитъ къ Діоклу Пепариоскому, первому, насколько зналъ самъ Плутархъ (δοκεῖ), греческому писателю, писавшему объ основаніи Рима (Ῥώμης κτίσις) и въ же время послужившему образцомъ, котораго придерживался (ἐπηκολούθηκε) древнѣйшій римскій анналистъ, Фабій Пикторъ, а затѣмъ и большинство

¹⁾ Plut. Romul. 8, 1.

²⁾ Plut. Romul. 8, 15.

³⁾ Dionys. Rom. antiq. I, 75 кон.

⁴⁾ Ib. I, 79 нач.

⁵⁾ Ib. I, 83 кон.

остальных римских историков. Правда, этому заявлению Плутарха Нибуръ и Швеглеръ ⁶⁾ не доверяли настолько, что послѣдній даже думалъ, что въ дѣйствительности могло быть какъ разъ наоборотъ: не Фабій пользовался Діокломъ, а, напротивъ, Діокль Фабіемъ. Осна-ривая такое произвольное предположеніе, Моммзенъ ⁷⁾ съ своей стороны также находитъ заявленіе Плутарха не совсѣмъ точнымъ. По его мнѣнію, Плутархъ вовсе не пользовался ни Діокломъ, ни даже Фабіемъ, а, найдя въ имѣвшемся у него подъ руками источникѣ, какимъ могъ быть одинъ изъ позднѣйшихъ римскихъ анналистовъ, замѣчаліе о Діоклѣ Пенареескимъ, Плутархъ самъ отъ себя вывелъ заключеніе, что Діокль послужилъ образцомъ для Фабія. Однако эта комбинація Моммзена столь же произвольна, какъ и мнѣніе Швеглера. Кромѣ того, по крайней мѣрѣ по отношенію къ Фабію нельзя сомнѣваться въ томъ, что *Плутархъ зналъ анналы Фабія* и пользовался ими. Можно колебаться только относительно объема, въ какомъ Плутархъ черпалъ непосредственно изъ Фабія ⁸⁾. Самъ онъ, кромѣ легенды о близнецахъ, ссылается на Фабія въ біографіи Ромула еще только одинъ разъ, въ гл. XIV, 1 (по поводу похищенія сабинянокъ), сообщая хронологическую дату, отсутствующую у Діонисія.

Біографіи Ромула и Нумы вообще производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто Плутархъ, помимо другихъ пособій, въ томъ числѣ и подлинныхъ анналовъ Фабія, при составленіи означенныхъ біографій главнымъ образомъ *имѣлъ передъ собою Діонисія* ⁹⁾, съ текстомъ котораго онъ и справлялся постоянно, съ тою цѣлью, чтобы его, Плутарха, изложеніе вышло не только иначе по формѣ, но и лучше по содержанию. Въ первомъ отношеніи невольно бросается въ глаза, что въ легендѣ о близнецахъ то, что у Діонисія изложено подробно, передается Плутархомъ сжато или даже совсѣмъ опускается, а, наобо-

⁶⁾ Швеглеръ, I, 414; Нибуръ I⁴, 222 сл.

⁷⁾ Röm. Forsch. II, стр. 280 прим.

⁸⁾ Такъ напримѣръ *C. A. A. Schmidt* (De fontibus Plutarchi in vitis Romuli et Nemi, стр. 12) полагаетъ, что вездѣ тамъ, гдѣ въ біографіи Ромула рассказъ Плутарха сходенъ съ рассказомъ Ливія, оба эти писателя одинаково пользовались Фабіемъ. Противъ такого широкаго пользованія анналами Фабія возражаетъ *H. Peter* (Die Quellen des Plutarch in den Biographien der Römer, стр. 154); однако въ частности для біографіи Ромула самъ Петеръ (стр. 172) причисляетъ Фабія къ главнымъ источникамъ Плутарха, а для исторіи Тарпен (стр. 155) не находитъ никакого другого источника, кромѣ Фабія.

⁹⁾ О томъ, что Плутархъ вообще пользовался усердно Діонисіемъ, см. *H. Peter* I. с. стр. 112.

ротъ, то, чего нѣтъ у Діонисія или изложено коротко или не такъ, то передается съ большой подробностью. Что же касается содержания, то въ гл. XVI (§§ 14—16) биографіи Ромула Плутархъ открыто полемизируетъ съ Діонисіемъ, опровергая его сообщеніе (2, 35) о томъ, что Ромулъ во время триумфа ѣхалъ на колесницѣ. Чаше однако, Плутархъ оппонируетъ Діонисію только косвеннымъ образомъ¹⁰⁾. Такая косвенная полемика съ Діонисіемъ заключается и въ заявленіи Плутарха относительно Діокла. Въ то время какъ Діонисій указывалъ на то, что первоисточникомъ легенды о близнецахъ является Фабій Пикторъ, котораго придерживались (ἠκολούθησαν) послѣдующіе писатели, Плутархъ въ свою очередь сѣбѣ имѣетъ заявить, что Фабію Пиктору вовсе нельзя приписывать характера первоисточника, такъ какъ и онъ черпалъ свой рассказъ изъ болѣе ранняго писателя, а именно Діокла Пепарнескаго. Эта замѣтка историко-литературнаго характера вызвана присутствіемъ такихъ же замѣтокъ у Діонисія, съ цѣлью противопоставить послѣднимъ болѣе вѣрныя свѣдѣнія.

Сочиненіе Діонисія, такимъ образомъ, для Плутарха имѣло вообще только значеніе пособія. Въ качествѣ же источниковъ при изложеніи легенды о близнецахъ въ рукахъ у Плутарха находились съ одной стороны анналы Фабія, на которыхъ, впрочемъ, основанъ и рассказъ Діонисія, а съ другой стороны — сочиненіе *Діокла Пепарнескаго*. Таковъ, по крайней мѣрѣ, прямой и ясный смыслъ словъ Плутарха, съ которымъ долженъ считаться всякій, кто не желаетъ оспаривать личную добросовѣстность этого писателя. Словами „καὶ Φαβίου λέγοντος καὶ τοῦ Πεπαρηθίου Διοκλέους“ параллельность обоимъ писателямъ подчеркивается съ такою рельефностью, которая возможна только въ томъ случаѣ, если авторъ самъ сличалъ текстъ Фабія съ текстомъ Діокла. А что эти тексты, въ моментъ составленія биографіи Ромула, дѣйствительно находились въ рукахъ Плутарха, въ этомъ убѣждаетъ насъ грамматическая форма перфекта въ слѣдующихъ словахъ: Διοκλήϊς Πεπαρηθίος, ᾧ καὶ Φάβιος ὁ Πίκτηρ ἐν τοῖς πλείστοις ἐπηκολούθησε. Такъ какъ формой перфекта выражается настоящій результатъ совершившагося дѣйствія, то смыслъ формы ἐπηκολούθησε таковъ: „Что Фабій въ самомъ дѣлѣ ἐπηκολούθησε, это я вижу изъ находящихся [теперь] передо мною сочиненій Фабія и Діокла, при сличеніи которыхъ я и нахожу [теперь] зависимость перваго отъ втораго“. Ср. такое же

¹⁰⁾ Ср. напримеръ *A. Barth, De Iubae ἀμοιβῶν a Plutarcho expressis*, стр. 11 сл. (относительно Qu. R. 78).

употребленіе перфектовъ ἰστορήται, γέγραπεν, εἴρηται въ выше приведенныхъ цитатахъ изъ Діонисія. Такому пониманію словъ Плутарха не противорѣчить выраженіе δοχεῖ въ заявленіи: ὅς δοχεῖ πρῶτος ἐχθούναϊ Ῥώμης κτίειν. Выраженіе δοχεῖ относится здѣсь только къ тому слову, передъ которымъ оно стоитъ, т.-е. πρῶτος, такъ что πρῶτος δοχεῖ= „первый, насколько мигъ извѣстно“, „первый, если не ошибаюсь“. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ слова „δοχεῖ“ явствуетъ, что Плутархъ не находилъ у Діокла указаній на то, откуда онъ самъ взялъ эту легенду, а потому и Плутархъ оставилъ этотъ вопросъ открытымъ, хотя, по видимому, полагалъ, что Діоклъ только пересказывалъ въ этомъ случаѣ римскую легенду. Последнее можно заключить изъ словъ πρῶτος εἰς τοὺς Ἕλληνας.

Изъ словъ Плутарха, далѣе, вытекаетъ, что сочиненіе Діокла не было драмой и что, слѣдовательно, *нельзя говорить о драматическомъ писателѣ Діоклѣ*. Но только это не слѣдуетъ изъ тѣхъ словъ, на которыя указываетъ Триберъ, а по его примѣру и Паисъ ¹¹⁾, именно: τοῦ λόγου τὰ χριστάτα, такъ какъ подъ выраженіемъ: „главнѣйшія — (существеннѣйшія) части разсказа“ можно разумѣть тотъ основной остовъ легенды, о которомъ будетъ рѣчь ниже (гл. III), въ отличіе отъ разныхъ позднѣйшихъ дополненій и видоизмѣненій. Вполнѣ ясное указаніе заключается, напротивъ, въ словахъ: ὑποπτον μὲν ἐνίοις ἐστὶ τὸ δραματικὸν καὶ πλασματικόν (с. 8 кон.). Если бы Плутархъ имѣлъ въ рукахъ драму Діокла, то не зачѣмъ было бы ему сослаться на мнѣніе другихъ о драматическомъ характерѣ разсказа, изъ-за котораго послѣдній казался подозрительнымъ. Такъ могъ говорить только тотъ, кто имѣлъ передъ собой если и не прозаическую, какъ полагаетъ Паисъ, то во всякомъ случаѣ не драматическую работу Діокла.

Къ этому присоединяется еще то, что Плутархъ въ своихъ „Греческихъ вопросахъ“ ¹²⁾ приводитъ заглавіе сочиненія (или одного изъ сочиненій) Діокла въ слѣдующемъ видѣ: Διοκλῆς ἐν τῷ περὶ ἡρώων συντάγματι, „въ сочиненіи о ἡρώες“, вмѣсто чего возможно читать также: περὶ ἡρώων, „въ сочиненіи о ἡρώα“. Въ пользу чтенія ἡρώων (отъ ἡρώες) говоритъ заглавіе 40-го греческаго вопроса: τίς Κύννοτος, ἡρώς ἐν Ταναγρα; Ореографія ἡρώων объясняется тѣмъ, что передъ ссылкой на Діокла была рѣчь о *святилищѣ* Танагрскаго ἡρώς-а. Какъ бы ни

¹¹⁾ Триберъ Rhein. Mus. 1888, стр. 578 прим. 2; Паисъ Storia di Roma I, I, 211 прим. 1.

¹²⁾ Plut. Qu. graec. 40: ἀναφέρει δὲ καὶ Διοκλῆς ἐν τῷ περὶ ἡρώων συντάγματι δόγμα Ταναγραίων περὶ ὧν ὁ Κλειδῆμος ἀπήγγειλεν.

читать, такое заглавіе въ крайнемъ случаѣ могло бы указывать на миеологическую поэму, подобную Овидіевымъ *Метаморфозамъ* ¹³⁾. Но болѣе правдоподобно, что это было прозаическое сочиненіе полу-историческаго, полумиеологическаго характера, состоявшее изъ ряда рассказовъ о разныхъ *ἥρωες*, въ томъ числѣ и миеоническихъ или полумиеоническихъ основателей городовъ. Одна изъ главъ этого сочиненія и могла быть посвящена разсказу объ основателяхъ города Рима, подъ названіемъ „*Ῥώμης κτίσις*“, въ томъ объемѣ, начало и конецъ котораго у Плутарха отмѣчены именемъ Діокла. Если же сочиненіе Діокла въ самомъ дѣлѣ трактовало только объ одной частицѣ парской легенды, то не удивительно, что Діонисій (1,72), перечисляя авторовъ по исторіи Рима вообще, не упомянулъ о Діоклѣ, какъ не имѣющемъ такого общаго значенія для римской исторіи.

Заявленіе Плутарха о Діоклѣ само по себѣ достаточно ясно. Тѣмъ не менѣе *Петеръ* ¹⁴⁾ не считаетъ это вполне убѣдительнымъ доказательствомъ того, что самъ Плутархъ имѣлъ въ рукахъ цитуемаго имъ автора. Петеръ указываетъ на обычай древнихъ авторовъ, въ случаѣ если въ имѣвшемся въ ихъ распоряженіи сочиненіи упоминалось о болѣе древнемъ авторѣ, цитировать имя этого послѣдняго вмѣстѣ того, которымъ дѣйствительно пользовались. Одинъ, по мнѣнію Петера несомнѣнный, примѣръ этого рода встрѣчается и у Плутарха въ биографіи Катона младшаго въ слѣдующемъ мѣстѣ (с. 37):
ὁ μὲντοι Μουνατίος οὐκ ἀπιστία τοῦ Κάτωνος ἀλλ' ἐκείνου μὲν ὀλιγωρία πρὸς αὐτὸν, αὐτοῦ δὲ τι ζηλοτοπία πρὸς τὸν Κανίδιον ἱστορεῖ γενέσθαι τὴν ἔργην. καὶ γὰρ αὐτὸς σύγγραμμα περὶ τοῦ Κάτωνος ἐξέδωκεν ᾧ μάλιστα Θρασείας ἐπηκολούθησε. На первый взглядъ казалось бы, что Плутархъ пользуется Мунаціемъ, а имя Θрасеи Пета приводится только въ видѣ историко-литературной замѣтки. Въ дѣйствительности же, по мнѣнію Петера, было наоборотъ: Плутархъ пользовался сочиненіемъ Θрасеи, въ которомъ и нашелъ указаніе на то, что послѣдній придерживался преимущественно Мунація. Примѣняя это же наблюденіе и къ ссылкѣ на Діокла, Петеръ приходитъ къ заключенію ¹⁵⁾, что Плутархъ пользовался собственно Фабіемъ, у котораго и нашелъ сообщаемое имъ извѣстіе о томъ, что римскій анналистъ въ разсказѣ о близнецахъ придерживался Діокла Пепаріискаго. Хотя вопросъ о

¹³⁾ Ср. *Zusammenh. Gesch. der griech. Litteratur in der Alexandrinerzeit*, 1, стр. 375 сл.

¹⁴⁾ *H. Peter, Die Quellen Plutarchs*, стр. 65 и 149.

¹⁵⁾ *I. c.*, стр. 150.

происхожденіи легенды о римскихъ близнецахъ этимъ нисколько не измѣняется, а, напротивъ, еще болѣе подтверждается зависимость Фабія и прочихъ анналистовъ отъ греческаго писателя Діокла, тѣмъ не менѣе выводъ Петера, представляющій собою только одну возможность, является не вполне убѣдительнымъ, насколько Петеръ, въ подтвержденіе своего мнѣнія, ссылается на сходство разсказа Плутарха съ разсказомъ Фабія (у Діонисія). Въ томъ-то и дѣло, что сходство касается только основа разсказа, указывающаго на одинъ общій источникъ обоихъ, въ то время какъ самое изложеніе редактировано такъ, что можетъ быть объяснено только самостоятельнымъ знакомствомъ съ даннымъ источникомъ со стороны каждаго изъ нихъ. Притомъ, въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ Плутархъ отличается отъ Діонисія-Фабія, генетическое преимущество находится на сторонѣ сообщаемой Плутархомъ версіи, что опять-таки можетъ быть объяснено только тѣмъ, что Плутархъ черпалъ непосредственно изъ подлинника Діокла, въ то время какъ Діонисій бралъ свой матеріалъ изъ Фабія, да и то не исключительно, а только въ видѣ, такъ сказать, „средняго вывода“ изъ Фабія и всѣхъ прочихъ анналистовъ, придерживавшихся Фабія=οἱ περὶ τὸν Φάβιον. Не безразлично также и употребленіе формы аориста ἐπηκολούθησε въ выше приведенномъ мѣстѣ изъ біографіи Катона. Formой аориста удостовѣряется просто самый фактъ; напротивъ, форма перфекта показываетъ, что результаты даннаго факта на лицо еще и въ настоящее (для Плутарха) время. Въ первомъ случаѣ Плутархъ, упоминая о сочиненіи Фрасеи, скрываетъ скорѣе, чѣмъ разъясняетъ, настоящее положеніе дѣла; во второмъ случаѣ, напротивъ, Плутархъ указываетъ съ удареніемъ на то, что и у него въ рукахъ было сочиненіе Діокла, точно такъ какъ и у Фабія (καί... καί), въ отличіе отъ Діонисія, который черпалъ свои свѣдѣнія изъ Фабія и, слѣдовательно, изъ вторыхъ рукъ, что и желательно было Плутарху подчеркнуть.

Однако возможно ли вообще довѣрять непосредственному знакомству Плутарха съ такимъ, несомнѣнно второстепеннымъ, писателемъ, какъ Діоклъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить слѣдующая характеристика Плутарха, сдѣланная самимъ Г. Петеромъ ¹⁶⁾: „Свои біографіи Плутархъ не основывалъ на сочиненіяхъ великихъ историковъ, дающихъ исторію государствъ, каковы: Ксенофонтъ, Эфоръ, Полибій, Ливій. Напротивъ, Плутарха привлекали преимущественно такіа со-

¹⁶⁾ I. с., стр. 1 сл.

чиненія, которыя трактовали спеціально объ избранныхъ имъ герояхъ, каковы въ біографіяхъ римлянъ: мемуары Суллы, Волумнія, Мессалы, жизнеописаніе Катона, составленное Эрасмомъ Петомъ; жизнеописаніе Циперона, написанное Тираномъ и т. п. Изъ большихъ сочиненій онъ пользовался охотно такими, которые отличались біографическимъ характеромъ соответственныхъ частей, каковы: анналы Фабія и Валерія Анціата. При его обширной начитанности, ему были извѣстны, конечно, и крупные писатели, въ родѣ Фукидида (на котораго ссылается въ біографіи Никія). Также и поэзія была ему знакома основательно. Такимъ образомъ ни общая эрудиція Плутарха, ни въ частности его стремленіе къ спеціальнымъ сочиненіямъ біографическаго характера нисколько не противорѣчатъ возможности, что онъ зналъ сочиненіе Діокла о герояхъ-основателяхъ городовъ и пользовался имъ въ подлинникѣ. Правда, Діокль Пепарисскій былъ только второстепенный и мало извѣстный писатель. Однако, для Плутарха дѣло заключалось не въ большей или меньшей извѣстности автора, а только въ матеріалѣ, который можно было почерпнуть изъ того или другаго сочиненія. Въ той же біографіи Ромула (гл. 2) Плутархъ ссылается, на примѣръ, на нѣкоего Промеіона, имя котораго въ греческой литературѣ совершенно неизвѣстно.

Итакъ, было бы дѣломъ произвола не довѣрять ясному заявленію Плутарха о почти полномъ сходствѣ Фабія съ Діокломъ въ разсказѣ о римскихъ близнецахъ. Причина этого сходства заключалась въ томъ, что Фабій „придерживался“ Діокла, т.-е. пользовался имъ. Но было ли это возможно съ одной стороны по хронологическимъ даннымъ жизни обоихъ писателей, а съ другой — по условіямъ образованности, какъ самого Фабія, такъ и вообще тогдашняго римскаго общества?

Время Діокла Пепарисскаго ¹⁷⁾ можетъ быть опредѣлено только приблизительно, но во всякомъ случаѣ онъ не моложе Фабія. О Діоклѣ, какъ о лицѣ уже умершемъ, упоминалъ еще Димитрій изъ Скепсиса, авторъ 30 книгъ о союзникахъ троянцевъ (Стравонъ XIII, с. 45), современникъ греческаго Аристарха ¹⁸⁾ и римскаго Энія ¹⁹⁾ или скорѣе

¹⁷⁾ Прозвище „Пепарисскій“ служитъ для отличія отъ другихъ Діокловъ. въ томъ числѣ Діокла „Магнисійскаго“ (см. Зуземля, стр. 47 и 509); былъ еще и Діокль математикъ (ib. стр. 762); въ болѣе древнія времена жилъ Діокль, одинъ изъ представителей древней комедіи.

¹⁸⁾ Зуземль *Gesch. der griech. Litt. in der Alexandrinerzeit*, I, стр. 681.

¹⁹⁾ Ср. Швеглера, I, 414, прим. 11.

Фабія²⁰⁾. Изъ извѣстія, сообщаемого у Аэнія²¹⁾, не видно, насколько Діокль былъ старше Димитрія, а, слѣдовательно, и Фабія: можетъ быть, онъ былъ только старшій ихъ современникъ, но онъ могъ принадлежать и къ болѣе отдаленному времени. Паисъ приурочиваетъ его къ 4 столѣтію до Р. Хр. Однако, принимая во вниманіе, что археологическое направленіе того рода, на которое указываетъ заглавіе сочиненія Діокла *περί ἡρώων*, развилось главнымъ образомъ послѣ Тимея, можно полагать, что Діокль жилъ не ранѣе 3 столѣтія и писалъ около 250 года и даже еще немного позже. Во всякомъ случаѣ, по расчету времени Фабій могъ пользоваться Діокломъ.

Не препятствуютъ этому и условія тогдашней образованности и тогдашнихъ научныхъ интересовъ. Со времени Тимея въ греческой литературѣ, не только исторической, но и въ поэзіи, археологическія и мисологическія темы разрабатывались съ большимъ усердіемъ, примѣромъ чего можетъ служить „Александра“ Ликофрона. Римляне времени пунической войны, воспитываясь на греческой литературѣ, перенимали, конечно, и господствующіе въ этой литературѣ вкусы и взгляды. И вотъ чрезвычайно любопытно, что римская литература, начавшая свою исторію съ анналовъ Фабія, вслѣдъ за этимъ обнаруживаетъ большое стремленіе къ археологическимъ изслѣдованіямъ въ области общественнаго быта Рима. Если и можно сомнѣваться въ принадлежности самому Фабію Пиктору сочиненія *de jure pontificio*²²⁾, а также и въ авторствѣ Цинція Алимента относительно многочисленныхъ сочиненій этого рода, приписываемыхъ Цинцію²³⁾, то во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что современникъ Фабія и Цинція, Q. Fulvius Nobilior, консулъ 189 года, написалъ особый трактатъ о римскомъ календарѣ (*de fastis*) и выставилъ экземпляръ календаря, съ своими пояснительными замѣчаніями, въ выстроенномъ имъ же храмѣ Геркулеса и Музъ.

²⁰⁾ Согласно расчету времени, сдѣланному у *III жидна* (*De fontibus Plutarchi in vita Romuli et Numaе*, стр. 13).

²¹⁾ Athen. Deipn. II, 21 p. 448: Διοκλῆ τὸν Πεπάρηδιόν φησι Δημήτριος ὁ Σκίρσιος μέχρι τέλους φυχρὸν ἔσθαι πεποιμέναι.

²²⁾ Макробій (I, 16, 25) цитуетъ другого Фабія: *Fabius Maximus Servilianus pontifex in libro duodecimo*.

²³⁾ Цитуются: *de fastis liber*, *de comitiis liber*, *de consulum potestate liber*, *de officio juris consulti*, *mystagoga libri*, *de re militari*, *de verbis praeiis*. Противъ авторства Цинція съ обычною рѣзкостью возражаетъ Моммзенъ (*Röm. Chronol.* 2 изд., стр. 315). Напротивъ, *Leopold Cohn* (*Neue Jahrb. f. d. kl. Alt.* 1900, 5 стр. 323 сл.) защищаетъ традицію съ большимъ умѣньемъ и значительною степенью правдоподобности.

Другой современникъ, Sex. Aelius Paetus, представилъ подъ заглавіемъ *Tripartita* обширный комментарий къ XII таблицамъ. А сочиненіе Катона *Origines* уже своимъ заглавіемъ примыкаетъ къ археологическому теченію исторической науки послѣ Тимея, обращавшему особенно вниманіе на начальную исторію городовъ и народовъ. Такимъ образомъ и сочиненіе Діокла *περί ἱρώων*, соотвѣтствуя этому теченію, могло представляться достаточно интереснымъ для ученыхъ римлянъ тогдашняго времени.

Знакомство Фабія ²⁴⁾ съ литературой (т.-е., конечно, греческой, такъ какъ римской тогда еще не было) и въ частности съ археологической наукой засвидѣтельствовано Цицерономъ (*Brut.* 21, 81): *Ser. Fabius Pictor et iuris et litterarum et antiquitatis bene peritus*. Знаніе греческаго языка удостовѣрилъ Фабійъ самъ своими анналами, написанными по гречески. Въ этихъ анналахъ онъ примѣнялъ и греческую хронологію по олимпиадамъ. Также и цѣна и мѣра опредѣляются у него на греческой ладъ: добыча Тарквинія, взятая въ Помеци, исчислена Фабіемъ въ 40 талантовъ (*fr.* 13), а разстояніе отъ Албалонги до мѣста, гдѣ были брошены близнецы, показано въ 120 стадіевъ (*fr.* 5). Въ 216 году Фабійъ былъ посланъ въ Дельфы и, по возвращеніи оттуда, доложилъ сенату отвѣтъ оракула въ латинскомъ стихотворномъ переводѣ (*Liv.* 23, 11, 1—6). Всѣ эти факты указываютъ, насколько Фабійъ былъ близокъ къ тогдашней (исключительно греческой) образованности вообще и къ литературѣ въ частности. Фабійъ, стоя на уровнѣ тогдашней исторической науки грековъ, могъ, слѣдовательно, не только знать сочиненіе Діокла, но и пользоваться имъ въ разсказѣ о близнецахъ.

А что Фабійъ, наоборотъ, не ограничивался въ этомъ разсказѣ одними только римскими источниками, видно изъ слѣдующаго соображенія: по свидѣтельству Діонисія (1, 6), Фабійъ излагалъ древнѣйшую исторію сжато и кратко, въ отличіе отъ пространнаго описанія пережитого имъ самимъ времени ²⁵⁾. Сухая сжатость изложенія древнихъ временъ зависѣла отъ того, что этими же качествами отличались и официальные записи римскихъ понтификовъ, составлявшія главный источникъ Фабія для предшествовавшаго періода. Среди этихъ сухихъ фактовъ разсказъ о близнецахъ долженъ былъ весьма рѣзко выдѣ-

²⁴⁾ См. F. Петера, *Historicorum Romanorum reliquiae*, стр. LXX сл.

²⁵⁾ *Dion.* 1, 6: οἷς μὲν αὐτὸς ἔργου παρεγένετο, διὰ τὴν ἐπιχείριαν ἀκριβῶς ἀνέγραψε, τὰ δὲ ἀρχαῖα τὰ μετὰ τὴν κτίσιν τῆς πόλεως γινόμενα κεφαλαιωδῶς ἐπέγραψε.

латься своимъ детальнымъ характеромъ и своими литературными достоинствами. На это указываетъ самъ Діонисій, такъ какъ онъ, говоря о томъ, что Фабій τὰ ἀρχαία κερφαλαίωνδῶς ἐπέδραμεν, тутъ же прибавляетъ, что это касается не всего архаическаго періода (τὰ ἀρχαία), а только того, который слѣдовалъ за основаніемъ города (τὰ μετὰ τὴν κτίσιν τῆς πόλεως γινόμενα). Слѣдовательно, Діонисій выдѣляетъ здѣсь „основаніе города“ (κτίσις τῆς πόλεως), подъ каковымъ терминомъ разумѣется „исторія основателей города“ (т. е., легенда о близнецахъ), какъ и у Плутарха въ выраженіи: Ῥώμης κτίσις. Особенности рассказа о близнецахъ показываютъ, что Фабійъ взялъ его не изъ сухихъ annalovъ поитификовъ, а, напротивъ, изъ какого-либо литературнаго источника, а именно, такъ какъ тогда еще не было римской литературы, изъ греческаго источника. Совпаденіе выраженія „κτίσις τῆς πόλεως“ у Діонисія съ выраженіемъ Плутарха „Ῥώμης κτίσις“ служитъ косвеннымъ указаніемъ, что этимъ источникомъ былъ именно Діокль, трактовавшій въ своемъ сочиненіи περὶ ἡρώων о разныхъ городскихъ ктисахъ и герояхъ, въ томъ числѣ и римскихъ близнецахъ.

Наконецъ, и по существу дѣла нѣтъ причины не довѣрять извѣстію Плутарха о томъ, что Фабійъ черпалъ изъ Діокла, такъ какъ этимъ нисколько не предрѣшается вопросъ, откуда самъ Діокль заимствовалъ эту легенду; вѣдь а priori, вполне возможно предположеніе, что это была древняя римская легенда, съ которою Діокль познакомился путемъ устныхъ рассказовъ. А между тѣмъ самая мысль о томъ, что первый римскій annalistъ сообщаетъ легенду о Ромулѣ и Ремѣ не по римскому источнику, казалась прежде до того чудовищной, что, напримѣръ, *Нибуръ* ²⁶⁾ рѣзко обвиняетъ Плутарха „въ небрежности, благодаря которой сложилось мнѣніе, что легенда о близнецахъ выдумана какимъ то неизвѣстнымъ грекомъ“. Подобнымъ образомъ и *Шеллеръ* ²⁷⁾ говоритъ, что „заявленіе Плутарха о томъ, что Фабійъ списывалъ у Діокла, должно быть признано ошибочнымъ“. Противъ такой отрицательной точки зрѣнія выступилъ еще *Вилленборгъ* ²⁸⁾, который, подвергнувъ этотъ вопросъ подробному разбору, пришелъ къ заключенію, что Плутархъ заслуживаетъ полнаго довѣрія, насколько дѣло касается извѣстія о Діоклѣ Пепаріескомъ и его отношеніи къ

²⁶⁾ Röm. Gesch. I, 4, 222 сл.

²⁷⁾ Röm. Gesch. I, 414.

²⁸⁾ *Willenborg, De Diocle Peparethio, Bonnae (diss.) 1853. См. Шмидтг. De fontibus Plutarchi, стр. 13.*

Фабію. Достоверность извѣстія Плутарха принимается, напримѣръ, *К. Миллеръ*²⁰⁾, *Зуземилъ*²¹⁾ и др.²²⁾; долю правды въ этомъ извѣстіи находятъ и *Моммзенъ* (см. выше).

Извѣстіе Плутарха о зависимости Фабія отъ Діокла, равно какъ знакомство самого Плутарха съ подлиннымъ сочиненіемъ Діокла сами по себѣ не представляютъ ничего невозможнаго или неправдоподобнаго. Недовѣріе основывалось всецѣло на субъективной антипатіи къ мысли, что легенда о Ромуль и Ремъ составилаь при какомъ бы то ни было участіи грековъ. Насколько такое воззрѣніе правильно, можно узнать только изъ подробнаго разбора самой легенды.

III. Діоклова фабула по Плутарху и Діонисію.

Если допустимъ, что заявленіе Плутарха относительно Діокла заслуживаетъ довѣрія, то исходною точкою для дальнѣйшаго сужденія долженъ служить прежде всего текстъ самого Плутарха. А такъ какъ, по словамъ того же Плутарха, также и рассказъ Фабія, воспроизведеннаго Діонисіемъ, въ большинствѣ случаевъ (ἐν τοῖς πλείστοις, τὰ πλείστα) былъ сходенъ съ рассказомъ Діокла, то необходимо сличить между собою оба эти текста, Плутарха и Діонисія¹⁾. Приступая къ такому сличенію обоихъ авторовъ, мы кладемъ въ основаніи текстъ Плутарха, отмѣчая въ немъ *прямоугольными скобками* (при обыкновенномъ шрифтѣ) дополненія, взятые изъ текста Діонисія. Такими же скобками, но другимъ шрифтомъ (*курсивомъ*) обозначаемъ тѣ вставки археологическаго содержанія, которыми Плутархъ то и дѣло прерываетъ свой рассказъ. Наконецъ, въ примѣчаніяхъ подъ чертой помѣщаемъ случаи отступленія Діонисія отъ Плутарха, при чемъ археологическія вставки Діонисія отмѣчаемъ *курсивомъ* (подъ чертой)²⁾.

Весь рассказъ о близнецахъ замѣтно распадается на двѣ части, изъ которыхъ одна касается обстоятельствъ, предшествовавшихъ рож-

²⁰⁾ *Fragmenta historicorum graecorum III*, стр. 74.

²¹⁾ *Gesch. der griech. Litt. in der Alexandrinerzeit I*, 626, прим. 532 e.

²²⁾ См. *Schwegler*, I, 413, прим. 6.

¹⁾ *Plut. Rom.* 3, 1—9, 2; *Dion. Rom. ant.* 1, 76—84.

²⁾ По мнѣнію *Петера* (*Die Quellen Plutarchs*) археологическіе экскурсы Плутарха почерпнуты имъ главнымъ образомъ изъ Варрона. Напротивъ, *Швейгеръ* (*Röm. Gesch.* I, 120) и *Вартъ* (*De Iubae fratribus*) считаютъ ихъ заимствованными изъ сочиненія мавританскаго царя Юбы. Археологическія замѣчанія Діонисія восходятъ, повидному, преимущественно къ анналистамъ, которыми онъ пользовался.

денію младенцевъ и непосредственно слѣдовавшихъ за нимъ, а другая касается того времени, когда они, по достиженію юношескаго возраста, узнали истину своего происхожденія. Обѣ эти части разработаны очень детально, особенно вторая. Промежуточное же время между обоими этими періодами въ жизни близнецовъ, младенческимъ и юношескимъ, представляетъ собою совершенно бѣлый листъ, на которомъ чья то рука написала только догадку о томъ, что Ромуль и Ремь учились грамотѣ въ Габіяхъ.

1. „Царское достоинство въ Албалонгѣ, наследуемое въ потомствѣ Энея ³⁾, перешло къ двумъ братьямъ, Нумитору и Амулію ⁴⁾. По слѣдній предложилъ брату Нумитору раздѣлить все родовое состояніе на двѣ части, такъ что одинъ получить царскую власть, а другой возьметъ привезенное изъ Трон золото и прочія богатства. Нумиторъ выбралъ первую долю и такимъ образомъ сдѣлался царемъ ⁵⁾. Однако Амулій, благодаря выпавшимъ на его долю богатствамъ, пользовался болѣе вліяніемъ, чѣмъ самъ царь Нумиторъ, такъ что послѣдній, наконецъ, оказался вынужденнымъ уступить Амулію и царскую власть ⁶⁾. Амулій же, [чувствуя свое положеніе непрочнымъ, погубилъ коварнымъ образомъ на охотѣ сына Нумитора, юношу Эгеста] ⁷⁾, а дочь Нумитора сдѣлалъ весталкой. [Эту дочь одни называютъ *Ἰλία*, другіе *Ρέα*, а третьи *Σιλουία*] ⁸⁾. Нѣсколько времени спустя ⁹⁾ весталка сдѣлалась беременной, [а именно въ священной роцѣ Марса, куда она отправилась за водой для священнодѣйствія]. Тайственный посѣтитель весталки, по ся собственному заявленію, былъ самъ Марсъ, [такъ сообщается у большинства (*οἱ πλείστοι*) писателей,] въ то время какъ нѣкоторые писатели полагали, что это былъ Амулій подъ личи-

³⁾ Діонисій (с. 76), не упоминая въ этомъ мѣстѣ о потомствѣ Энея, ограничивается заявленіемъ: Ἀμόλιος ἐπίδη παρέλαβε τὴν Ἀλβανῶν βασιλείαν.

⁴⁾ Плутархъ называетъ ихъ имена согласно принятой у римлянъ формѣ. Напротивъ, Діонисій (по Фабію) даетъ болѣе древнія (греч.) формы: Νεμίτωρ, Ἀμόλιος.

⁵⁾ Діонисій умалчиваетъ объ этой сдѣлкѣ, упоминая лишь кратко (с. 71 и 76) о томъ, что Амулій отнялъ царство у своего старшаго брата Нумитора.

⁶⁾ Изъ дальнѣйшаго хода дѣла явствуетъ, что и эта уступка имѣла форму сдѣлки (а не грубаго паспсія), такъ какъ оба брата продолжаютъ жить вмѣстѣ, тутъ же въ Албалонгѣ.

⁷⁾ Плутархъ опускаетъ это обстоятельство, а также дальше сокращаетъ рассказъ о весталкѣ, въ отличіе отъ Діонисія,лагающаго это мѣсто очень подробно.

⁸⁾ Діонисій (с. 76) называетъ ее Сильвией, но съ указаніемъ, что нѣкоторые пишутъ *Ρέα* ὄνομα, *Σιλουία* ἐπίκλησιν.

⁹⁾ По Діонисію (с. 77): на четвертомъ году жречества.

ной Марса ¹⁰⁾. [Во время встрѣчи Марса съ весталкой солнце померкло и мракъ покрылъ землю ¹¹⁾ въ знакъ того, что къ ней приближается богъ. Прежде чѣмъ разстаться съ весталкой, Марсъ предсказалъ ей, что она должна родить двухъ мальчиковъ, которымъ суждено сдѣлаться ἀνθρώπων μακρῆ κρατίστου ἀρετῆν καὶ τὰ πολέμα. Весталка, возвратясь домой, по совѣту своей матери, притворилась больной, съ одной стороны ради того, чтобы не осквернить своимъ присутвіемъ алтари дѣвственной богини, а съ другой — просто ради безопасности. Но Амулій, не довѣряя ей болѣзни, подсылалъ къ ней соглядатаевъ, пока не узналъ настоящаго положенія дѣла. Тогда онъ созвалъ совѣтъ (οἱ σύνδροι = consilium), въ которомъ рѣшено было казнить весталку бичеваніемъ до смерти ¹²⁾, а младенцевъ бросить въ рѣку]. Но, впрочемъ, до казни дѣло не дошло, такъ какъ добрая дочь царя Амулія, по имени Ἀνθή, упростила своего отца даровать жизнь весталкѣ ¹³⁾. Въмѣстѣ казни царь приговорилъ весталку къ строгому заключенію въ темницѣ ¹⁴⁾, въ которой она и оставалась до самой смерти Амулія ¹⁵⁾. Что же касается дѣтей, то Амулій передалъ ихъ своему слугѣ ¹⁶⁾ съ приказаніемъ бросить ихъ въ рѣку. [*При этомъ Плутархъ замѣчаетъ, что нѣкоторые называютъ этого слугу Фаустуломъ, въ то время какъ другіе называютъ Фаустуломъ того,*

¹⁰⁾ Эти свидѣнія сообщаетъ Плутархъ дополнительнымъ образомъ, въ видѣ экскурса (с. 4, 4—5). Какъ у Плутарха, такъ и у Діонисія (с. 77) рассказъ о Марсѣ излагается въ скептической формѣ.

¹¹⁾ Объ этомъ затменіи солнца упоминаетъ Діонисій еще разъ въ другомъ мѣстѣ (2, 56). Плутархъ говоритъ объ этомъ только въ трактатѣ de fort. Rom. (с. 8).

¹²⁾ При этомъ Діонисій (с. 78 конц.) заявляетъ, что въ это время виновныхъ въ нарушеніи чюломудрія весталокъ зарывали въ землю.

¹³⁾ Діонисій (с. 79), говори объ этомъ заступничествѣ царской дочери за свою двоюродную сестру, не называетъ ея по имени.

¹⁴⁾ По Плутарху (3, 6), она была заключена въ темницу еще до рожденія близнецовъ; напротивъ, по Діонисію (с. 79) уже послѣ ихъ рожденія.

¹⁵⁾ Мѣсто заключенія весталки, какъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа, предполагается во дворцѣ царя (Діонисій, с. 82). О томъ, что она освобождена послѣ смерти Амулія, сообщаютъ и Діонисій (с. 79) и Плутархъ (с. 9, 2). Діонисій упоминаетъ еще и другую версию, по которой весталка была казнена немедленно послѣ рожденія младенцевъ, но способа ея смерти не показываетъ.

¹⁶⁾ Діонисій говоритъ о „слугахъ“ во множественномъ числѣ, каковое число, впрочемъ, и самъ Плутархъ употребляетъ ниже (с. 8, 4). Единственное число въ этомъ мѣстѣ оказалось нужнымъ ради замѣтки объ имени слуги.

который спасъ дѣтей] ¹⁷⁾. Положивъ дѣтей въ корыто (σκάφη), слуга направился къ рѣкѣ, но не могъ добраться до самаго русла, потому что какъ разъ было половодье. Поэтому онъ положилъ корыто съ дѣтьми недалеко отъ берега рѣки [въ неглубокомъ мѣстѣ разлива] и ушелъ. Такъ какъ вода все еще прибывала, то корыто было похвачено ею и понеслось внизъ по теченію ¹⁸⁾, пока вновь не наткнулось на мелкое мѣсто, гдѣ и остановилось. [Въ вставленномъ здѣсь примѣчаніи Плутархъ сообщаетъ, что это мѣсто называется теперь Керралός, а прежде называлось Германός отъ слова germanus, и что по близости находилась смоковница, получившая названіе „Руминаль-ская“ отъ имени Ромула или отъ слова гита, что въ древней латыни означало татта, согласно съ члѣмъ и боиня-покровительница чудныхъ младенцевъ называется Ρουμολαί, а при жертвоприношеніяхъ въ честь ея употребляется молоко вмѣсто вина] ¹⁹⁾. [Остановилось же корыто вслѣдствіе того, что наскочило на камень. Отъ этого толчка корыто покачнулось, такъ что дѣти вывалились въ грязь]. Когда такимъ образомъ они здѣсь лежали, [барахтаясь въ жидкой грязи], то появилась волчица [и поднесла къ ихъ устамъ свои вздутые сосцы и, кормя ихъ, счищала съ нихъ грязь языкомъ]. Въ кормленіи дѣтей принималъ участіе также и дятель ²⁰⁾. [Въ обширномъ экскурсѣ Плутархъ говоритъ сперва о томъ, что волкъ и дятель считаются животными, посвященными Марсу, и что въ частности дятель находится въ большомъ почетѣ у латинянъ, вслѣдствіе чего они и похитрили весталку, когда она указывала на Марса, какъ на отца близнецовъ. Тутъ же сообщается и другая, эвemerистическая версія, по которой сама Амунія лишилась весталку дѣвственности, явившись къ ней въ полномъ вооруженіи (т.-е., въ образѣ Марса). Далѣе излагается такое же эвemerистическое толкованіе чуда съ волчицей: этотъ рассказъ возникъ

¹⁷⁾ При этомъ опять Плутархъ даетъ принятую римлянами форму Фаотόλος, въ то время какъ Діонисій удерживаетъ боже старую форму Фаотόλος.

¹⁸⁾ О томъ, что корыто попало по рѣкѣ, говоритъ и Плутархъ и Діонисій, наравнѣ съ Ливіемъ. Слѣдовательно, мѣсто, гдѣ дѣти были найдены, не тождественно съ мѣстомъ, гдѣ они были брошены. Первымъ считался Iurecal, вторымъ, по опредѣленію Ливія, оказывался компцій съ смоковницей.

¹⁹⁾ Любопытно, что Плутархъ не упоминаетъ отдѣльно о лунеркалѣ, опять таки въ отличіе отъ Діонисія (с. 79), который специально указываетъ именно гротъ Луперка.

²⁰⁾ Несмотря на то, что Плутархъ говоритъ о чудесномъ спасеніи малютокъ очень кратко, да еще съ прибавленіемъ скептическаго історіоса, онъ тѣмъ не менѣе находитъ нужнымъ дополнять этотъ рассказъ указаніемъ на датла, совершенно отсутствующаго у Діонисія.

вслѣдствіе двойнаго значенія слова *lupa* „волчица“ и „распутная женщина“; настоящей же кормилицей близнецовъ была *lupa* во второмъ значеніи этого слова ²¹⁾, каковою и оказывалась жена Фаустула, по имени *Assa Latentia*. Въ честь Акви Ларенціи римляне ежегодно, въ апрѣль, совершали жертвоприношеніе черезъ фламину ²²⁾, а самый праздникъ назывался *Larentia*. Была еще другая Ларенція, жена Таруція, исторія которой излагается обстоятельно (с. 5). Она была похоронена тамъ же, гдѣ и первая Ларенція, а именно на *Velabrum*; затѣмъ слѣдуетъ этимологическое толкованіе этого слова ²³⁾. [Сцену кормленія малютокъ волчицею замѣтилъ одинъ изъ пастуховъ. Пораженный такимъ зрѣлищемъ, онъ призвалъ товарищей. Когда же пастухи начали подходить ближе, то волчица медленно удалилась, скрывшись въ пещерѣ, которая находилась въ близкой роцѣ ²⁴⁾. Въ числѣ пастуховъ находился старшина царскихъ свинопасовъ по имени Фаустулъ, который какъ разъ передъ тѣмъ былъ въ городѣ (Албалонгѣ) и, возвращаясь оттуда домой, сопутствовалъ слугамъ, получившимъ приказаніе выбросить дѣтей. Этотъ то Фаустулъ, не подавая вида, что онъ что нибудь знаетъ, вызвался взять дѣтей къ себѣ на воспитаніе и, съ согласія прочихъ пастуховъ, отнесъ ихъ къ своей женѣ, которая какъ разъ въ это время родила мертвaго ребенка ²⁵⁾. Такимъ образомъ близнецы выросли въ пастушеской средѣ, получивъ имена 'Ромулосъ и 'Рѣмосъ] ²⁶⁾. [Плутархъ прибавляетъ, что некоторые писатели утверждали, что Фаустулъ принялъ дѣтей на воспитаніе съ вѣдома царя Амулія, который тайкомъ отпускалъ Фаустулу пособие для этой

²¹⁾ Объ этомъ толкованіи дополнительнымъ образомъ упоминаетъ и Діонисій (с. 84).

²²⁾ Плутархъ ошибочно называетъ тутъ „фламину Марса“, въ то время какъ это былъ *flamen Quirinalis*.

²³⁾ Въ отличіе отъ этого обширнаго экскурса дальнѣйшій рассказъ Плутарха о Фаустулѣ исчерпывается словами: „Дѣтей поднимъ свинопасъ Амуліи Фаустулъ“, въ то время какъ Діонисій рассказываетъ это подробно.

²⁴⁾ При этомъ Діонисій (с. 79) заявляетъ, что пещеру отождествляли (*іліеуго*) съ гротомъ Луперка. Что же касается роцъ, то таковой въ тѣхъ Діонисія тамъ не оказывалось, но пещера сохранилась, и передъ ней стояло древнее изображеніе волчицы.

²⁵⁾ Въ этомъ мѣстѣ, передаваемомъ по Фабію, Діонисій (с. 79) не называетъ жены Фаустула по имени, а сообщаетъ ея имя *Larentia* ниже (с. 84) дополнительнымъ образомъ. Также и Плутархъ указываетъ на имена сперва только въ видѣ примѣчанія (с. 4, 6).

²⁶⁾ Діонисій (с. 79) указываетъ на мѣстожителство на Палатинскомъ холмѣ, осылающъ на то, что еще въ его времена находилась тамъ такъ называемая *cava Romuli*.

цѣли, и что мальчики отправлены были въ Габии для полученія школьнаго образованія ²⁷⁾. Имена *Romulus* и *Remus* происходят отъ слова *гита*].

2. Достигнувъ зрѣлаго возраста ²⁸⁾, оба брата выдавались между своими сверстниками не только ростомъ и красотой, но и умомъ ²⁹⁾ и гордой независимостью характера, такъ что они совсѣмъ не походили на пастуховъ [а, напротивъ, являлись такими, какими вообще подобаетъ быть потомкамъ царей и боговъ] ³⁰⁾. Держа себя независимо по отношенію къ царскимъ пастухамъ, среди которыхъ они выросли, они въ то же время защищали ихъ и ихъ стада противъ нападений и обидъ со стороны сосѣдей. Къ числу послѣднихъ принадлежали и пастухи Нумитора ³¹⁾, у которыхъ часто бывали недоразумѣнія съ пастухами царя Амулія. Такъ какъ послѣдніе одолѣвали первыхъ особенно благодаря Ромулу и Рому, то гнѣвъ Нумитора и его пастуховъ обратился главнымъ образомъ противъ обоихъ братьевъ. И вотъ, когда однажды Ромуль отлучился изъ дому для совершенія какого-то жертвоприношенія ³²⁾, то пастухи Нумитора [произвели нападеніе на жилища пастуховъ Амулія, а, когда Ромъ вышелъ защищаться, то нападавшіе умышленно начали отступать съ цѣлью завлечь его въ засаду. Это имъ удалось; они] окружили Рома съ немногими его товарищами и [связавъ его,] отвели къ своему хозяину Нумитору. Однако послѣдній, боясь гнѣва царя, не рѣшался самъ наказывать Рома, принадлежавшаго къ числу царскихъ пастуховъ, а потому и отправился къ Амулію съ просьбой наказывать этого царскаго слугу за обиды, причиненныя ему, брату царя. Вмѣстѣ съ Нумито-

²⁷⁾ О Габіяхъ сообщаетъ и Діонисій въ дополнительной главѣ (с. 84).

²⁸⁾ Но Діонисію (и Овидію *fast.* 3, 59), имъ было тогда около 18-ти лѣтъ, что равняется численному опредѣленію понятія совершеннолѣтія.

²⁹⁾ Плутархъ хвалитъ за умъ особенно Ромула, въ виду его дѣятельности, какъ устроителя города. Однако изъ самой легенды о близнецахъ вовсе не видно, чтобы Ремъ въ отношеніи ума сколько-нибудь уступалъ Ромулу.

³⁰⁾ Къ этому опредѣленію *качества* обоихъ юношей Діонисій (с. 79) прибавляетъ: *ὡς ἐν τοῖς πατρίοις ἄλλοις ὑπὸ Ῥωμαίων ἔτι καὶ νῦν ἔβηται.*

³¹⁾ Діонисій (с. 79) опредѣляетъ Аевентинъ, какъ мѣсто пастбищъ Нумитора, въ отличіе отъ Палація, гдѣ были пастбища Амулія.

³²⁾ Плутархъ (с. 7, 3) не опредѣляетъ ни мѣста, ни характера этого жертвоприношенія, а указываетъ лишь вообще на то, что Ромуль былъ *φλοῦβος καὶ μακτός*. Также и Діонисій (с. 79) говоритъ о праздникѣ только въ общихъ словахъ: *ἡρὰ ποιῶν ὑπὲρ τοῦ κοινῆ πατρίαι*, но за то *опредѣляетъ городъ Ценину, какъ мѣсто этого жертвоприношенія.*

ромъ къ царю отправились и пастухи съ плѣнникомъ ³³⁾ Такъ какъ населеніе города выражало сочувствіе дѣлу Нумитора ³⁴⁾, то Амулій рѣшилъ предоставить самому Нумитору поступить съ Ромомъ по своему усмотрѣнію. Такимъ образомъ Нумиторъ уводитъ плѣнника обратно къ собѣ. [Когда пастухи уводили Рома къ Нумитору, связаннаго по рукамъ, и издѣвались надъ нимъ, то Нумиторъ, идя за ними и глядя на юношу, удивлялся его гордой осанкѣ, согласной съ его мужественнымъ характеромъ]. Придя домой онъ, призвалъ къ собѣ Рома и наединѣ, безъ свидѣтелей, началъ его расспрашивать о его происхожденіи, такъ какъ ему казалось невѣроятнымъ, что Ромъ—простой пастухъ. Тутъ Ромъ и рассказалъ Нумитору всю исторію своего дѣтства, какъ они съ братомъ были спасены чудеснымъ образомъ и какъ теперь, происходя отъ неизвѣстныхъ родителей, считаются дѣтьми пастуха Фаустула и его жены. При этомъ онъ указалъ, что до сихъ поръ сохранилось то корыто, въ которомъ они пущены были на воду и которое можетъ оказаться полезнымъ для отысканія ихъ родителей, такъ какъ на мѣдныхъ скрѣпленіяхъ дна корыта имѣется какая-то полустертая уже надпись ³⁵⁾. Рассказъ юноши подтвердилъ зародившееся уже раньше въ душѣ Нумитора подозрѣніе. Поэтому [предложивъ Рому послать брату Ромулу извѣстіе о томъ, что онъ живъ и здоровъ, и попросить его явиться какъ можно скорѣе въ Албалонгу,] Нумиторъ съ своей стороны искалъ возможности повидаться съ дочерью-весталкой, которая до сихъ поръ содержалась подъ строгимъ карауломъ (*ἑφροραῖτο καρτερῶς*) ³⁶⁾. [Гонецъ посланный къ Ромулу, встрѣтилъ его недалеко отъ города, такъ какъ Ромуль самъ сибѣшилъ къ Нумитору, послѣ того какъ узналъ отъ Фаустула все, что послѣднему было извѣстно. На состоявшемся вслѣдъ за этимъ

³³⁾ Это видно изъ словъ Плутарха (с. 7, 6 сл.) объ исходѣ суда: *παράδειμα τῶ Νουμίτῳ τὸν Ῥώμῳ, παραλαβὴν δὲ ἐκείνος ἤκεν οἴκαδ*. По изложенію Діонисія (с. 81) выходитъ, какъ будто пастухи Нумитора повели плѣнника прямо къ царскому суду, во время котораго присутствовали, однако, и Нумиторъ.

³⁴⁾ Объ участи въ этомъ дѣлѣ населенія говоритъ и Плутархъ (с. 7, 6) и Діонисій (с. 81): *Ἀμόλιος δὲ τοῖς τε χερσίταις (var. πολιταῖς) κατὰ πλῆθος ἀλλοθόβα χάριζομαι βουλόμενος*. Изъ этого участія публики нужно заключить, что сцена царскаго суда предполагается подъ открытымъ небомъ.

³⁵⁾ Слова Рома, изложенныя у Плутарха (с. 7, 8—12) въ видѣ прямой рѣчи, переданы Діонисіемъ (с. 81) въ краткомъ извлеченіи. Наоборотъ, отвѣтъ Нумитора у Плутарха (с. 7, 13) советѣмъ опущенъ, въ то время какъ Діонисій (с. 82) передаетъ его въ видѣ прямой рѣчи.

³⁶⁾ См. выше прим. 15.

свиданіи Ромула съ Ромомъ и Нумиторомъ, послѣ сцены признанія дѣдомъ своихъ впуковъ, они распредѣлили между собою роли для предстоящихъ дѣйствій противъ Амулія] ³⁷⁾.

Тѣмъ временемъ Фаустуль, успѣвъ предварительно повидаться съ Ромуломъ ³⁸⁾ и сообщить ему всѣ свѣдѣнія о происхожденіи обоихъ братьевъ, отправился въ Албалонгу, съ тѣмъ чтобы разъяснить Нумитору положеніе дѣла и этимъ спасти Рома отъ гнѣва Нумитора. Въ видѣ доказательства Фаустуль захватилъ съ собою корыто. Но царскіе солдаты, стоявшіе на стражѣ у воротъ ³⁹⁾, остановили Фаустула, такъ какъ онъ, скрывая корыто подъ плащомъ, показался имъ подозрительнымъ. Въ числѣ стражниковъ случайно находился одинъ изъ тѣхъ слугъ, которымъ нѣкогда было поручено выбросить дѣтей. Тотъ сейчасъ узналъ корыто, между прочимъ, по надписи [и объяснилъ своимъ товарищамъ, въ чемъ дѣло]. Тогда стражники схватили Фаустула и повели къ царю Амулію. Допрошенный послѣднимъ Фаустуль сознался, что дѣти до сихъ поръ живы и находятся [въ горахъ] вдали отъ Албалонги. Но настоящей цѣли своего прихода онъ ему не открылъ, а вмѣсто этого началъ утверждать, будто онъ собирался представить корыто матери близнецовъ ⁴⁰⁾. Царь съ оплош-

³⁷⁾ Изъ обстоятельствъ заключительной сцены, сообщаемыхъ Плутархомъ (с. 8, 14), согласно съ Ливіемъ (1, 5, 7), видно, что Ромуль, послѣ свиданія съ дѣдомъ, снова ушелъ изъ города для того, чтобы собрать отрядъ изъ своихъ товарищей. Однако, Діонисій продолжаетъ свой разсказъ такъ, какъ будто Ромуль не покидалъ уже города до самаго конца. Впрочемъ, Плутархъ опускаетъ сцену свиданія Ромула съ Нумиторомъ, а вмѣсто этого сообщаетъ о свиданіи Ромула съ Фаустуломъ, о чемъ Діонисій (с. 82) упоминаетъ лишь мимоходомъ.

³⁸⁾ По Кассію Діону (Boishevain I стр. 7) самъ Ромуль послѣднѣе къ Фаустулу, чтобы сообщить ему о томъ, что Ромъ схваченъ пастухами Нумитора.

³⁹⁾ Ни у Плутарха, ни у Діонисія не сказано, какія это были ворота. Но нѣтъ причинъ думать, что здѣсь разумѣется входъ царскаго дворца (какъ полагаетъ Триберъ). Напротивъ, въ указаніи Діонисія (с. 82) на опасность, угрожавшую Албалонгѣ со стороны враговъ, заключается довольно ясное подтвержденіе того, что, по крайней мѣрѣ, Діонисій имѣлъ въ виду городскія ворота.

⁴⁰⁾ Діонисій (с. 82) излагаетъ этотъ допросъ Фаустула подробнѣе, чѣмъ Плутархъ. Фиктивная цѣль прихода Фаустула изображена въ слѣдующемъ видѣ: Самы братья—близнецы послали Фаустула къ своей матери съ вѣстью о нихъ. Но такъ какъ она находилась подъ стражей въ домѣ царя, то Фаустуль хотѣлъ—до обратиться къ царской дочери (= Аѳѣ) съ просьбой привести его къ заключенной весталкѣ. Корыто же взялъ онъ съ собою для удостовѣренія своихъ словъ. Плутархъ излагаетъ это короче и нѣсколько иначе.

ностью, свойственной людямъ, дѣйствующимъ подъ вліяніемъ страха или гнѣва, вздумалъ воспользоваться своимъ слугою Фаустуломъ для того, чтобы вывѣдать у Нумитора, не знаетъ-ли тотъ чего нибудь о дѣтяхъ. Такимъ образомъ Фаустулъ очутился тамъ, куда самъ стремился. Къ своему удивленію, онъ засталъ Рома въ объятіяхъ дѣда и ему оставалось только подтвердить то, что они уже знали ⁴¹⁾. [Фаустулъ далѣе самъ предложилъ царю отпустить его домой и послать съ нимъ людей, которымъ онъ могъ бы показать близнецовъ ⁴²⁾. Царь согласился, но людямъ, посланнымъ съ Фаустуломъ, тайкомъ приказалъ схватить близнецовъ и привести къ нему. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рѣшилъ арестовать Нумитора, пока все не уляжется. Но посланный къ Нумитору человекъ съ приглашеніемъ явиться къ царю оказался благорасположеннымъ къ Нумитору и предупредилъ его объ угрожающей ему опасности]. Въ это время Ромулъ стоялъ уже подъ городомъ и къ его отряду ушли изъ города (ἐξέβρον) многіе изъ горожанъ, ненавидя Амулія и боясь его. Такимъ образомъ у Ромула составилось значительное войско. [*Плутархъ составляетъ тутъ примѣчаніе о томъ, что войско Ромула раздѣлено было на манипулы и объясняетъ происхождение этого слова*]. [Послѣ того какъ одна часть пастуховъ Ромула проникла въ городъ заблаговременно, разными дорогами, съ оружіемъ, скрытымъ подъ одеждою,] ⁴³⁾ появляется самъ Ромулъ, ворвавшійся въ городъ извнѣ (ἐξωθεν), и въ то же время съ другой стороны приходитъ Ромъ во главѣ соумышленниковъ, собранныхъ имъ тутъ же въ городѣ (τοῦς ἑντός) ⁴⁴⁾. [Нападающіе выломали двери дворца и, проникнувъ внутрь,] убили тамъ Амулія. Такимъ

⁴¹⁾ Этого эпизода о томъ, что царь послалъ Фаустула къ Нумитору, у Діонисія не видѣно. Наоборотъ, Плутархъ опускаетъ извѣстіе Діонисія о томъ, какъ царь отправилъ Фаустула обратно домой въ сопровожденіи людей, получившихъ приказаніе схватить братьевъ, а также о томъ, какъ царь пригласилъ къ себѣ Нумитора съ намѣреніемъ арестовать его.

⁴²⁾ Такое предложеніе со стороны Фаустула поматно только въ томъ случаѣ, если онъ уже знаетъ, что братья въ безопасности, т. е. если этотъ разговоръ Фаустула съ царемъ (переданный у Діонисія въ видѣ прямой рѣчи) происходилъ уже послѣ того, какъ онъ былъ у Нумитора, гдѣ и успокоился относительно Рема и въ то же время узналъ, что Ромула нѣтъ уже въ хижинѣ Фаустула.

⁴³⁾ Dion. с. 81; Liv. 1. 6, 1.

⁴⁴⁾ Также и Діонисій (с. 83 кон.) говоритъ о двухъ отрядахъ, но роли обонхъ братьевъ у него остались нераспределенными; воимъ завѣдываетъ какъ-будто одинъ Нумиторъ.

образомъ Нумитору⁴⁶), возвращено было царское достоинство, а матери близнецовъ—свобода и почетъ⁴⁶)“.

Сличеніе текста Плутарха съ текстомъ Діонисія показываетъ, что самое крупное различіе между обоими этими авторами заключается въ томъ, что у Діонисія Ромулъ приходитъ въ Албалонгу вслѣдъ за плѣніемъ Рома и остается тамъ до самой развязки, между тѣмъ какъ по Плутарху Ромулъ появляется уже только въ самомъ концѣ. Это различіе отражается особенно на финальной сценѣ, и притомъ къ невыгодъ Діонисія: между тѣмъ какъ у Плутарха роли обоихъ братьевъ выяснены съ полной опредѣленностью, у Діонисія, напротивъ, дѣйствія ихъ совершенно ступешиваются, сливаясь въ одно цѣлое съ дѣйствіями Нумитора. Эта неясность Діонисія, вызванная именно представлениемъ о томъ, что Ромулъ находился въ городѣ почти съ самаго начала дѣла, говоритъ въ пользу версій Плутарха, тѣмъ болѣе что согласно съ нимъ излагаетъ обстоятельства развязки также и Ливій, свидѣтельствуя этимъ, что и Фабій, источникъ Ливія, излагаетъ развязку приблизительно въ томъ видѣ, какъ и Плутархъ. Ошибка Діонисія произошла, повидимому, отъ того, что онъ, сообщивъ о первомъ появленіи Ромула въ Албалонгѣ вслѣдъ за плѣніемъ Рома, не нашель у Фабія или вообще въ своихъ анналистахъ, которыми пользовался⁴⁷), прямого указанія на то, что Ромулъ, послѣ свиданія съ братьями и дѣдомъ, ушелъ опять изъ города.

Другая причина того, что *финальная сцена* у Діонисія оказалась какъ то скомканной и спутанной, заключается въ кажущемся излишествѣ отрядовъ Ромула, которыхъ было два: одинъ тотъ, во главѣ котораго онъ появляется (у Плутарха) извнѣ (ἐξωθεν) въ моментъ развязки, а другой отрядъ тотъ, людямъ котораго вѣрно было Ромуломъ войти въ городъ по одиночѣ, по разнымъ дорогамъ, скрывая свое оружіе подъ платьемъ. Объ этомъ второмъ отрядѣ Діонисій говоритъ два раза: въ первый разъ (с. 81 нач.)—въ непосредственной связи съ судомъ надъ Ромомъ, а во второй разъ (с. 83 кон.)—въ рассказѣ о нападеніи на дворецъ Амулія. Въ обоихъ случаяхъ этотъ отрядъ

⁴⁶) По Ливію (1, 6, 1), участіе Нумитора въ этомъ дѣлѣ выразилось въ томъ, что онъ въ началѣ суматохи отвелъ царское войско въ кремль, ако бы для защиты послѣдняго отъ предполагаемыхъ враговъ, ворвавшихся въ городъ.

⁴⁶) О матери близнецовъ см. Plut. с. 9, 2.

⁴⁷) Нужно имѣть въ виду, что Діонисій рассказываетъ исторію близнецовъ не исключительно по Фабію, а вообще по *οἱ περί τῶν Φαβίων* или, иначе, *οἱ πλείστοι*.

представляет собою базарную публику⁴⁸). При этом роль отряда, состоящего изъ людей, собравшихся на базаръ, въ дѣлѣ нападенія на дворецъ лишена всякаго практическаго смысла. Если бы дѣло касалось нападенія на городскія ворота, то можно было бы считать назначеніе второго отряда аналогичнымъ роли грековъ, спрятавшихся въ троянскомъ конѣ. Между тѣмъ ситуация, по описанію Діонисія (с. 83 кон.), такова: Амулій совмѣстно съ Ромуломъ и Ромомъ, во главѣ отряда вооруженныхъ людей разныхъ категорій, появляются передъ дворцомъ⁴⁹), находящимся, конечно, въ городѣ⁵⁰), хотя и не въ кремль⁵¹). Пастухи же Ромула, собравшіеся на базаръ, только присоединяются къ этому отряду, оказывавшемуся и безъ нихъ достаточно значительнымъ (ὄχ ὀλίγη). Отдѣльное существованіе этого отряда ничѣмъ не мотивировано. А такъ какъ этотъ отдѣльный отрядъ, способъ составленія котораго излагается съ такою подробностью, долженъ былъ имѣть какой-либо *raison d'être* (въ чемъ заключалось его назначеніе, будетъ показано ниже)⁵²), то необходимо заключить, что пересказъ легенды у Діонисія въ этомъ мѣстѣ не совсѣмъ правиленъ. Надлежащій коррективъ и находится у Плутарха, по которому Ромуль въ моментъ развязки явился во главѣ отряда извнѣ города. Ошибка Діонисія произошла, слѣдовательно, отъ того, что онъ отождествилъ этотъ отрядъ Ромула, пришедшій извнѣ (ἔξωθεν), съ толпой пастуховъ Ромула, собравшихся внутри города, на базарѣ, еще ко времени суда надъ Ромомъ. Впрочемъ, такое отождествленіе обоихъ отрядовъ произошло, повидимому, не по винѣ Діонисія, а допущено было еще прежними анналистами, такъ какъ повторяется также у Ливія (1, 5, 7). Любопытно, что, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, также и здѣсь Плутархъ и Діонисій дополняютъ одинъ другого: въ то время, какъ Діонисій, по поводу суда надъ Ромомъ, говоритъ о толпѣ пастуховъ, собравшихся по одиночкѣ на базарѣ, Плутархъ, напротивъ, опускаетъ эту частность, съ замѣтною намѣренностью (вызавшею и его

⁴⁸) Діон. 1, 81: περὶ τὴν ἀγορὰν ὑπομένοντας.—1, 83: ἐκλιπόντες τὴν ἀγορὰν.

⁴⁹) Діон. 1, 83: παρτὴν ἄγων ἐπιλαμένους ἐπὶ τὰ βασιλῆα.

⁵⁰) По изложенію Діонисія вообще все это дѣло ограничивается только предѣлами города.

⁵¹) По Діонисію (с. 83), отрядъ Нумитора и его двухъ внуковъ направляется въ кремль уже только послѣ нападенія на дворецъ и послѣ убійства Амулія (καὶ μετὰ τοῦτο τὴν ἔκραν καταλαμβάνοντας). У Ливія (1, 6, 1) Нумиторъ занимаетъ кремль параллельно съ нападеніемъ Ромула и Рема на дворецъ.

⁵²) См. гл. XI кон.

экскурсъ о манипулахъ) подчеркиваетъ существованіе у Ромула правильно организованнаго военнаго отряда, во главѣ котораго и входитъ въ городъ, для того чтобы произвести нападеніе на дворець.

Другой, сравнительно довольно значительный, случай отступленія отъ Плутарха заключается въ томъ, что, по *Діонисію, пастухи Нумитора ведутъ сваченнаю или Рома прямо къ царю*, но такъ что во время суда присутствуетъ и Нумиторъ⁵³⁾. Плутархъ, напротивъ, говоритъ, что пастухи представили своего плѣнника сперва своему хозяину Нумитору, который уже отъ себя, не желая самъ принимать какихъ-либо мѣръ противъ царскаго пастуха, отправился съ жалобой къ царю въ сопровожденіи, конечно, пастуховъ и ихъ плѣнника. Внутренняя правдоподобность находится, несомнѣнно, на сторонѣ Плутарха. А что касается внѣшней формы, то тутъ имѣется не столько ошибка со стороны Діонисія, сколько скорѣе лишь неточность, вызванная сокращеннымъ изложеніемъ того же самаго, что сообщаетъ и Плутархъ.

Подобнымъ образомъ также и кажущееся разногласіе въ *опредѣленіи фиктивной цѣли прихода Фаустула* отчасти также происходитъ отъ различнаго способа передачи словъ Фаустула⁵⁴⁾: у Плутарха вся рѣчь ограничивается нѣсколькими словами, въ то время какъ Діонисій излагаетъ ее болѣе подробно и съ сообщеніемъ такихъ данныхъ, какъ напр. указаніе на царскую дочь (Ἀνθά), которыя свидѣлствуютъ о полной достовѣрности Діонисія.

Совсѣмъ не существовенно разногласіе между Плутархомъ, который утверждаетъ, что *царскій слуга положилъ корыто съ дѣтьми недалеко отъ берега рѣки*, и Діонисіемъ, который говоритъ, что слуги опустили корыто съ дѣтьми въ ближайшую *лужу* разлива. Правильность указанія Діонисія, подтверждается не только прямымъ смысломъ приказанія царя, повелѣвшаго бросить дѣтей *въ воду*, но и свидѣтельствомъ Ливія (1, 4, 5: in proxima eluvie). Плутархъ оказывается въ этомъ мѣстѣ не точнымъ еще въ томъ, что говоритъ лишь объ одномъ слугѣ, хотя самъ же ниже (во второй части легенды) упоминаетъ о слугахъ во множественномъ числѣ.

Дѣйствительное разногласіе имѣется еще только въ *опредѣленіи времени заключенія весталки въ темницу*: по Плутарху, она была

⁵³⁾ Діон. 1, 81: οἱ δὲ τὸν Ῥώμιον ἄγοντες ἐπαθὴ κατέστησαν εἰς τὸν βασιλεῖα παρὸν γὰρ ἐτύχασε (Neméstor).

⁵⁴⁾ О настоящей причинѣ раздѣчія см. гл. XI прим. 22.

заклучена до рожденія младенцевъ; напротивъ, по Діонисію,—только уже послѣ родовъ. На чьей сторонѣ правда (относительно текста Діокла), трудно рѣшить. Но принимая во вниманіе, что сообщенія Плутарха во многихъ случаяхъ имѣютъ характеръ сознательныхъ и даже преднамѣренныхъ поправокъ и дополненій къ Діонисію, можно полагать, что Плутархъ заслуживаетъ и въ этомъ случаѣ предпочтеніе передъ Діонисіемъ⁶⁶⁾.

Вотъ собственно все, въ чемъ обнаруживается разногласіе въ общеомихъ обоями авторами данныхъ, относящихся къ тексту самой легенды. Къ этому, однако, присоединяются еще многочисленныя случаи различія, какъ въ текстѣ легенды, такъ и въ археологическихъ примѣчаніяхъ, когда одинъ авторъ сообщаетъ то, что другой опускаетъ или когда одинъ излагаетъ подробно то, что у другого представлено вкратцѣ⁶⁶⁾. Этихъ случаевъ такъ много и они столь характеристичны, что рѣшительно нельзя ихъ считать результатомъ простого случая; напротивъ, преднамѣренность тутъ слишкомъ очевидна. А такъ какъ Плутархъ не только писалъ послѣ Діонисія, но и пользовался его сочиненіемъ (см. выше въ гл. II), то приходится полагать, что Плутархъ, составляя свой разсказъ о близнецахъ и положивъ въ основаніе подлинный текстъ Діокла, въ то же время критически слѣдилъ и за текстомъ Діонисія, сообщавшимъ свой разсказъ по Фабію, и не желая просто повторять сказаннаго Діонисіемъ, сокращалъ свой разсказъ и даже опускалъ многое въ тѣхъ частяхъ легенды, которыя у Діонисія были изложены пространно, восполняя, наоборотъ, то, что у Діонисія оказывалось совсѣмъ опущеннымъ, и исправляя то, что противорѣчло тексту Діокла.

Что же касается археологическихъ примѣчаній, то въ большинствѣ случаевъ онѣ выдѣляются вполне отчетливо изъ текста самой легенды у обояхъ авторовъ, причемъ въ сомнительныхъ случаяхъ (напр. относительно Ценицы) коррективомъ служитъ текстъ Плутарха. Остается одно только замѣчаніе Плутарха о дятлѣ, относительно котораго возможно сомнѣніе, заимствовано ли оно Плутархомъ изъ подлиннаго текста Діокла или же это только ученая вставка самого Плутарха⁶⁷⁾. Умолчаніе о дятлѣ у Діонисія въ весьма пространномъ описаніи сцены

⁶⁶⁾ Ср. гл. IV прим. 13.

⁶⁶⁾ Трибери (Rh. Mus. 1888 стр. 578), не уяснивъ собѣ этого отношенія обояхъ авторовъ, напрасно говоритъ о вариантахъ легенды.

⁶⁷⁾ См. гл. VIII, 3.

кормленія малютокъ волчицею во всякомъ случаѣ заставляетъ полагать, что по крайней мѣрѣ у Фабія и его послѣдователей упоминанія о дятлѣ не было.

IV. Легенда о близнецахъ у послѣдователей Фабія.

По заявленію Плутарха, Фабій въ изложеніи легенды о римскихъ близнецахъ придерживался Діокла, фабулу котораго мы пытались возстановить въ предшествующей главѣ путемъ сличенія текста Діонисія съ текстомъ Плутарха. Фабій же въ свою очередь послужилъ источникомъ, какъ сообщаетъ Діонисій, для большинства послѣдующихъ анналистовъ, а черезъ нихъ и для самого Діонисія, равно какъ и для Ливія и прочихъ писателей. И дѣйствительно, всѣ они, касаясь исторіи близнецовъ, налагаютъ ее по одному и тому же шаблону, отличаясь другъ отъ друга только большимъ или меньшимъ количествомъ нѣкоторыхъ дополнительныхъ элементовъ. По наблюденіямъ Скалы¹⁾, нерѣдко замѣчается почти буквальное повтореніе даже однихъ и тѣхъ же выраженій. Скала указываетъ, между прочимъ, на совпаденіе выраженій ἀνδρωθέντες у Діонисія (1, 79), ἠνδρωθήσαν у Діодора (VII, 4), cum primum adolevit aetas у Ливія (1, 4), ut adoleverit у Цицерона (г. р. 2, 4). Подобнымъ образомъ и указаніе на то, что Ромуль и Ремь среди своихъ сверстниковъ выдавались умственными и тѣлесными достоинствами, повторяется однообразно у разныхъ писателей (Plut. Rom. 6; Dion. 1, 79; Liv. 1, 4; Cic. г. р. 2, 4; Diodor. VII, 4). Слѣдовательно, даже формальная сторона разсказа указываетъ на одинъ общій источникъ, и притомъ источникъ литературный.

Основная схема легенды, сохранившаяся у Діонисія (по Фабію) и Плутарха (по Діоклу), не осталась, однако, свободной отъ разныхъ измѣненій и дополненій. Можно различать три группы измѣненій: 1) скептическое отношеніе къ чудеснымъ элементамъ легенды, приводящимъ даже къ полному перетолкованію ихъ по ученію Евимера; 2) археологическія опредѣленія и поименованіе встрѣчающихся въ легендѣ лицъ, мѣстъ и временъ; 3) измѣненіе самихъ событій.

Скептицизмъ, представляющій собою суррогатъ критическаго отношенія къ легендѣ, касался съ одной стороны происхожденія близнецовъ отъ Марса, а съ другой—ихъ кормленія волчицею. Относительно божественнаго происхожденія Ромула скептическая точка зрѣ-

¹⁾ R. v. Scala (Neue Jahrb. f. Philologie 1892, 2, стр. 419).

нiя принадлежала къ хорошему тону просвѣщеннаго интеллигента въ такой стонци, что *Плутархъ* даже совсѣмъ опускаетъ это обстоятельство въ томъ мѣстѣ, гдѣ говоритъ о рожденiи близнецовъ (с. 3, 7), восполняя этотъ пробѣлъ ниже (с. 4, 4) въ числѣ разныхъ археологическихъ примѣчанiй. Подобнымъ образомъ поступаетъ и *Дiонисiй* (1, 77): самъ отъ себя вмѣсто имени Марса онъ употребляетъ неопредѣленное мѣстоимѣнiе τῆς, 'а затѣмъ, въ видѣ примѣчанiя, поясняетъ, что по нѣкоторымъ этотъ τῆς былъ никто иной, какъ самъ Амулiй, въ то время какъ по большей части принималась басня о Марсѣ. Должную дань просвѣщенному скептицизму отдаютъ и *Цицеронъ* ²⁾ и *Ливiй* ³⁾ и *Страбонъ* ⁴⁾. Менѣе невѣроятнымъ казалось кормленiе младенцевъ волчицею, такъ что *Дiонисiй* (с. 79) сперва сообщаетъ объ этомъ дѣлѣ безъ всякой оговорки, и только уже въ дополнительной главѣ (с. 84) приводитъ другое мнѣнiе, основанное на значенiи слова lupa=распутная женщина. Напротивъ, *Плутархъ* (с. 4), также передавая объ верси, отклоняетъ отъ себя отвѣтственность и по отношенiю къ первой при помощи слова ἱστορίας. Такимъ же способомъ поступаетъ и *Ливiй* (1, 4, 6: tenet fama), а равно *Цицеронъ* (с. р. 2, 2, 4: ut iam a fabulis ad facta veniamus). Въ отличiе отъ этихъ двухъ пунктовъ остальная легенда о близнецахъ въ главной части, касающейся борьбы ихъ съ Амулiемъ, считалась несомнѣнно историческимъ событiемъ.

Скептическое отношенiе къ кормленiю малютокъ волчицею внесло въ легенду имя Акки Ларенци. Такихъ *дополнительныхъ элементовъ*, вызванныхъ различными причинами и вытекавшихъ изъ разныхъ источниковъ, въ легендѣ о близнецахъ имѣется значительное количество; о нихъ будетъ рѣчь особо въ гл. VII—IX. Древнѣйшимъ случаемъ этого рода является отождествленiе упоминаемой по поводу чудеснаго спасенiя младенцевъ пещеры съ римскимъ луперкалемъ. Наиболѣе позднимъ случаемъ, если не считать вставки объ ученiи близнецовъ въ Габiяхъ, оказывается приуроченiе времени илѣненiя Рема къ празднику луперкалiй. Всѣ эти дополненiя, имѣя прежде всего только характеръ пояснительныхъ комментарiевъ, измѣняли лишь колоритъ легенды, но не самую легенду. Они коренились въ инстинктивномъ

²⁾ Cic. с. р. 2, 2, 4: Romulo, qui patre Marte natus (concedamus enim famae hominum, praesertim non inveteratae solum, sed etiam sapienter a maioribus proditae, bene meriti de rebus communibus ut putarentur ingenio esse divino).

³⁾ Liv. 1, 4, 2: seu ita rata, seu quia deus auctor culpae honestior erat.—Также Justin. 43, 2: incertum stupro an ex Marte.

⁴⁾ Strabo V, с. 3.

стремленіи сдѣлать обликъ легенды болѣе римскимъ, чѣмъ онъ былъ въ основной схемѣ Діокла. Это видно изъ *противоположнаго явленія, заключающагося въ опущеніи такихъ частности, приуроченіе которыхъ къ римскимъ условіямъ оказывалось затруднительнымъ*; такова рожа Марса, въ которой произошла встрѣча этого божества и весталки; таково и чисто греческое имя ея двоюродной сестры 'Аурѣ.

При всемъ томъ также и изложеніе самыхъ событій, составлявшихъ содержаніе легенды, не обошлось безъ измѣненій, заключающихся частью въ преднамѣренныхъ поребѣлкахъ легенды (гл. V и VI), частью только въ случайныхъ искаженіяхъ. Выше уже мы познакомились съ случаемъ искаженія легенды у Діонисія, происшедшаго вслѣдствіе смѣшенія одного отряда Ромула съ другимъ. Но вообще крупныхъ измѣненій легенды у послѣдователей Фабія встрѣчается чрезвычайно мало. Замѣчательны у нихъ отступленія обуславливаются частью привнесениемъ дополнительныхъ чертъ, частью же только сокращеннымъ способомъ передачи разсказа.

Наиболѣе пространное изложеніе легенды, кромѣ Плутарха и Діонисія, представлено *Ливіемъ* (1, 3, 10—1, 6, 3). Особенно важно у Ливія детальное изложеніе развязки (въ концѣ 5-ой главы и въ началѣ 6-ой). Правда, и здѣсь имѣется то же самое смѣшеніе отрядовъ Ромула, какъ у Діонисія. Но зато роли Ромула и Рема, изъ которыхъ первый приходитъ извнѣ, а второй—*a domo Numitoris*, распределены согласно съ Плутархомъ; да, кромѣ того, выясняется и роль Нумитора, совсѣмъ оставленнаго въ сторонѣ Плутархомъ, въ то время какъ Діонисій сливаетъ дѣйствія всѣхъ трехъ вмѣстѣ. Согласно съ Діонисіемъ, также у Ливія (с. 5, 4) плѣннаго Рема ведутъ прямо къ царю Амулію, который уже отъ себя передалъ его Нумитору для наказанія. Это совпаденіе Ливія и Діонисія свидѣтельствуетъ, что такое скомканное изложеніе обстоятельствъ суда надъ Ремомъ, исправленное Плутархомъ по тексту Діокла, находилось уже у анналистовъ, въ томъ числѣ, быть можетъ, еще у самого Фабія. Существенное отличіе Ливія отъ Діонисія (Фабія) и Плутарха (Діокла), представляющее собою рѣшительное искаженіе легенды, заключается въ томъ, что Рема берутъ въ плѣнъ не пастухи Нумитора, а, напротивъ, разбойники. Эта замѣна пастуховъ разбойниками примыкаетъ къ разсказу Ливія (с. 4, 9), воспроизведенному и Плутархомъ (с. 6, 8), о томъ, что юноши, подрастая, производили нападенія на разбойниковъ и этимъ оказывались полезными пастухамъ. Въ остальномъ Ливій слѣдуетъ всецѣло схемѣ Діокла, согласно съ Плутархомъ и

Діонисіомъ, но съ одной стороны съ сокращеніями, а съ другой—съ дополненіями. Онъ упоминаетъ о сынѣ Нумитора (не называя, впрочемъ, его имени), но умалчиваетъ о дочери Амулія. Далѣе онъ опускаетъ названіе мѣста встрѣчи Марса съ весталкой („роща Марса“), но вноситъ ея имена *Rea Silvia*, впервые встрѣчающіяся въ этой комбинаціи именно у Ливія. Упоминается о заключеніи весталки въ темницу, но опускается указаніе на то, чѣмъ кончилась ея судьба. Въ спасеніи близнецовъ принимаетъ участіе только волчица, какъ у Діонисія. Дѣти выбрасываются въ корытѣ, но послѣднее потомъ уже не появляется болѣе въ разсказѣ. Фаустулъ открываетъ Ромулу истину о происхожденіи братьевъ, но появленіе Фаустула въ Албалонгѣ опущено, равно какъ и свиданіе Ромула съ братомъ и дѣдомъ. Въ числѣ дополненій, кромѣ именъ матери и кормилицы близнецовъ (послѣднюю Ливій называетъ просто *Larentia*), а также и побочнаго толкованія легенды изъ двойнаго значенія слова *lupa*, обращаютъ на себя вниманіе особенно слѣдующіе два пункта: приуроченіе оставленія малютокъ къ руминальской смоконницѣ на комиціи и приуроченіе времени плѣна Рема къ празднику луперкалій; послѣднее согласно съ Эліемъ Туберономъ (*Dion. 1, 80*), отъ котораго, однако, Ливій отличается тѣмъ, что у перваго нападающими оказываются пастухи Нумитора, а не разбойники.

Наиболѣе краткое, но въ то же время совершенно свободное отъ всякихъ дополненій, изложеніе легенды дано у *Цицерона* (г. р. II, 2, 4): Ромуль, сынъ Марса, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Ремомъ, по приказанію албанскаго царя Амулія, былъ брошенъ подлѣ Тибра. Тамъ его кормила волчица (*silvestris beluae sustentatus uberibus*). Пастухи взяли дѣтей къ себѣ и воспитали ихъ въ трудовой пастушеской обстановкѣ (*in agresti cultu laboreque*). Отличаясь физической силой и неустрашимостью души, юноши покорили себѣ умы пастуховъ, населявшихъ позднѣйшую территорію Рима, и, ставъ во главѣ ихъ, одолѣли могущественную Албалонгу и Амулія.

Единственный отрывокъ изъ разсказа *Діодора* о близнецахъ, сохранившійся въ цѣльномъ видѣ ⁵⁾, посвященъ разъясненію причинъ популярности обоихъ юношей среди окружавшаго ихъ пастушескаго населенія. Въ числѣ этихъ причинъ, налагаемыхъ довольно подробно, но все таки лишь въ общихъ чертахъ ⁶⁾, указывается, между про-

⁵⁾ *Diodori Biblioth.hist. lib. VIII fr. 3. 1—2.*

⁶⁾ Разъясненіе этихъ причинъ пронаводитъ такое впечатлѣніе, какъ будто этотъ вопросъ служилъ одной изъ школьныхъ темъ для риторическихъ упражненій.

чимъ, борьба юношей съ грабителями, нападавшими на стада. Изъ прочихъ, разрозненныхъ, свѣдѣній видно, что Діодоръ передавалъ всю легенду о весталкѣ и ея сыновьяхъ въ томъ видѣ, какъ и прочіе послѣдователи Фабія-Діокла. Были ли, однако, допущены какія либо частныя отступленія, изъ сохранившагося матеріала не видно.

Въ самомъ чистомъ видѣ, за незначительными исключеніями, воспроизведена легенда Фабія-Діокла также у *Страбона* ⁷⁾. Младшій братъ Амулій лишилъ царства старшаго брата Нумитора, у котораго были сынъ и дочь: сына убилъ Амулій коварно на охотѣ, а дочь отдалъ въ весталки. Имя ея—Рейя Сильвія. Когда она родила близнецовъ, онъ, угождая брату (о заступничествѣ царской дочери умалчивается), даровалъ ей жизнь, но заключилъ въ темницу. Близнецовъ же, слѣдуя какому-то старому обычаю, онъ велѣлъ бросить на берегу Тибра. Рассказываютъ, что ихъ отцомъ былъ Марсъ и что ихъ кормила волчица и что воспиталъ ихъ пастухъ Фаустулъ, но самъ Страбонъ полагаетъ, что это былъ, вѣроятно, какой нибудь знатный человѣкъ, поступившій такъ по приказанію Амулія. Когда Ромуль и Ремъ выросли, они произвели нападеніе на Амулія и его дѣтей (τῶ 'Αρολίφ καὶ τοῖς παισὶ) и, убивъ ихъ, возвратили царство Нумитору. Въ этомъ упоминаніи дѣтей Амулія заключается единственное существенное отступленіе Страбона отъ Фабія-Діокла, но въ то же время онъ отличается въ этомъ и отъ всѣхъ прочихъ послѣдователей Фабія.

Также и *Кассій Діонъ* ⁸⁾ весьма близко примыкаетъ къ основной формѣ легенды Фабія-Діокла. Онъ не только упоминаетъ о сынѣ Нумитора, но сообщаетъ и его имя (въ формѣ Αἰγίστορος). Онъ знаетъ, далѣе, названіе мѣста встрѣчи Марса съ весталкой (ἐν Ἄρειος ἄλσει). Знаетъ и про заступничество дочери царя, не называя, однако, ея имени. Подрастая, братья пасутъ царскія стада, наравнѣ съ прочими пастухами. Когда Ремъ былъ взятъ въ плѣнъ пастухами Нумитора, то Ромуль спѣшилъ къ Фаустулу, а этотъ послѣдній къ Нумитору. Выслушавъ объясненія Фаустула, Нумиторъ признаетъ братьевъ сыновьями своей дочери. Они убиваютъ Амулія и возвращаютъ тронъ дѣду. Однако, рядомъ съ этими данными, у Кассія Діона имѣется

⁷⁾ *Strabo Geogr. lib. V c. 3*

⁸⁾ *Cassii Dionis Cocceiani Historiarum Romanarum quae supersunt, edidit U. Ph. Boissevain I (1895) стр. 6.*

крупное искаженіе легенды: царь передастъ малютокъ Фаустулу⁹⁾ съ приказаніемъ бросить ихъ подлѣ Тибра; но тотъ передаетъ ихъ своей женѣ, которая какъ разъ родила мертвѣго ребенка. Это искаженіе, устраняющее исторію съ волчицей, является подражаніемъ разсказу Геродота о Кирѣ. Отсюда же заимствована Діономъ и вставка съ указаніемъ причины неистовства Амулія противъ семьи Нумитора¹⁰⁾. Кромѣ того, Діонъ, называя по имени какъ мать близнецовъ (Σιλοοίαν ἢ Ρέα Ἰλίαν), такъ и ихъ кормилицу (Δαυραντία), отстѹпаетъ отъ всѣхъ прочихъ авторовъ въ сочетаніи Ρέα Ἰλία¹¹⁾.

Нѣкоторыя отстѹпленія отъ схемы Діокла встрѣчаются и у *Помпея Троа*¹²⁾. Захватъ Рема разбойниками, представившими плѣнника царю, разсказанъ согласно съ Ливіемъ (но безъ праздника Лупоркалій). Зато вопреки Ливію упоминается о свиданіи Фаустула и Ромула съ Нумиторомъ и Ремомъ, хотя и безъ раздѣленія отдѣльныхъ моментовъ. Два случая отстѹпленія свойственны только этому автору: 1) Онъ знаетъ роцѹ Марса, но не какъ мѣсто встрѣчи этого божества съ весталкой, а какъ мѣсто рожденія близнецовъ; попала же весталка сюда, потому что здѣсь была заключена¹³⁾, причемъ, однако, не указано, кѣмъ и при какихъ обстоятельствахъ¹⁴⁾. 2) Юстинъ знаетъ также про то, что весталка послѣ рожденія близнецовъ была брошена въ темницу; однако, въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ авторовъ, Юстинъ утверждаетъ, что она такъ и умерла въ темницѣ¹⁵⁾. Въ то время, какъ первое отстѹпленіе могло имѣть какія-либо основанія, второе, напротивъ, является уже очевиднымъ искаженіемъ легенды.

Наконецъ и *Овидій* вообще слѣдуетъ Фабію, но украшаетъ разсказъ по своему поэтическими картинами:

1) *Fasti* 3, 11—70. Весталка, названная здѣсь *Ilia Vestalis*, рано утромъ отправилась за водой для надобностей храма. Пришедши къ берегу (не указано, къ какому), она поставила на землю свой глиняный сосудъ и расположилась отдохнуть. Шлоестъ нѣтъ, и гнѣіе птицъ

⁹⁾ Этому соответствуетъ и прижѣчаніе Плутарха 3, 8.

¹⁰⁾ *Boissvain* l. c.: ἔδειξεν γὰρ τινὰ χρηρὸν λέγοντα ὑπὸ τῶν Νομήτορος παίδων αὐτὸν ἀναρεθῆναι.

¹¹⁾ См. объ этомъ гл. VII, 2, а.

¹²⁾ *Justin. Hist. Phil.* 43, 2.

¹³⁾ *Justin. l. c.*: clausa in luco Marti sacro.

¹⁴⁾ Ср. сообщеніе Плутарха (с. 3, 6) о заключеніи весталки *передъ наступленіемъ момента родовъ*.

¹⁵⁾ *Justin. l. c.*: puellam vinculis onerat, ex quorum iniuria decessit.

и журчаніе воды навѣяли на нее сонъ. Пока она спала, къ ней приблизился Марсъ, и она стала беременна, сама того не зная. Проснувшись, она вспоминаетъ о томъ, что видѣла во снѣ; ей приснилось, что выросли двѣ пальмы и что волкъ и дятель защищали ихъ, когда дядя ея захотѣлъ срубить эти деревья. Набравъ воды, она возвращается въ храмъ, а черезъ 10 мѣсяцевъ становится матерью (въ этомъ мѣстѣ Овидій называетъ ее Сильвіей). Когда она родила, статуя Весты ¹⁶⁾ покрыла руками лицо, жертвенникъ задрожалъ и огонь на немъ потухъ. Амулій приказалъ мальчиковъ бросить въ воду, но они остались въ живыхъ, будучи вскормлены волкомъ и дятломъ, а потомъ женой Фаустула. Едва имъ 18 лѣтъ отъ роду, братья уже пользовались большимъ уваженіемъ пастуховъ, такъ какъ улаживали ихъ споры и защищали ихъ отъ разбойниковъ. Узнавъ о своемъ происхожденіи, Ромулъ убилъ мечемъ Амулія и возвратилъ царское достоинство престарѣлому дѣду.

Fasti 2, 381—422. По поводу луперкаля Овидій рассказываетъ исторію спасенія близнецовъ. Дѣтей весталки, названной въ этомъ мѣстѣ Silvia Vestalis, принесли слуги въ корытѣ и поставили послѣднее около воды въ мѣстности, обозначенной потомъ посредствомъ указанія на foga. Подхваченное прибывающей водой корыто приплыло къ мѣсту, покрытому тѣнистымъ лѣсомъ (silvis adpulsa oracis), гдѣ нѣкогда находилась и руминальская смоковница ¹⁷⁾. Здѣсь то, около луперкаля, дѣтей нашла волчица и кормила ихъ (о дятлѣ тутъ не упоминается).

Fasti 2, 359—380: рассказъ о происхожденіи луперкалій въ память борьбы Ромула и Рема съ разбойниками, происходившей однажды во время жертвоприношенія, безъ всякой связи съ захватомъ Рема и представленіемъ его царю ¹⁸⁾.

V. Версія Эниіа.

Изложеніе легенды о близнецахъ у Овидія (Fast. 3, 11 сл.) обнаруживаетъ значительную поэтическую вольность, какъ въ описаніи во-

¹⁶⁾ Въ римскомъ храмѣ Весты не было никакой статуи этой богини.

¹⁷⁾ О значеніи слова vestigium въ этомъ мѣстѣ у Овидія см. Фил. Обзор. XVI, 2, стр. 187.

¹⁸⁾ Кромѣ того въ „Фастахъ“ налагаются еще слѣдующія части легенды о Ромулѣ: объ авспіціяхъ передъ основаніемъ города и прыжкѣ Рема (4, 807 сл.), о похищеніи сабляпокъ (3, 179 сл.), о происхожденіи Гиріея (5, 450 сл.).

обще всей встрѣчи Марса съ весталкой, такъ въ особенности по отношенію къ разсказываемому ею сновидѣнію, составляющему оригинальную вставку самого Овидія, каковою является также и то, что онъ разсказываетъ о статуѣ богини и о ея жертвенникѣ.

Въ этомъ отношеніи Овидій имѣлъ предшественника въ лицѣ Эннія, который въ своихъ „Анналахъ“ подвергъ фабулу Фабія-Діокла значительнымъ измѣненіямъ, по праву свободнаго поэтическаго творчества, слѣдуя въ этомъ примѣру греческихъ поэтовъ, вольно обрабатывавшихъ въ своихъ стихотвореніяхъ мифы своей родины. Отъ Фабія и его послѣдователю Эннію отличается особенно сильно въ первой части легенды, касающейся младенчества близнецовъ.

По Фабію-Діоклу близнецы считались внуками низвергнутаго царя Албалонги Нумитора. Напротивъ, по версіи Эннія, Ромулъ оказывается внукомъ троянскаго героя Энея ¹⁾. Имени супруги Энея въ фрагментахъ анналовъ Эннія не сохранилось; быть можетъ, она называлась Лавиніей ²⁾. Дочь Энея, мать Ромула, у Эннія названа Иліей ³⁾. Въ имени Піа, явственно примыкающемъ къ троянскому циклу сказаній, но въ то же время свидѣтельствующемъ и о свободномъ творчествѣ поэта ⁴⁾, заключается второе отличіе версіи Эннія отъ легенды Фабія-Діокла, такъ какъ въ послѣдней мать близнецовъ не имѣла первоначально никакого имени, называясь просто весталкой ⁵⁾; см. ниже гл. VII. Впрочемъ, состояла ли она въ званіи весталки и у Эннія, изъ фрагментовъ его анналовъ не видно; но ср. Serv. ad Aen. 1, 273. Энній упоминалъ также о сестрѣ Иліи, дочери троянки Евридики, первой жены Энея ⁶⁾. Въ легендѣ Фабія весталка

¹⁾ Serv. ad Aen. 1, 273: Naevius et Ennius Aeneae ex filia nepotem Romulum conditorem urbis tradunt. — Q. Enni carminum reliquiae. Ed. L. Mueller fr. XXXV (стр. 9): *Illa dia nepos* (Венеры).

²⁾ Это имя даетъ Катонъ (Serv. ad Aen. 6, 760), а за нимъ и Виргилій (Aen. 6, 764) и Діонисій (1, 70). Ср. Plut. Rom. 2, 6.

³⁾ Serv. Aen. 6, 778: Ennius dicit *Iliam* fuisse filiam Aeneae; quod si est (противопоставляется версіи Фабія), Aeneas avus est Romuli.— Qu. Enni rel. ed. Mueller fr. XXXV и XL.

⁴⁾ Имя *Iliā* въ греческихъ сказаніяхъ троянскаго цикла нигдѣ не встрѣчается.

⁵⁾ Такъ ее называетъ еще и Цицеронъ во вступительныхъ словахъ, предпосланныхъ выдержкѣ изъ Эннія (см. слѣдующее прим.).

⁶⁾ Cic. de div. 1, 20, 40: *narrat enim apud Ennium Vestalis illa:*

*Kocita cum tremulis anus attulit artubu' lumen,
talia tum memorat lacrimans, exterrita somno:*

не имѣетъ родной сестры, а только брата и двоюродную сестру. Въ какой степенн родства состояла Илія съ албанскимъ царемъ Амуліемъ, изъ фрагментовъ не видно.

Весьма крупное отступленіе Эннія отъ Фабія и его послѣдователь касается судьба матери близнецовъ. Согласно Фабію (т.-е. Діоклу), она, будучи осуждена на смерть царемъ Амуліемъ, по просьбѣ его дочери была помилована, но содержалась въ темницѣ подъ строгимъ надзоромъ вплоть до того времени, когда сыновья низвергли Амулія и освободили свою мать. Напротивъ, по версіи Эннія, она была казнена немедленно послѣ рожденія близнецовъ. Также и въ способѣ опредѣленія казни оба автора, Фабій и Энній, рѣзко различаются. По Фабію, она была присуждена къ смерти путемъ бичеванія. Напротивъ, по Эннію, Илія, наравнѣ съ своими дѣтьми, была брошена въ рѣку Тибръ ⁷⁾, послѣ чего она сдѣлалась супругой бога рѣки Аніена ⁸⁾, притока Тибра ⁹⁾, богъ которой и отдалъ ее въ замужество первому ¹⁰⁾.

При такихъ обстоятельствахъ не будетъ слишкомъ смѣло предположить, что къ апналамъ Эннія восходитъ также и своеобразное сообщеніе Сервія ¹¹⁾ о томъ, что встрѣча Марса съ весталкой про-

*„Eurydica prognata, pater quam noster amavit...
postilla germana soror, et tunc videbar...“*

Удивительно, что Швоборъ (1, 408) отождествляетъ упоминаемую здѣсь старуху (анис) съ сестрой Иліи. Слова и ситуація не даютъ никакого повода къ такому мнѣнію: обѣ сестры спятъ и одна изъ нихъ, Илія, видитъ во снѣ своего отца (Энея), который даетъ ей слѣдующее предсказаніе: *O gnata, tibi sunt ante ferendae aerumnae. post ex fluvio fortuna resistet.* Непуганная сновидѣніемъ (exterrita somno), Илія будитъ старуху-служанку (excita anus) и приказываетъ ей принести огонь, а затѣмъ уже, получивъ отъ страха, рассказываетъ сестрѣ свой сонъ.

⁷⁾ Qu. Enni carm. rel. ed. Mueller fr. XXXVII (стр. 9). Porphyr. in carm. I, 2, 17: *Ilia auctore Ennio in amnem Tiberim iussu Amulii regis Albanorum praecipitata.*—Serv. ad Aen. 1, 273: *hanc, ut multi dicunt, Mars compressit, unde nati sunt Remus et Romus, quos cum matre Amulius praecipitari iussit in Tiberim. Tum, ut quidam dicunt, Iliam sibi Anien fecit uxorem, ut alii, inter quos Horatius, Tiberis.*

⁸⁾ Порфиріонъ (l. c.) продолжаетъ: *at enim ea Anieni matrimonio iuncta est; atque hic (Horatius) loquitur, quasi Tiberi potius nupsset.* Послѣ словъ „at enim ea“ Мюллеръ вставляетъ слова: *ut alii narrant, ne прибавляетъ „haec omnia in codicibus“.* Контекстъ словъ Порфиріона показываетъ, что чтеніе рукописей вѣрно.

⁹⁾ Гораций (с. 1, 2, 17 сл.) замѣняетъ Тибръ Аніеномъ также и по отношенію къ супружеству Иліи.

¹⁰⁾ Такъ можно судить по fr. XL (Mueller): *at Ilia reddita nuptum.*

¹¹⁾ Serv. ad Aen. 1, 273.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.
ЧАСТЬ СССХХХІХ.

1902.

ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1902.

А. П. Киричниковъ. М. А. Веневитиновъ, какъ археологъ . . .	92
М. А. Рыкачевъ. К. С. Веселовскій (некрологъ)	103

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

И. В. Нетушилъ. Легенда о близнацахъ Ромулъ и Ремъ	49
--	----

ОЗВЪЯВЛЕНІЯ.	5—6
----------------------	-----

Редакторъ Э. Радловъ.

(Вышла 1-го февраля).

изошла въ пещерѣ, въ которой она искала спасенія отъ появившагося передъ ней волка.

Въ то время какъ въ рассказѣ объ Иліи Энній значительно отступала отъ Фабія, судьба младенцевъ, напротивъ, изображалась въ главныхъ чертахъ согласно съ Фабіемъ ¹²⁾. Тѣмъ не менѣе и здѣсь у Эннія были нѣкоторыя своеобразныя черты. Отъ первый внесъ въ рассказъ о близнецахъ руминальскую смоковницу ¹³⁾. Волчица, кормившая младенцевъ, имѣла свое логовище въ пещерѣ Марса (не Луперка), въ которой происходила и самая сцена кормленія дѣтой ¹⁴⁾. При приближеніи людей волчица оставилась малютокъ въ пещерѣ, а сама скрывается въ лѣсу ¹⁵⁾.

На дальнѣйшую судьбу близнецовъ и ихъ отношенія къ албанскому царю въ фрагментахъ Эннія ¹⁶⁾ никакихъ опредѣленныхъ указаній не имѣется. Если вѣрна догадка Мюллера ¹⁷⁾, что фрагментъ, въ которомъ упоминается о борьбѣ и добычѣ ¹⁸⁾, принадлежитъ къ рассказу о нападеніяхъ на разбойниковъ, то подробности о времяпрепровожденіи подрастающихъ братьевъ, сообщаемыя Ливіемъ (1, 4, 9), восходятъ къ Эннію, тѣмъ болѣе что въ fr. XLVIII можно видѣть, согласно съ Мюллеромъ, указаніе и на ихъ забавы.

Впрочемъ, въ одномъ пунктѣ Энній не совсѣмъ самостоятеленъ,

¹²⁾ Это явствуетъ изъ Діонсія (1, 79).

¹³⁾ Qu. Enni rel. ed. Mueller fr. XLIV (стр. 10): *fici dulciferae, lactentes ubere toto.*

¹⁴⁾ Verg. Aen. 8, 630 сл.:... *viridi fetam Mavortis in antro
procubuisse lupam, geminos huic ubera circum
ludere pendentis pueros et lambere matrem
impavidos, illa tereti cervice reflexam
mulcere alternos et corpora fingere lingua.*

Сервій замѣчаетъ къ этому мѣсту: *sane totus hic locus Ennianus est.* Самая сцена по существу ничѣмъ не отличается отъ рассказа Ливія или Діонсія, такъ что для Эннія остается только отличное отъ нихъ обозначеніе мѣста этой сцены.

¹⁵⁾ Qu. Enni rel. ed. Mueller fr. XLVI (стр. 10):

*indo tuetur ibi (=in antro) lupu' femina; conspicit omnis,
hinc campum celeri passu per mensa parumper
conleat in silvam sese.*

¹⁶⁾ Въ изданіи Мюллера, стр. 11.

¹⁷⁾ Quintus Ennius. Eine Einleitung in das Studium der römischen Poesie (стр. 152).

¹⁸⁾ Fr. XLIV: *occiduntur ubi, potitur ratu' Romulu' praedam.*

такъ какъ уже *Навий* принималъ мать Ромула за дочь Энея ¹⁹⁾. Эний, воспользовавшись этой генеалогіей, прибавилъ отъ себя имя *Пиа*, согласное съ происхожденіемъ ея отъ отца-троюнца. Для легенды о близнецахъ сохранилась еще одна цитата изъ *Невіа* ²⁰⁾, также не укладывающаяся въ рамки версіи, воспроизведенной по *Диоклу Фабіемъ* ²¹⁾:

manusque susum ad caelum sustulit suas rex
Amulius divisque gratulabatur.

Итакъ, не только Эний, но и *Невій* значительно отступали отъ *Фабія*. Но, впрочемъ, только обработка темы была различна. Самая же тема у всѣхъ трехъ была одинакова: для Энія это вполне ясно, а для *Невіа* можно сдѣлать такой выводъ изъ имени *Amulius*.

Навій и Эний были младшіе современники *Фабія Пиктора*. И вотъ крайне любопытно, что такихъ вольныхъ передѣлокъ легенды о близнецахъ, какія даны были этими современниками перваго римскаго анналиста, впоследствии во всей римской литературѣ нигдѣ болѣе не имѣется. Всѣ послѣдующіе писатели придерживаются болѣе или менѣе близко *Фабія*, отличаясь отъ него только разными дополнительными деталями ученаго характера, а отчасти также случайными искаженіями, не измѣняющими, однако, основного типа версіи. Даже поэты *Августова* вѣка не пошли дальше частичнаго возвращенія къ версіи Энія. Болѣе всѣхъ примыкалъ къ нему *Гораций* ²²⁾.

VI. Прочія версіи легенды о близнецахъ.

1. Дополнительные толкованія, внесенныя римлянами въ легенду *Фабія-Диокла* и имѣвшія цѣлью не столько измѣнить ее, сколько усовершенствовать, съ теченіемъ времени накопились въ такомъ количествѣ, что оказалось возможнымъ составить изъ нихъ особый вариантъ *фабулы* *Фабія*, сообщаемый *Діонисіемъ* (1, 84). Незавѣстный авторъ этого варианта ¹⁾ имѣлъ въ виду, съ устраненіемъ всего чудеснаго, сдѣ-

¹⁹⁾ Serv. Aen. 1, 273: Naevius et Ennius Aeneae ex filia nepotem Romulum conditorem urbis tradunt.

²⁰⁾ Qu. Enni carminum reliquiae. Accedunt Cn. Naevi Belli Poenici quae supersunt. Edidit L. Mueller (стр. 161, fr. XXIV).

²¹⁾ Ср. L. Mueller, Qu. Ennius. Einleitung, стр. 152 сл.

²²⁾ Ср. carm. 1, 2, 17 сл.:
Iliae dum se nimium querenti
iactat ultorem vagus et sinistra
labitur ripa Iove non probante uxorius amnis.

¹⁾ *Діонисій*, правда, говорятъ *ἑτερον* во множ. числѣ. Однако, подобнымъ обра-

дать исторію близнецовъ возможно болѣе правдоподобною. Дѣти Сильвіи, по указаніямъ дѣда Нумитора, тайкомъ были замѣнены другими двумя дѣтьми, которыя и были представлены Амулію и умерщвлены. Сохранивъ такимъ образомъ жизнь внукамъ, Нумиторъ отдаетъ ихъ на воспитаніе Фаустулу, происходившему отъ Евандровахъ аркадянъ на Палаціи и состоявшему блюстителемъ тамошнихъ царскихъ настѣбницъ. Принятіе Фаустуломъ внуковъ Нумитора состоялось благодаря посредничеству Фаустина, брата Фаустула, начальника пастуховъ Нумитора на сосѣдней Авентинской горѣ²⁾. Дѣтей кормила жена Фаустула, которой пастухи дали кличку Лира вслѣдствіе ея вольнаго образа жизни. А такъ какъ лира значитъ также „волчица“, то отсюда возникъ разсказъ о томъ, что дѣти были вскормлены волчицей. Какъ только дѣти были отставлены отъ груди, Фаустуль отправилъ ихъ къ своимъ знакомымъ въ Габіи, гдѣ и получили греческое образованіе (Ἑλλάδα παιδείαν), изучая грамоту, музыку и военное искусство грековъ³⁾. Когда они выросли, они вернулись къ своему пріемному отцу Фаустулу, и тутъ то начались у нихъ споры съ пастухами Нумитора, и притомъ съ вѣдома послѣдняго, для того, чтобы онъ имѣлъ возможность потребовать у Амулія выдачи Фаустула и его питомцевъ какъ бы для наказанія. Царь, однако, желая отклонить отъ себя отвѣтственность, самъ назначилъ судъ надъ тѣми, кого обвинялъ Нумиторъ. Когда къ этому суду собралось очень много пастуховъ, Нумиторъ, объявивъ братьямъ всю истину о ихъ происхожденіи, уговорилъ ихъ воспользоваться случаемъ и, ставъ во главѣ пастуховъ, произвелъ нападеніе на Амулія. Какъ видно, этотъ вариантъ не что иное, какъ прозаическая переработка поэтической легенды Фабія-Діокла, результатъ сухого историцизма; но все-таки существенныя части легенды сохранены.

2. Въ отличіе отъ этого варианта неизвѣстнаго автора, Плутархъ⁴⁾ сообщаетъ версію, составленную нѣкимъ *Промасіономъ*, авторомъ

зомъ и Геродотъ говорятъ часто οὐ Γῶτες, οὐ Ἑλλήτες и даже οὐ Αἰγύπτιοι въ такихъ мѣстахъ, для которыхъ онъ почерпнулъ соответствующіи свѣдѣнія изъ Эката.

²⁾ Эта частности служитъ указаніемъ на время возникновенія варианта, такъ какъ приобщеніе Авентина къ легендѣ о близнецахъ принадлежитъ уже временамъ Цицерона, см. гл. XIV.

³⁾ Изображеніе Габій въ качествѣ центра греческой образованности указываетъ какъ будто на греческаго автора, и. б. Кастора Родосскаго.

⁴⁾ Plut. Rom. c. 2, 7—14.—О времени Промасіона ср. Моммзена *Remuslegende* (Негмес 1881) стр. 6 прим.

исторіи Италіи ⁵⁾, въ которой кореннымъ, хотя и не оригинальнымъ, образомъ передѣланы обстоятельства рожденія близнецовъ. Въ домѣ жестокаго царя Албалонги, по имени *Ταρχήτιος* ⁶⁾ произошло чудесное явленіе: на очагѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней показывался какой-то таинственный фаллусъ ⁷⁾. Тархецій послалъ въ Этрурію къ оракулу Тивоіи (*Τηθύς*) ⁸⁾ и получилъ оттуда отвѣтъ, что у него должны родиться знаменитые внуки, если дочь царя соединится съ фаллусомъ очага. Но та, вмѣсто себя, послала рабыню. Тархецій, узнавъ объ этомъ, сильно разгнѣвался и заключилъ обѣихъ въ темницу, намѣреваясь казнить ихъ. Однако Веста во снѣ приказала ему выдать ихъ замужъ, приказавъ имъ предварительно выткать ткань. Когда онѣ принялись за работу, то Тархецій приказывалъ ночью тайкомъ распускать то, что онѣ соткали днемъ ⁹⁾. Когда же рабыня родила близнецовъ, Тархецій приказалъ какому-то Терацію (*Τεράτιος*) бросить дѣтей на берегу рѣки. Но явилась волчица и кормила ихъ, а равно и различныя птицы приносили имъ пищу. Пастухъ, замѣтившій это, взялъ дѣтей къ себѣ. Когда близнецы выросли, они произвели нападеніе на Тархеція и убили его.

3. Между тѣмъ какъ у Промеѳіона, по крайней мѣрѣ, обстоятельства спасенія младенцевъ тѣсно примыкаютъ къ легендѣ Фабія-Діокла, въ другой версіи, также сообщаемой Плутархомъ ¹⁰⁾, измѣнена вся исторія близнецовъ въ слѣдующемъ видѣ: Ромуль и Ремъ были дѣти Энея и Декисіи, дочери Форвалта. Отецъ ихъ, отправляясь въ Италію, вынулъ ихъ съ собой. Но корабли Энея погибли въ вышедшей изъ береговъ рѣкѣ, за исключеніемъ того корабля, на которомъ ѣхали Ромуль и Ремъ. То мѣсто, гдѣ они пристали благополучно, называется Рѣмъ. — Единственной точкой соприкосновенія этого варианта съ легендой Фабія-Діокла и, вмѣстѣ съ тѣмъ, основаніемъ возникновенія этого варианта является двойное значеніе слова *σκάφη* (*σκάφος*), которое въ легендѣ Діокла означаетъ „корыто“, а въ данномъ вариантѣ — „корабль“. Мы имѣемъ, слѣдовательно, дѣло съ тождествомъ, парал-

⁵⁾ Plut. 1. c.: Προμαθίων τις ιστορίαν Ἰταλικήν συνταταμένως.

⁶⁾ Имя *Ταρχήτιος* = *Tarquinius* избрано, очевидно, въ подражаніе имени Тарквиніевъ.

⁷⁾ Это заимствовано изъ сказаній о Сервіи Тулліи (Dion. 4, 2; Ov. fast. 6, 627 сл.; Plin. n. h. 36, 204).

⁸⁾ Въ Этруріи греческихъ оракуловъ не было; тамъ гадали по *libri fatales*.

⁹⁾ Черта, заимствованная изъ мифа о Пенелопѣ.

¹⁰⁾ Plut. Rom. 2, 5.

дельнымъ съ перетолкованіемъ волчицы въ жену Фаустула на основаніи двойного значенія слова *lupa*. Въмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что варіантъ, основанный на словѣ *σχάφη*, принадлежитъ какому-либо греческому автору.

4. Всѣ остальные толки греческихъ авторовъ о происхожденіи Ромула и Рома (или чаще всего одного лишь Рома) не имѣютъ никакого отношенія къ легендѣ Діокла, ограничиваясь къ тому же по большей части только указаніемъ именъ родителей основателя Рима ¹¹⁾.

VII. Личныя имена въ легендѣ о близнецахъ.

Обозрѣвая свидѣтельства древнихъ авторовъ, насколько они трактуютъ легенду о близнецахъ, какъ одно цѣлое, мы видѣли, что всѣ варіанты этой легенды, даже наиболѣе своеобразные, въ той или другой [степени примыкаютъ къ той основной схемѣ, которая дана была первымъ римскимъ анналистомъ, Фабіемъ Пикторомъ, и которая, согласно заявленію Плутарха, заимствована была римскимъ авторомъ у греческаго писателя Діокла. Литературная традиція легенды, слѣдовательно, нисколько не противорѣчитъ положенію объ одномъ общемъ, и притомъ литературномъ источникѣ. По тутъ возникаетъ вопросъ, откуда самъ Діоклъ (или въ крайнемъ случаѣ Фабій) взялъ тѣ данныя, изъ которыхъ составила легенда о близнецахъ. Можетъ быть, эти данныя заимствованы изъ римскихъ народныхъ преданій? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно получить только путемъ подробнаго разбора частныхъ. Этотъ разборъ, къ которому теперь приступаемъ, покажетъ, что большая часть римскихъ или вообще латинскихъ элементовъ легенды внесены въ нее только съ теченіемъ времени съ цѣлью опредѣленія или наименованія лицъ, мѣстъ и праздниковъ, и что, на ряду съ этимъ, въ легендѣ имѣется много такихъ данныхъ, которыя указываютъ на чужой, и въ частности греческій, источникъ этой легенды.

1. Обращаясь прежде всего къ именамъ дѣйствующихъ въ этой легендѣ лицъ, мы не можемъ не замѣтить бросающагося въ глаза обстоятельства, [что, вопреки латинскому и даже обще-италийскому способу, каждое лицо имѣетъ здѣсь только по одному имени: Romulus (Ρωμύλος), Romus (Ρῶμος), Amulius (Ἀμόλιος), Numitor (Νεμέτωρ), Aegestus (Αἰγέστος), Antho (Ἀνθώ), Faustulus (Φαιστόλος). Это тѣмъ болѣе странно, что вездѣ, во всей легендѣ о древнѣйшихъ временахъ

¹¹⁾ См. гл. VII, 1.

Рима, всё герои получают по два имени: Titus Tatius, Spurius Tarpeius (Liv. 1, 11, 5), Mettius Curtius (1, 12, 2), Hostius Hostilius, (ib.), Proculus Iulius (1, 16, 5), Numa Pompilius, Numa Marcius (1, 20, 5), Tullus Hostilius, Gaius Cluilus (1, 22, 3), Mottius Fufotius, Publius Poratius (1, 26, 8) и т. д. Правда, и въ легендѣ о близнецахъ въ двухъ случаяхъ имѣются двойныя имена: Асса Laurentia и Реа Silvia. Однако, это—имена женскія, а женщины во всей остальной легендѣ о царяхъ имѣютъ, какъ разъ на оборотъ, только по одному имени: Hersilia (1, 11, 2), Tarpeia, Tanaquil, Tullia, Lucretia.

Далѣе обращаетъ на себя вниманіе не латинскій видъ нѣкоторыхъ личныхъ именъ въ этой легендѣ. Особенно касается это имени *дочери царя Амулія* Ἀμφώ, чисто греческій характеръ котораго безспоренъ. Такой явственно чужой обликъ былъ причиною того, что это имя обыкновенно совсѣмъ устранялось изъ легенды: оно извѣстно только изъ Плутарха, пользовавшагося непосредственно текстомъ Диокла. Да и самое заступничество дочери Амулія упоминается не часто: кромѣ Плутарха и Діонисія говоритъ объ этомъ еще только Кассій Діонъ.

Также и имя брата весталки—греческое. Діонисій (1, 76) называетъ его Αἰγέστος, а Кассій Діонъ (Boissevain стр. 6) Αἰγίστος. Это же имя читалось и въ источникѣ Псевдо-плутарха ¹⁾. О братѣ весталки (но безъ имени) упоминаютъ также Ливій и Страбонъ. Имя Αἰγέστος, сильно напоминающее собою Αἰγέθος, въ той же формѣ, которая присвоивалась брату весталки, дается также одному изъ спутниковъ Энея, основателю города Эгесты въ Сициліи, называемаго обыкновенно Сегестой ²⁾. Появленіе имени Эгеста въ легендѣ о римскихъ близнецахъ указываетъ на какую-то связь съ Сициліей и ея

¹⁾ У Псевдо-плутарха (parall. 3) это имя читается въ искаженномъ видѣ Αἰγέτος, подобно тому какъ Фаустулъ превратился тамъ въ Фауста. Мало того: вмѣсто Албалонги тамъ же получился городъ Ἰουλία вслѣдствіе искаженія имени жрицы Ἰλια. Въ текстѣ Псевдо-плутарха (Дядотовское изданіе) читаются слѣдующія слова: τὴν δὲ θυγατέρα Σιλουίαν ἐν Ἰουλίᾳ τῆς Ἦρας ἱέρειαν ἐποίησαν. Вмѣсто чтенія Σιλουίαν ἐν Ἰουλίᾳ въ подлинникѣ Псевдо-плутарха значилось: Σιλουίαν ἢ Ἰλίαν. Подобнымъ образомъ также и чтеніе τῆς Ἦρας получилось путемъ искаженія подлиннаго: ἢ Ῥέαν (о чемъ ниже). Поэтому неудивительно, если изъ Αἰγέστος или Αἰγίστος сдѣлано Αἰγέτος.

²⁾ Fest. p. 340 (=Theur. 508): Segesta, quae nunc appellatur, oppidum in Sicilia est, quod videtur Aeneas condidisse praeposito ibi Egesto, qui eam Egestam nominavit. — Аполлодоръ (Müller Fr. hist. gr. I стр. 459): παρ' αὐτοῦ δὲ τινος σταλέντας εἰς Σικελίαν παρὶ Ἐρυκα μετὰ Αἰγίστου τοῦ Τρωῆος Αἰγέστην τεύχισαι. — Dion. 1, 47: ὄνομα ἐν Ἐλίμῳ καὶ Αἰγίστῳ.—ib. 52: καὶ γίνεται αὐτοῖς καὶ ἐν Σικελίᾳ διατρίβουσαν Αἰγέστος ὄνομα.—Appian. de reg. 1, 2.

многами. Любопытно, что имя *Λίγυστος* воспроизводится и в рассказе Дионисия, заимствованном у сицилийца Тимея, о том, как 600 семейств возвратились обратно из Албалонги в Лавиний ради культа здѣшнихъ пенатовъ, не пожелавшихъ переселиться въ Албалонгу; глава этихъ обратныхъ переселенцевъ названъ *Λίγυστος* ³⁾.

Не по латыни звучатъ также имена обоихъ албанскихъ царей: *Ἀμόλιος* и *Νεμέτωρ*. Латинскими въ нихъ являются только окончанія—*lius* и—*tor*, въ то время какъ корни (*ἀμο—, νήμε—*) не латинскіе. Оба эти имени производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто они подобраны, а то и заново составлены человекомъ, который обладалъ нѣкоторымъ знакомствомъ съ латинскимъ языкомъ, но весьма поверхностнымъ ⁴⁾, не дававшимъ ему достаточнаго матеріала для болѣе удачнаго словообразованія. Любопытно, что имя, похожее на *Ἀμόλιος*, искаженное у Псевдо-плутарха въ *Αίμίλιος* на латинскій ладъ, было въ ходу въ сказаніяхъ той же сицилійской Сегесты, какъ имя жестокаго тирана этого города ⁵⁾ Подобное же имя, переданное Псевдо-плутархомъ опять-таки въ формѣ *Αίμίλιος*, повторяется и въ сибаритской легендѣ южной Италии ⁶⁾. У римлянъ имя *Ἀμόλιος* осталось безъ перемѣны, если не считать сравнительно позднѣйшаго перехода краткаго *o* въ *u* (ср. *cosol-consul*). Если бы имя *Amulius* было стариннымъ, искони латинскимъ, то по правиламъ латинской фонетики изъ *Amulius* должно было бы выйти далѣе **Amilius*, подобно *Aemilius* изъ **Aemilius* (отъ *aemulus*), *consilium* изъ **consulium* (ср. *consulere*) и т. д. Наоборотъ,

³⁾ Dion. 1, 67: ἡγεμὼν δ' ἐπ' αὐτοῖς ἐτάθη Λίγυστος.

⁴⁾ Такъ напр. суффиксъ *-lius* могъ ему быть хорошо извѣстнымъ по именамъ римскихъ магистратовъ (напр. *Aemilius*), а суффиксъ *-tor* по ихъ же званіямъ (*praetor, quaestor*).

⁵⁾ Plut. parall. 39.—Пансъ (I, 199 прим. 2) не отвергаетъ ни Аристиду, на котораго ссылается Псевдо-плутархъ, ни самой легенды, но считаетъ послѣднюю искаженной. Но искаженіе касается собственно только имени: тиранъ *Αίμίλιος* имѣетъ латинское сопоставленіе „Цензорина“ (что должно, повидимому, характеризировать его „строгостю“), а скала, съ которой въ Сегестѣ обрасывали преступниковъ, названа по римскому образцу Тарпейской скалой. Что же касается Аристиду, то нѣтъ причинъ исключать его изъ числа тѣхъ вымышленныхъ авторовъ, на которыхъ Псевдо-плутархъ ссылается при каждомъ анекдотѣ.

⁶⁾ Plut. parall. 21: Житель города Сибариса, молодой *Αίμίλιος*, ушелъ на охоту, оставивъ ревнивую жену. Послѣдняя, желая провѣрить мужа, отправилась тайкомъ по его слѣдамъ, но была разорвана охотничьими собаками ея супруга, который отъ горя лишилъ себя жизни.—Въ мифахъ греческаго материка нѣсколько похоже только имя *Ἀράλιος* въ евангелическихъ сказаніяхъ.

изъ *Νεμῆτωρ* по латыни должно было бы получиться **Nemitor*. Если же, вмѣсто этого, имѣется *Numitor*, то это результатъ аналогическаго припоровленія къ латинскимъ именамъ *Numitorius* ⁷⁾ и *Numa*. При этомъ слѣдуетъ не упускать изъ виду, что Амулій и Нумиторъ, встрѣчаясь исключительно только въ легендѣ о близнецахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ являются первоначально единственными представителями династїи албанскихъ царей и тѣмъ зерномъ, изъ котораго выросъ весь списокъ ихъ имей ⁸⁾.

Подобно имени *Numitor* изъ *Νεμῆτωρ*, передѣлано также и имя *Faustulus* изъ первоначальнаго *Φαιστόλος*, которое обнаруживаетъ такое же сочетаніе латинскаго суффикса—*ulus* (по образцу *Romulus*—*Ῥωμύλος*) съ корнемъ греческаго имени *Φαῖστος*; но, впрочемъ, и суффиксъ *-ύλος* вовсе не чуждъ греческому языку, какъ видно, напр., изъ имени *Αἰσχύλος*. Что греческое *Φαιστόλος* было передѣлано въ латинское *Faustulus* путемъ припоровленія къ *Faustus*, видно изъ невозможности предположить противоположное. Грекамъ не зачѣмъ было передѣлывать *Φαιστόλος* въ *Φαιστόλος*, равно какъ и *Νεμῆτωρ* въ *Νεμῆτωρ*, еслибы первыя формы искони были свойственны римской легендѣ. Вѣдь, писали же греки впоследствии, въ императорскія времена, эти имена по латинскому способу! Напротивъ, латинизація корня именъ, имѣвшихъ и безъ того уже латинскія окончанія, вполне понятна.

Все это тѣмъ менѣе удивительно, что даже имя одного изъ близнецовъ, именно *Rémus*, представляетъ собою замѣну греческаго *Ῥῶμος*, созданнаго греками самостоятельно, безъ всякаго отношенія къ латинскому имени *Rémus*. Имя *Ῥῶμος* первоначально даже и не обозначало Рема, а, напротивъ, Ромула. Да и сложилось оно не въ видѣ подражанія латинскому *Romulus*. Имя *Ῥῶμος* не что иное, какъ торстическое извлеченіе имени основателя города изъ имени *Roma*—*Ῥώμη*. Это видно изъ того, что, въ греческихъ міеологическихъ толкованіяхъ происхожденія Рима, основателемъ этого города оказывался не только *Ῥῶμος*—мущина, но и женщина *Ῥώμη* ⁹⁾. Какъ *Ῥῶμος*, такъ и *Ῥώμη* созданы были греческими міеологами вслѣдствіе общей тенденціи, направленной съ одной стороны къ тому, чтобы найти непремѣнно личнаго ктїста для cadaго города, а съ другой—къ тому, чтобы установить этимологическую связь названія города съ именемъ какого-либо лица, причастнаго къ его основанію.

⁷⁾ Такъ назывался одинъ изъ народныхъ трибуновъ послѣ Лициніевыхъ законовъ.

⁸⁾ См. гл. IX, 4.

⁹⁾ Свѣдѣнія по этому вопросу собраны Шведлеромъ (I, 400 сл.).

Древнѣйшее упоминаніе о троянскѣ Ромѣ встрѣчалось въ хроникѣ аргивскихъ жриць ¹⁰⁾: здѣсь говорилось уже о томъ, что Эней прибылъ въ Италію, гдѣ и основалъ городъ, названный имъ по имени троянки Ромы, по совѣту которой троянскія женщины, утомленныя странствованіемъ, сожгли корабли Энея, на которыхъ онъ пріѣхалъ ¹¹⁾. Ту же легенду сообщалъ и Дамасть Сигейскій, въ то время какъ Аристотель, воспроизводя этотъ рассказъ, вмѣсто троянокъ называетъ ихъ гречанками ¹²⁾. *Рома*, по имени которой названъ Римъ, признавалась далѣе то дочерью Евандра, то дочерью Асканія и, слѣдовательно, внучкой Энея ¹³⁾, то дочерью Телемаха, вышедшей замужъ за Энея, то дочерью Тилефа, также сдѣлавшейся супругой Энея, то она оказывается супругой Латина, сына Телемаха, то, наконецъ, сестрой Латинъ, сына Одиссея и Цирцеи. Подобнымъ образомъ и *Ромъ*, основатель города Рима, является то сыномъ Италя и Ловки (Ловкитры), дочери Латина, то сыномъ Одиссея и Цирцеи, то сыномъ Энея и Лавиніи, то сыномъ Асканія и внучки Энея, то сыномъ троянца Эмавіона, то, наконецъ, просто потомкомъ Энея.

Когда греки познакомились съ римскимъ *Ромуломъ*, то и послѣдній сталъ появляться въ ихъ міологическихъ комбинаціяхъ, но — и это особенно характеристично — всегда только въ сообществѣ съ *Ромомъ*, который по прежнему продолжалъ считаться собственнымъ основателемъ Рима, а не *Ромулъ*. По Кефалону Гергнскому, Эней имѣлъ четырехъ сыновей: Асканія, Еврилеонта, Ромула и Рома; самъ Эней умеръ во Фракіи, а Ромъ съ частью спутниковъ Энея пришелъ въ Лаций, гдѣ и основалъ городъ Римъ. По Аноллодору, у Энея и Лавиніи было трое сыновей: *Maullus*, *Mulus* (согг. *Romulus*) и *Rhomus*; послѣдній основалъ городъ Римъ. По Галиту (согг. *Clinias*), Латинъ, сынъ Телемаха и Цирцеи, наслѣдовавшій царство Энея, имѣлъ двухъ сыновей: Рома и Ромула, но городъ названъ по имени ихъ матери Ромы. Иногда Ромъ и Ромулъ основываютъ городъ сообща, но такъ что имя *Рома* упоминается на первомъ мѣстѣ. Такъ, по Каллію, троянка Рома, сжегшая корабли, родила Латину трехъ сыновей: Рома,

¹⁰⁾ Авторомъ этой хроники считается Элланикъ (см. Мюллера *Fragm. hist. graec.* I, парижское изданіе 1894 года, стр. 52).

¹¹⁾ См. *Dion.* 1, 72.—Это мѣсто Элланика считалось первымъ случаемъ упоминанія о городѣ Римѣ во всей греческой литературѣ.

¹²⁾ *Dion. ib.*—Швеглеръ I, 404 прим. 29.

¹³⁾ Эта Рома основала на Палатинскомъ холмѣ храмъ богини *Fides*, который въ дѣйствительности находится на Капитоліи.

Ромула и Тилегона; первые два основали городъ Римъ и назвали его по имени своей матери. По схолиямъ къ Ликофрону, Ромъ и Ромуль, сыновья Энея и Креусы, основали городъ Римъ сообща съ двумя сыновьями Гектора. А Алкимъ распредѣляетъ роли Ромула и Рома слѣдующимъ образомъ: у Энея и Тирринія былъ сынъ Ромуль, отъ дочери котораго, Альбы, родился Ромъ, основатель Рима ¹⁴). Иногда, правда, упоминается уже и одинъ Ромуль, безъ Рома; напр. у Діонисія (1, 49 съ ссылкой на Агаѣилла), или у Діодора (VII fr. 3) или у Плутарха (Rom. 2, 6). Однако, въ послѣднихъ двухъ случаяхъ имѣемъ дѣло съ очевиднымъ сокращеніемъ рѣчи, такъ какъ сообщеніе Плутарха совпадаетъ съ Галитомъ (у Феста), который говоритъ о двухъ сыновьяхъ Ромъ и Ромуль. То же самое касается и Діодора, который, какъ видно изъ контекста, имѣетъ въ виду версію Невія и Эниія, въ которой появляются оба брата-близнеца; притомъ у Невія имя Рема стоитъ на первомъ мѣстѣ, впереди имени Ромула (въ заглавіи: Remi et Romuli alimonia). Поэтому возможно, что и у Агаѣилла, во второмъ, неоконченномъ, двустипшіи читалось также и имя Рома.

При такихъ обстоятельствахъ не удивительно, если и въ легендѣ Діокла первая роль принадлежитъ Рому. Первенство роли Рома въ подлинномъ видѣ выдержано у Плутарха и даже Ливія. Напротивъ, Діонисій измѣнялъ нѣсколько это соотношеніе ролей Рома и Ромула. Къ двумъ причинамъ этого измѣненія, указаннымъ выше (гл. III кон.), можно прибавить еще третью, состоящую въ сознательномъ или безсознательномъ стремленіи къ уравнию Ромула съ Ромомъ. *Рома и Ромула* римляне замѣнили—*Ромуломъ и Ремомъ* ¹⁵).

Наконецъ, не лишне замѣтить, что во всѣхъ свѣдѣніяхъ изъ греческихъ писателей Ромъ и Ромуль признаются лишь вообще братьями. Близнецами они оказываются впервые въ легендѣ Діокла.

2. Рядомъ съ этими именами, въ двухъ случаяхъ первоначально имѣлось полное отсутствіе всякаго личнаго имени. Дѣло касается матери близнецовъ и ихъ кормилицы.

а) Въ легендѣ Фабія-Діокла мать близнецовъ называется вообще только нарицательными именами, обозначающими ея званіе (жрица

¹⁴) Большая часть этихъ данныхъ читается у Діонисія (1, 72) и Феста в. в. Romam (p. 266 — 269 M. = Theurg. стр. 362 сл.). См. также Моммзона *Remuslegende* (Hermes 1881) стр. 3—6.

¹⁵) Ср. гл. XIV.

Весты) или ея родственныя отношенія къ остальнымъ дѣйствующимъ лицамъ. Въ отличіе отъ этого, Эній первый далъ ей имя *Ліа*, послѣ того какъ еще раньше Невій призналъ ее дочерью троянца Энея ¹⁶⁾. Этимъ именемъ пользовались неоднократно, ради удобства и краткости, также и такіе писатели, которые вовсе не слѣдовали версіи Энія. Такъ напр., даже Плутархъ, упомянувъ о томъ, что весталки одни называютъ такъ, а другіе иначе ¹⁷⁾, въ дальнѣйшемъ своемъ рассказѣ самъ называетъ ее при случаѣ именемъ *Ліа* ¹⁸⁾. Имя *Ліа* употреблялось особенно охотно поэтами ¹⁹⁾. Напротивъ Цицеронъ, не даетъ ей еще никакого имени, называя ее просто *Vestalis illa* ²⁰⁾.

Овидій въ *Фастахъ*, кромѣ имени *Ліа* ²¹⁾, употребляетъ уже и имя *Silvia* ²²⁾, и притомъ совершенно произвольно (см. гл. V). Это же имя (*Σιλυία*) принимаетъ и Діонисій, хотя и заявляетъ, что нѣкоторые пишутъ *Rea Silvia* ²³⁾.

Въ то время, какъ *Иліей* она названа у Эпія примѣнительно къ ея илійскому (троянскому) происхожденію, именемъ *Silvia*, напротивъ, она обозначается, какъ членъ албанскаго царскаго рода Сильвіевъ. Имя „Сильвій“ впервые появляется у Катона въ *Origines* ²⁴⁾, какъ названіе сына Энея и Лавиніи, родившагося въ лѣсахъ, въ хижинѣ пастуха ²⁵⁾; но генеологія рода Сильвіевъ составлена была только въ вѣкъ Цицерона и Цезаря ²⁶⁾, вслѣдствіе чего и имя весталки, представляющее собою *nomen gentile* Сильвіевъ, не можетъ быть древнѣе означеннаго времени. Обозначеніе же ея родовымъ именемъ соответствуетъ обычаю республиканскаго періода; ср. напр. *Lucretia*, *Terentia*, *Caecilia*. Рядомъ съ этимъ, въ концѣ республиканскаго періода, началъ выработываться новый обычай давать женщинамъ два имени

¹⁶⁾ См. гл. V.

¹⁷⁾ Plut. Rom. 3, 4.

¹⁸⁾ Plut. 8, 7: Φαυστόλος δὲ τοῦτο πρὸς τὴν Ἰλίαν φέρων.

¹⁹⁾ Напр. Tibull, 2, 5, 52: te quoque iam video, Marti placitura sacerdos *Ліа*, Vestales deseruisse focos. Другіе примѣры у Швергера I, 426 пр. 1.

²⁰⁾ Cic. de div. 1, 2, 40.

²¹⁾ Ov. Fast. 3, 11; 233; 4, 51.

²²⁾ Ib. 2, 383; 3, 45.

²³⁾ Dion. 1, 6: ὡς δὲ τινες γράφουσι Ῥέην ὄνομα, Σιλυίαν ἐπέκλησιν.

²⁴⁾ Cato fr. 11 (Peter Hist. rom. tell. стр. 54) = Serv. ad. Aen. 6, 760.

²⁵⁾ Такъ какъ эта легенда оказывается только этимологическимъ толкованіемъ слова *Silvius*, то послѣднее должно быть объяснено само по себѣ. Быть можетъ это переводъ греческаго Ἰβαίος (отъ ἵλη = *silva*).

²⁶⁾ См. гл. IX, 4.

(параллельно съ мужскими *tria nomina*), причемъ опредѣленныхъ нормъ для этого не существовало. Два женскихъ имени составлялись различно, то изъ помен и cognomen отца (напр. *Aemilia Lepida*), то изъ одного отцовскаго, а другого материнскаго (напр. *Cic. fam. 8, 7, 2: Paulla Valeria*; *Tac. a 3, 67: Iunia Torquata*), то изъ родового и личнаго имени (напр. *Iunia Tertia, Vitellia Rufilla*). Согласно съ этимъ новымъ обычаемъ, вмѣсто простого *Silvia*, составилось двойное названіе *Rea Silvia*, впервые пущенное въ обращеніе, какъ кажется, Варрономъ ²⁷⁾. Дионисій указываетъ это названіе еще только въ смыслѣ второстепеннаго варианта. Напротивъ, Ливій и Страбонъ примѣняютъ его уже безъ всякой оговорки, а примѣра Ливія придерживались и историки послѣдовавшаго времени ²⁸⁾.

Происхожденіе и значеніе слова *Rea* (или *Rhea*) спорно. Довольно удовлетворительнымъ казалось бы объясненіе Шwegлера (I, 428), одобряемое и Паисомъ ²⁹⁾, основанное на предположеніи, что мать близнецовъ названа Реей вслѣдствіе отождествленія ея съ фригійской богиней Реей Кибелой, которой посвящена была, между прочимъ, и гора Ида въ Троадѣ. Въ такомъ случаѣ мы имѣли бы дѣло съ комбинаціей, возникшей въ тѣсной связи со значеніемъ слова *Silvia* = *Idaia*, что вполне возможно для римской археологической науки времени Цезаря ³⁰⁾. Другое толкованіе предложено было Нибуромъ ³¹⁾, по мнѣнію котораго *Rea* = *gea* (*die Angeklagte*). Съ этимъ согласенъ и Преллеръ-Горданъ ³²⁾, но такъ, что *gea* принимается въ смыслѣ *voti gea*, „обязавшаяся обѣтомъ“. Наиболее же правдоподобнымъ представляется третье толкованіе, намѣченное Шwegлеромъ ³³⁾. Имя *Rea* могло получиться у Варрона вслѣдствіе того, что онъ сопоставлялъ мать римскихъ близнецовъ съ какой-либо мифической личностью въ сказаніяхъ своей сабинской родины. На существованіе личнаго женскаго имени *Rea* у сабинянъ указываетъ, что такъ именно называлась мать Серто-

²⁷⁾ Solin. 1, 17: ut affirmat Varro, Romam condidit Romulus, Marte genitus et Rea Silvia.

²⁸⁾ Шwegлеръ I, 428 прим. 2.

²⁹⁾ Паисъ *Storia di Roma* I, 1, 205 прим. 4.

³⁰⁾ Если же Паисъ (стр. 208) приурочиваетъ возникновеніе имени *Rhea Silvia* ко временамъ Ганнибала, то для этого у него нѣтъ другихъ основаній, кромѣ введенія въ Римъ культа Кибелы во время второй пунической войны.

³¹⁾ Нибуръ *Röm. Gesch.* I стр. 222.

³²⁾ Преллеръ-Горданъ *Röm. Mythol.* I 3, 345 прим. 1.

³³⁾ Шwegлеръ I, 428 прим. 9.

рія, который былъ родомъ изъ сабинской земли ²⁴⁾. Предполагаемая мнѣнческая Rea могла находиться въ какой-либо связи со сказаніями объ основаніи родного города Варрона Reate, чѣмъ и обуславливалось бы сопоставленіе ея съ матерью основателей Рима, политической родиной Варрона, въ качествѣ римскаго гражданина.

Вмѣсто обычнаго у историковъ сочетанія Rea Silvia, Кассій Діонъ ²⁵⁾ даетъ комбинацію *Rea Iliā*, что, однако, могло произойти вслѣдствіе случайнаго выпаденія частицы ἤ : Σιλουίαν ἢ Ῥεάν [ἤ] Ἰλίαν ²⁶⁾ Дѣйствительно простое *Rea*, безъ Silvia, также встрѣчается (напр. Justin. 43, 2, 2; Plut. Rom. 3, 4).

Пансь ²⁷⁾ приводитъ еще имя *Servilia*, съ ссылкой на греческую антологию ²⁸⁾, и приписываетъ возникновеніе этого имени весталки пергамскимъ ученымъ конца III или начала II вѣка до Р. Хр., т.-е. тому періоду времени, когда возникли эпиграммы третьей главы антологии. Однако въ самой эпиграммѣ, трактующей объ освобожденіи Ромуломъ и Ремомъ ихъ матери, послѣдняя упоминается безъ всякаго имени:

Τόνδε σὺ μὲν παίδων κρύφιον γόνον Ἄρεϊ τίχτας,
Ῥῆμόν τε ξυνῶν καὶ Ῥωμόλον λεχέων,
Θῆρ' δὲ λύκαιν' ἀνδρῶσεν ὑπὸ σπήλυγγι τιθηρός,
Οἱ σε δυσηκέστων ἤρπασαν ἐκ καμάτων.

Имя матери близнецовъ читается только въ объяснительномъ введеніи къ этой эпиграммѣ: ἐν δὲ τῷ ἰθ' Ῥῆμος καὶ Ῥωμόλος ἐκ τῆς κολλάσεως ῥοόμενοι τὴν μητέρα Σεργιλίαν (al. Σεργήλειαν) ὀνόματι. Однако тѣ объяснительныя замѣчанія, которыя предпосланы каждой изъ 19 эпиграммъ, не читались, конечно, въ самомъ храмѣ, сооруженномъ въ Кизии въ честь матери пергамскаго царя Евмена и украшенномъ 19 картинами, изображавшими сцены изъ мифовъ о сыновней любви. Тамъ были только эпиграммы, въ то время какъ объяснительныя замѣчанія, излагающія содержаніе означенныхъ картинъ, составлены уже только для книжнаго изданія эпиграммъ ²⁹⁾. Весьма возможно, что *Servilia* не что иное, какъ искаженіе имени Silvia (или *Silvia Iliā*).

²⁴⁾ Plut. Sertor. c. 2.

²⁵⁾ Boissvain I стр. 6: Σιλουίαν ἢ Ῥεάν Ἰλίαν.

²⁶⁾ На подобномъ перечисленіи этихъ трехъ именъ основывается и искаженіе у Псевдо-платарха (parall. 36); см. гл. VIII, 1. Ср. также Plut. Rom. 3, 4: οἱ μὲν Ἰλίαν, οἱ δὲ Ῥεάν, οἱ δὲ Σιλουίαν.

²⁷⁾ Пансь I. с. стр. 208 съ прим. 4.

²⁸⁾ Anthol. Pal. III, 19.

²⁹⁾ Ср. предисловіе въ изданіи Дюбнера (Paris 1871) I стр. 45.

Но, впрочемъ, Плутархъ ⁴⁰⁾ указываетъ еще имя *Aemilia*. Такъ какъ при этомъ имѣется въ виду версія Невія и Эннія, то, быть можетъ, правъ Пайсъ, когда онъ приписываетъ возникновеніе этого имени тщеславію рода Эмилиевъ (или, вѣрнѣе, угодливости какого-либо приверженца). Въ такомъ случаѣ это служило бы лишнимъ доказательствомъ въ пользу того, что въ началѣ 2 столѣтія до Р. Хр. мать близнецовъ не имѣла еще никакого освященнаго преданіемъ имени.

б) Также и жена Фаустула, кормилица Ромула и Рема, въ основномъ текстѣ легенды не имѣла никакого имени, какъ видно особенно изъ Дионисія (с. 79, въ сравненіи съ с. 84). При той скромной роли, которая принадлежитъ ей въ ходѣ событій, опредѣленное имя для нея было еще менѣе нужно, чѣмъ для родной матери близнецовъ. Объ онѣ не принимаютъ никакого активнаго участія въ событіяхъ окончательной развязки. Объ обѣихъ идетъ рѣчь только, какъ объ отсутствующихъ (за исключеніемъ лишь момента освобожденія весталки изъ темницы). Въ частности о женѣ Фаустула упоминается исключительно только въ связи съ тѣмъ моментомъ, когда Фаустулъ, поднявъ дѣтей, принесъ ихъ къ себѣ домой, причемъ нѣтъ ни малѣйшаго намска на легкомысленный образъ жизни этой женщины. Съ теченіемъ времени, однако, съ кормилицей Ромула и Рема произошла не малая метаморфоза. Скромная жена пастуха мало по малу превратилась въ одну изъ самыхъ крупныхъ фигуръ легенды, подъ именемъ *Acca Larentia*, вслѣдствіе сгруппированія вокругъ этого имени разныхъ паслосій изъ различныхъ источниковъ. Одну изъ такихъ примѣсей выдѣлилъ еще Плутархъ (Rom. с. 5), указавшій, что та Акка Ларенція, которая, послѣ приключенія въ храмѣ Геркулеса, вышла замужъ за богача Таруція, совершенно отлична (*ἕτέρα Λαρεντία*) отъ Акки Ларенціи, кормилицы Ромула и Рема ⁴¹⁾. Разсказъ объ этой *ἕτερα Λαρεντία*, составляющій содержаніе [первыхъ 5 параграфовъ пятой главы „Ромула“ Плутарха, всецѣло заимствованъ изъ какого-либо велико-греческаго фарса ⁴²⁾. Но и матеріалъ, сообщаемый въ концѣ 4-й главы Плутарха, не однороденъ и, кромѣ того, недостаточенъ для выясненія вопроса о присвоеніи женѣ Фаустула имени

⁴⁰⁾ Plut. Rom. 2, 6: οἱ δὲ Αἰμιλίαν τὴν Αἰνείου καὶ Λαβέντιας Ἄρει συγγενομένην.

⁴¹⁾ Статья Моммзена (Die echte und die falsche Acca Larentia, Röm. Forsch. II, 1 сл.) представляетъ собою критическій пересказъ того, что изложено Плутархомъ.

⁴²⁾ Θ. Φ. Ζηλινσκій Quaestiones comicae (стр. 113 сл.).

Акки Ларенции. Съ другой стороны, и въ матеріалѣ, касающемся „второй“ Акки Ларенции заключаются данныя (§§ 5—6 пятой главы), не относящіяся къ гетерѣ 'Аххѣ великогреческаго фарса.

Нельзя сомнѣваться въ принадлежности Акки Ларенции къ составу древне-римскихъ народныхъ сказаній. Но въ этой „настоящей“ Аккѣ Ларенции относятся, на нашъ взглядъ, только слѣдующія двѣ части дошедшаго до насъ конгломерата: 1) преданіе о томъ, что извѣстная часть римскаго агеа⁴³⁾ завѣщана была римскому народу Аккой Ларенціей⁴⁴⁾, и 2) преданіе о томъ, что Акка Ларенція была родоначальницей коллегіи арвальскихъ братьевъ⁴⁵⁾. Последнее преданіе, въ которомъ фигурируетъ Ромуль⁴⁶⁾, и составляетъ связующее звено между легендой объ Аккѣ Ларенции и легендой о близнецахъ. Обѣ эти легенды могли возникнуть только въ всякой зависимости одна отъ другой. Въ то время какъ въ фабулѣ Фабія-Діокларѣ идетъ о двухъ братьяхъ-близнецахъ, въ арвальской легендѣ упоминается одинъ только Ромуль. Роль жены Фаустула исчерпывается обязанностями кормилицы и воспитательницы младенцевъ; напротивъ, въ арвальской легендѣ самъ Ромуль входитъ въ составъ семьи Акки Ларенции добровольно и, конечно, не въ возрастѣ грудного ребенка. Характеръ обѣихъ легендъ радикально различенъ. Въ арвальской легендѣ Акка Ларенція стоитъ во главѣ семьи изъ 12 сыновей, какъ бы на положеніи *pater familias*. Это такая бытовая особенность, которая никоимъ образомъ не могла быть создана народной фантазіей, напримѣръ, въ вѣкѣ Августа. Скорѣе можно было бы приурочивать къ позднѣйшимъ временамъ возникновеніе легенды о завѣщаніи земли римскому народу. Здѣсь Акка Ларенція дѣйствуетъ, какъ лицо *sui iuris*, и нѣчто подобное было вполне возможно въ концѣ республики, когда бракъ безъ *manus* получилъ широкое распространеніе. Но свидѣтельство Катона⁴⁷⁾ доказываетъ, что мы въ этомъ случаѣ имѣемъ дѣло какъ разъ съ древней легендой, въ данномъ видѣ принадле-

⁴³⁾ Находящаяся, вѣроятно, по ту сторону Тибра, см. гл. XIV.

⁴⁴⁾ Macrobius. 1, 10, 16: Cato ait Larentiam meretricio quaestu locupletatam post excessum suum populo Romano agros Turacem, Semurium, Linturium et Solinium reliquisse et ideo sepulcri magnificentia et annuae parentationis honore dignatam.

⁴⁵⁾ Sabinus Masurius ap. Gell. 7, 7, 8: ea mulier ex duodecim filiis maribus unum morte amisit; in illius locum Romulus Accae sese filium dedit seque et ceteros eius filios fratres aruales appellavit.

⁴⁶⁾ См. гл. XIV.

⁴⁷⁾ Macrobius. 1. c.

жащей къ такому времени, когда положеніе Акки Ларенціи, составляющей завѣщаніе, какъ лицо *sui iuris*, казалось уже столь страннымъ, что эта женщина, неимѣющая мужа, принималась за особу, нажившую богатства *quaestu meretricio* на подобіе обычая, встрѣчающагося въ вѣкъ Плавта въ Этруріи ⁴⁸⁾. Разъ она принималась за *meretrix*, то этимъ дана была почва съ одной стороны для отождествленія ея съ 'Αχχὸ велико-греческаго фарса, а съ другой—для возникновенія еггемеристическаго толкованія чудеснаго спасенія младенцевъ путемъ толкованія слова *lupa* въ смыслѣ „распутная женщина“, для какого толкованія въ самой легендѣ о близнецахъ не было никакого основанія.

А что Акка Ларенція не всегда принималась за *meretrix* и что напротивъ, было время, когда ея положеніе въ качествѣ главы семейства было еще достаточно понятно, видно изъ отождествленія ея, упоминаемаго еще Катонемъ, съ тѣмъ Ἴρωρς, въ честь котораго на *Velebrum* ежегодно справлялся праздникъ *Larentalia* ⁴⁹⁾.

Отождествленіе жены Фаустула съ Аккой Ларенціей впервые засвидѣтельствовано Лициніемъ Макромъ, аналитомъ времени Цицерона ⁵⁰⁾.

VIII. Бытовые данныя въ легендѣ о близнецахъ.

Подобно личнымъ именамъ, также и бытовые черты, главнымъ образомъ въ области богослужебныхъ древностей, въ значительной степени обнаруживаютъ чужой отпечатокъ, насколько дѣло касается основного состава легенды. Нѣкоторыя же черты, чисто латинскаго и въ частности римскаго происхожденія, привнесены въ легенду уже впоследствии совершенно такъ, какъ и имена матери близнецовъ и ихъ кормилицы.

1. *Званіе весталки вообще и албанской въ частности.* Рядомъ съ

⁴⁸⁾ См. Ф. О. XII, 2: „Арвальскія братья“ стр. 204; ib. XVII, 1: „Dea, dia, богиня материнскаго права“ стр. 10; 12.

⁴⁹⁾ Божество праздника *Larentalia* столь же неизвестно, какъ и, напримѣръ, божество праздника *Furrinalia*. Во всякомъ случаѣ слово *Larentalia* происходитъ не отъ *Larentia* (въ такомъ случаѣ ожидалась бы форма **Larentialia*), а, напротивъ, оба слова скорѣе происходятъ отъ одной и той же основы (**Larens* или **Larenta*). Кромѣ формы *Larentia* встрѣчается также *Larentina*, см. Моммзена *Röm. Forsch.* II, 2 прим. 1.

⁵⁰⁾ *Macrob. 1, 10, 17: Macer historiarum libro primo Faustuli coniugem Accam Larentiam Romuli et Remi nutricem fuisse confirmat.*

именемъ Romulus, званіе весталки принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ чертъ, которыя, съ самаго же начала входя въ составъ легенды Діокла, придавали ей нѣкоторый колоритъ римскаго сказанія. Всѣ источники, опредѣляющіе званіе матери близнецовъ, единогласно называютъ ее жрицей Весты. Единственное исключеніе представляютъ собою Псевдо-плутархъ, который называетъ ее жрицей Юноны; однако, это результатъ явнаго искаженія подлинника, которымъ пользовался этотъ повѣствованный авторъ ¹⁾.

Римскій культъ Весты составляетъ такую рѣзко отличительную особенность общественной жизни Рима ²⁾, что знакомство съ этимъ учрежденіемъ можно предполагать у всякаго греческаго писателя, даже не побывавшаго въ Римѣ, но такъ или иначе заинтересовавшагося этимъ городомъ, если только этотъ писатель принадлежитъ ко времени послѣ завоеванія римлянами Кампаніи, происшедшаго при жизни Аристотеля ³⁾. Автору легенды о римскихъ близнецахъ было извѣстно, что жрицы Весты были обречены на безбрачіе. Ему также было извѣстно, что весталки, не смотря на высокій почетъ ихъ званія, подвергались наказанію путемъ бичеванія. Однако, онъ не зналъ, что такое наказаніе полагалось за упущеніе по службѣ, въ то время какъ за нарушеніе цѣломудрія, имѣющее мѣсто въ легендѣ, установлено было другое, болѣе жестокое, наказаніе. Последнее могло остаться неизвѣстнымъ, такъ какъ и самое преступленіе въ старыя времена оказывалось неслыханнымъ дѣломъ, въ то время какъ упущенія по службѣ скорѣе были возможны ⁴⁾, а, слѣдовательно, было извѣстно и обычное въ этомъ случаѣ наказаніе. Римскій авторъ легенды во всякомъ случаѣ изобразилъ бы дѣло ближе къ истинѣ. Къ этому присоединяется еще то, что возведеніе будущей матери городского ктιστα въ званіе жрицы съ обреченіемъ ея на безбрачіе въ римской легендѣ вовсе не оригинально; все это имѣется также и въ мифѣ объ Авгѣ у Софокла и

¹⁾ Plut. parall. 36: τὴν δὲ θυγάτηρα Σλοῦϊαν ἐν Ἰουλίᾳ τῆς Ἦρας ἱέρειαν ἐποίησαν. Объ искаженіи словъ ἐν Ἰουλίᾳ изъ ἧ Ἰλίαν была уже рѣчь выше (гл. VII, 2, а). Подобное же искаженіе заключается и въ словахъ τῆς Ἦρας. Въ подлинномъ текстѣ это мѣсто имѣло слѣдующій видъ: Σλοῦϊαν ἢ Ἰλίαν ἢ Ῥεῖαν ἱέρειαν ἐποίησαν. Слова ἢ Ῥεῖαν Псевдо-плутархъ прочелъ за одно слово ΠΡΕΑΝ, въ смыслѣ Ἦραϊαν, что и передалъ, какъ будто асѣю, въ передѣлкѣ: τῆς Ἦρας. Устраняя оба послѣднія имени, Псевдо-плутархъ доказалъ, что онъ не имѣлъ никакого понятія о разномъ образѣ именъ матери близнецовъ.

²⁾ См. Ф. О. XI, 2, стр. 202 сл. („О культѣ Весты“).

³⁾ См. гл. XII.

⁴⁾ Ср. Liv. 28, 11, 6.

Еврипида ⁵⁾, такъ что весталка Діокловой фабулы не что иное, какъ Авга, пересаженная на римскую почву.

Въ легендѣ о близнецахъ, впрочемъ, мы имѣемъ дѣло не съ римской, а съ *албанской весталкой*. Это обстоятельство не возбуждало никакихъ недоумѣній, даже у гиперкритиковъ, на томъ основаніи, что римскіе весталки считаются не специально римскимъ учрежденіемъ, а общелатинскимъ, восходящимъ ко временамъ до основанія Рима ⁶⁾. Однако, на провѣрку оказывается, что, кромѣ Рима, весталки встрѣчаются еще только въ Тибурѣ, да въ предполагаемыхъ метрополіяхъ Рима, Албалонгѣ и Лавиніи ⁷⁾. А такъ какъ характеръ этихъ двухъ городовъ, какъ метрополій Рима, болѣе чѣмъ сомнителенъ ⁸⁾, то сомнительна и исконная принадлежность этимъ городамъ культа Весты въ римской формѣ его организаціи ⁹⁾. Къ тому же представленіе объ албанскихъ весталкахъ, современныхъ основанію Рима, противорѣчитъ остальной легендѣ о царскомъ періодѣ, такъ какъ организація культа Весты и учрежденіе коллегіи весталокъ приписывается второму римскому царю Нумѣ Помпилю ¹⁰⁾. Существованіе албанскихъ весталокъ раньше основанія Рима и заимствованіе римлянами культа Весты изъ Албалонги ¹¹⁾ не вяжется съ традиціей о Нумѣ Помпилии въ такой степени, что нѣкоторые римскіе археологи предпочли отказаться отъ преданія и признать основателемъ римскаго культа Весты не Нуму Помпилія, а самого Ромула ¹²⁾.

Правда, въ позднѣйшія времена существовали особыя албанскія весталки, отличныя отъ римскихъ ¹³⁾. Однако, тутъ мы встрѣчаемся съ страннымъ явленіемъ: въ то время какъ несомнѣнно старинныя коллегіи жрецовъ, въ вѣдѣніи которыхъ находилось святилище Юпитера на Албанской горѣ ¹⁴⁾, числилось въ общинѣ *Sabum* (*Sabenses*

⁵⁾ См. гл. X.

⁶⁾ *Marquardt* Römische Staatsverwaltung. IV: Das Sacralwesen, 2 изд. стр. 336.

⁷⁾ *Крашенинниковъ* Муниципальные жрецы стр. 51. Ср. Ф. О. XI, 2, стр. 203.

⁸⁾ См. гл. IX, 4.

⁹⁾ Ср. замѣчаніе Момизена о муниципальных магистратурахъ (*Röm. Gesch.* I^o, стр. 343 прим.).

¹⁰⁾ Въ дѣйствительности окончательная организація культа Весты въ данной формѣ врядъ ли древнѣе начальныхъ времёнъ республики, какъ и самъ Нума Помпилій, въ качествѣ сакральнаго царя.

¹¹⁾ *Liv.* 1, 20, 3: *virgines Vestae, Alba oriundum sacerdotium.*

¹²⁾ *Dion.* 2, 64; *Plut. Rom.* с. 22.

¹³⁾ Швиглеръ I, 587 прим. 4; *Марквардтъ* I. с. 480 пр. 1; *Крашенинниковъ* стр. 51.

¹⁴⁾ *Марквардтъ* I. с. 479.

sacerdotes feriarum latinaum montis Albani C. I. L. VI, 2173), албанскія весталки приписаны были къ муниципію Bovillae (Albani Longani Bovillenses), организація котораго принадлежитъ только временамъ Суллы ¹⁶). Это обстоятельство не говоритъ въ пользу непрерывнаго существованія албанскихъ весталокъ съ донсторическихъ временъ, тѣмъ болѣе, что, по свидѣтельству Цицерона ¹⁶) и Діонисія ¹⁷), на мѣстѣ бывшей Албалонги не сохранилось никакихъ храмовъ, ни жертвенниковъ ¹⁸). Это подтверждается и результатами новѣйшихъ археологическихъ изслѣдованій, не открывшихъ въ предполагаемыхъ мѣстахъ Албалонги никакихъ остатковъ не то что храмовъ, но даже и вообще какихъ бы то ни было крупныхъ городскихъ построекъ ¹⁹). Албанскія весталки впервые упоминаются въ связи съ той же рѣчью Цицерона за Милона, въ которой онъ свидѣтельствуеетъ объ исчезновеніи албанскихъ святищъ, и притомъ упоминаются не самимъ Цицерономъ, а его комментаторомъ Асконіемъ ²⁰), что также не лишено значенія для опредѣленія положенія албанскихъ весталокъ въ вѣкъ Цицерона. Изъ болѣе древнихъ временъ не имѣется рѣшительно никакихъ признаковъ существованія особыхъ албанскихъ весталокъ, за исключеніемъ именно легенды о близнецахъ. Подобно тому, какъ авторъ этой легенды вывелъ въ ней жрицу Весты подъ влияніемъ взгляда на Албалонгу, какъ на метрополию Рима, такъ и Сулла, возстановляя муниципальную автономію мнимой метрополи, вмѣстѣ съ тѣмъ возстановилъ и коллегію албанскихъ весталокъ, бывшую тамъ, согласно этой легендѣ, еще въ вѣкъ самостоятельнаго существованія Албалонги.

Во всякомъ случаѣ присутствіе въ легендѣ албанскихъ весталокъ не является признакомъ древне-римскаго національнаго характера этой легенды, а, наоборотъ, доказательствомъ ея позднѣйшаго возникновенія, послѣ того какъ по греческому образцу выработался взглядъ на Албалонгу, какъ на метрополию Рима, причемъ *Албалонга* считалась такимъ же *юрродомъ*, какъ и Римъ, тѣмъ, однако, она *никогда не была* ²¹).

¹⁶) Очеркъ римскихъ государственныхъ древностей стр. 563 и 571.

¹⁸) Cic. pro Mil. 31, 85: vos Albani tumuli atque luci, vos, inquam, imploro vosque *Albanorum obrutae arae*, sacrorum populi Romani sociae et aequales.

¹⁷) Dion. 1, 66: οὐδὲ μὲν ἱερὸς ἐστὶ.

¹⁸) Если Ливій (1, 29) говоритъ, что римляне, разрушая Албалонгу, пощадилъ храмы боговъ (*templis tamen deorum temperatum est*), то это соображеніе вытекаетъ только изъ благочестивыхъ мотивовъ.

¹⁹) Ср. Паули-Виссова Real-Encycl. II, 1310.

²⁰) Марквардтъ I. с. 480 пр. 1.

²¹) См. гл. IX, 4.

Своеобразенъ также и способъ избранія весталки, а равно и способъ суда надъ ней. Въ обоихъ случаяхъ въ легендѣ дѣйствующимъ лицомъ оказывается самъ царь. Въ дѣйствительности же то и другое входило въ обязанности верховнаго понтифика. Правда, компетенція верховнаго понтифика считается перешедшею къ нему отъ старыхъ царей²²⁾. Однако, это еще вопросъ, для рѣшенія котораго легенды не имѣютъ никакого значенія²³⁾. Напротивъ, весьма правдоподобно, что компетенція верховнаго понтифика въ дѣлѣ избранія и наказанія весталокъ унаслѣдована въ данномъ видѣ еще отъ царскихъ временъ²⁴⁾ и что древніе цари столь же мало принимали лично на себя это дѣло, какъ и республиканскіе *reges sacrorum*²⁵⁾. Въ пользу такого взгляда говоритъ крайне консервативный характеръ богослужебнаго дѣла римской республики, не допускавшей крутой ломки въ старинныхъ обычаяхъ.

Насколько авторъ легенды о римскихъ близнецахъ не сообразовался съ римскими обычаями, видно особенно изъ окончательной формы наказанія весталки въ видѣ заключенія ея въ темницу. Этотъ способъ наказанія засвидѣтельствованъ Плутархомъ, Діонисіемъ, Ливіемъ, Страбономъ и Юстиномъ, причемъ Плутархъ (Rom. с. 9, 2) и Діонисій (с. 82), равно какъ и авторъ кизикской надписи²⁶⁾, показываютъ, что весталка была, наконецъ, освобождена изъ темницы своими сыновьями послѣ низверженія ими Амулія. Одинъ только Юстинъ сообщаетъ, что она умерла въ темницѣ; но это уже своего рода компромиссъ, такъ какъ по другой версіи весталка погибла послѣдъ за рожденіемъ близнецовъ²⁷⁾. Эта вторая версія, по которой она была брошена въ рѣку Тибръ²⁸⁾, принадлежитъ Эннію. Представивъ совершенно вольную обработку легенды о близнецахъ, Энній этимъ самымъ удостоверить, что эта легенда въ томъ видѣ, какъ она была изло-

²²⁾ Марквардтъ I. с. 240.

²³⁾ Моммзонъ (Röm. St.-R. III, 1, 3, изд., стр. 24 прим. 1) не обратилъ надлежащаго вниманія на то, что дѣло касается только *перемыкъ* выборовъ жрецовъ и что дѣйствія царей въ этомъ случаѣ скопированы съ дѣйствій республиканскихъ магистратовъ во *епоху* организуемыхъ колоніяхъ.

²⁴⁾ Ср. Ф. О. XV, 2 („Pontifices“) стр. 110 сл.

²⁵⁾ По крайней мѣрѣ, такое предположеніе даетъ ключъ къ объясненію загадочнаго происхожденія коллегіи понтификовъ.

²⁶⁾ Anth. Pal. с. 3, 19.

²⁷⁾ Dion. 1, 79: οἱ μὲν γὰρ εὐθὺς ἀναρᾶνται λέγουσι τὴν κόρη, οἱ δὲ ἐν αἰρήτῃ φυλακτομένην ἀδελφὸν διατέλεσαι.

²⁸⁾ См. гл. V, прим. 7—10.

жена въ анналахъ его старшаго современника, Фабія Пиктора, не имѣла тогда еще значенія древняго, прочно установившагося историческаго преданія, каковымъ она является впоследствии.

2. *Марсъ*. По унаслѣдованнымъ изстари воззрѣнїямъ римлянъ, нарушеніе весталкою цѣломудрія составляло преступленіе, равное чудовищному продиگیю. Поэтому даже просто психологически невѣроятно, чтобы мысль о такомъ продигіозномъ происхожденіи римскаго родоначальника зародилась въ римской головѣ. Для греческаго автора, въ виду встрѣчавшейся въ греческихъ областяхъ храмовой проституціи, подобная мысль не могла заключать въ себѣ ничего невозможнаго, но и то лишь для такого автора, который былъ мало знакомъ съ римскою жизнью. Правда, богъ войны, Марсъ, въ роли родоначальника римскаго народа, придуманъ очень недурно, въ виду славы римскаго оружія, въ полномъ блескѣ развернувшейся въ теченіе 4-го столѣтія до Р. Хр., начиная съ отраженія галльскаго нашествія, впервые прославившаго Римъ въ эллинскомъ мірѣ, и кончая завоеваніемъ Кампаніи и самнитскихъ областей, сдѣлавшимъ римлянъ опасными соперниками Тарента и даже Сиракузъ. Тѣмъ не менѣе, самая мысль о божественномъ родоначальникѣ могла придти въ голову только греку, но не римлянину²⁹⁾. Въ греческой мѣологіи происхожденіе богатырей отъ божественнаго отца и смертной матери составляетъ совершенно заурядное явленіе³⁰⁾. Къ тому же латинскій и даже общеталійскій *Mars* (*Mamers*) былъ очень хорошо извѣстенъ на югѣ Италіи, благодаря натиску тамошнихъ самнитскихъ племенъ, въ томъ числѣ и мартертинцевъ, получившихъ далѣе свое названіе отъ имени бога Марса. Въ отличіе отъ греческихъ воззрѣній, въ римской понтификальной религіи нигдѣ и никогда не приписывались богамъ какія бы то ни были семейныя функціи, не то что по отношенію къ смертнымъ людямъ, но даже и въ самой средѣ боговъ. Между римскими богами понтификальной религіи нѣтъ никакихъ семейныхъ отношеній, аналогичныхъ условіямъ человѣческой жизни: у нихъ не было ни супруговъ, ни дѣтей боговъ. Встрѣчается, правда, прозвище *pater* (*Juppiter, Mars pater* и т. п.), но только въ смыслѣ почтительнаго титула. Родственные отношенія между римскими богами опредѣлены были уже только подъ вліяніемъ греческой мѣологіи³¹⁾. Отцовское достоинство

²⁹⁾ См. гл. X.

³⁰⁾ По крайней мѣрѣ, римлянину, неприкосновенному къ греческой цивилизаціи.

³¹⁾ Римскій *Ianus*, для котораго въ греческой мѣологіи не нашлось подходящаго двойника, такъ и остался навсегда круглымъ спротоу, безъ отца и матери и безъ дѣтей.

Марса съ точки зрѣнія римской религіи является однимъ изъ наиболѣе яркихъ чертъ перимскаго характера легенды о близнецахъ.

3. *Picus Martius u lupus Martius* ³²⁾. Что въ легендѣ о близнецахъ кормленіе малютокъ первоначально приписывалось исключительно волчицѣ, видно съ одной стороны изъ руминальскаго памятника братьевъ Огульнѣвъ, а съ другой—изъ того, что у Цицерона ³³⁾ и въ особенности у Ливія и Діонисія упоминается одна лишь волчица. Дятель, рядомъ съ волчицей, впервые появляется у Овидія въ *Фастахъ* ³⁴⁾: въ то время какъ волчица кормила дѣтей своимъ молокомъ, дятель приносилъ имъ другую пищу ³⁵⁾. Слова Овидія (*quis nescit?*) показываютъ, что не онъ авторъ этого пополненія легенды новой чертой. Кромѣ Овидія, о дятлѣ упоминаютъ еще Плутархъ ³⁶⁾ и Сервій ³⁷⁾, послѣдній съ присоединеніемъ къ дятлу еще и пугалицы (*parra*). Всѣ три автора въ подобныхъ вопросахъ черпали изъ одного и того же источника, именно изъ археологическихъ изслѣдованій современниковъ Варрона или ихъ преемниковъ. Особенно ясно показанъ этотъ источникъ Сервіемъ, благодаря сопоставленію пугалицы съ дятломъ. Обѣ эти птицы занимали весьма видное мѣсто въ дѣлѣ авспицій, вслѣдствіе того, что принадлежали одинаково какъ къ *alites*, такъ и къ *oscines* ³⁸⁾ причемъ дѣлалось какое то различіе, кромѣ *picus* и *pica*, еще и между *picus Martius* и *picus Feronius* ³⁹⁾. Такое же важное значеніе имѣютъ эти двѣ птицы, *picus* и *parra*, также и въ текстѣ игувиинскихъ таблицъ. По свидѣтельству Плутарха ⁴⁰⁾, дятель находился у латинянъ въ большомъ почетѣ. Дѣйствительно,

³²⁾ Списокъ мѣстъ древнихъ авторовъ, въ которыхъ читаются эти термины, см. у Швейгера I, 416 прим. 3.

³³⁾ Cic. r. p. 2, 2, 4.

³⁴⁾ Ov. Fast. 3, 37: *Martia picus avis gemino pro stipite pugnata et lupa*.—Г. Петеръ (*Hist. Rom. tell.* стр. 109, fr. 3) приурочиваетъ сюда же цитату изъ латинскаго породоа анпаловъ Фабія Пиктора, принадлежащаго времени до Цицерона. Однако въ указанной цитатѣ читаются только слова: *et simul videbant picum Martium*, безъ всякаго указанія на сцену чудснаго спасенія младонцевъ.

³⁵⁾ Ov. Fast. 3, 53: *lacte quis infantes nescit crevisse ferino et picum expositis saepe tulisse cibos?*

³⁶⁾ Plut. Rom. c. 4, 3: *καὶ δρυοκολάπτην τινὰ παρεῖναι συνεκτρέφοντα καὶ φυλάττοντα*.

³⁷⁾ Serv. ad Aen. 1, 273: *cum eos Faustus animadvertisset nutriri a fera et picum parramque circumvolitare*.

³⁸⁾ Fest. p. 197 (Thewr. стр. 228): *pica et parra et in oscinibus et in alitibus habentur*.

³⁹⁾ Fest. ib. *picus Martius Feroniusque*.—Noni Marc. Comp. doctrina въ изданіи Л. Мюллера II, стр. 170: *est parra Vestae, picus Martis*.

⁴⁰⁾ Plut. Rom. c. 4, 4: *τὸν δὲ δρυοκολάπτην καὶ διαφερόντως Λατῖνοι σέβοντα καὶ τιμᾶσιν*.

лаврентяне по имени этой вѣщей птицы прозвали даже своего вѣщаго царя мионическихъ временъ Пикомъ ⁴¹⁾.

Важное значеніе, которымъ въ авспиціяхъ пользовался въ частности *picus Martius* ⁴²⁾, подало поводъ къ тому, что дятель признавался птицей, посвященной Марсу ⁴³⁾. Съ другой стороны, выраженіе *picus Martius*, будучи сопоставляемо съ *lupus Martius*, вызвало мнѣніе, что также и волкъ такое же священное животное Марса ⁴⁴⁾. Дѣйствительно, встрѣчаются случаи воззрѣнія, по которому появленіе волка считалось примѣтой, посланной Марсомъ ⁴⁵⁾. Однако, такое воззрѣніе врядъ ли коренилось въ правилахъ авгурской дисциплины, подобно значенію дятла; для этого не имѣется, по крайней мѣрѣ, никакихъ свидѣтельствъ. Скорѣе кажется, что волкъ сталъ называться *lupus Martius* только уже подъ вліяніемъ легенды о близнецахъ. Въ этомъ отношеніи любопытно, что древнѣйшій примѣръ такого взгляда на волка читается у Ливія ⁴⁶⁾ какъ разъ вскорѣ послѣ сообщенія о постановкѣ памятника волчицы подъ руминальской смоковницей. Приобщенію же дятла къ легендѣ о близнецахъ, кромѣ прямой параллели эпитетовъ *lupus Martius* и *picus Martius*, могло содѣйствовать еще и вліяніе разсказа о Кирѣ, въ которомъ, рядомъ съ дикими звѣрями, упоминаются также и птицы ⁴⁷⁾, тѣмъ болѣе что отъ этой параллели съ Киромъ выигрывали римскіе близнецы, нашедшіе защиту у такихъ животныхъ, которыя въ разсказѣ о Кирѣ оказывались враждебными послѣднему. Быть можетъ, подобное общее указаніе на звѣрей и птицъ, вставленное въ рѣчи Рома ⁴⁸⁾, и послужило для Плутарха исходной точкой для внесенія, по примѣру римскихъ археологовъ, своего пояснительнаго замѣчанія о дятлѣ, отсутствовавшемъ въ основномъ текстѣ Діокла ⁴⁹⁾.

4. *Лутерки и лутеркалии*. Если относительно дятла возможно еще

⁴¹⁾ Serv. ad Aen. 7, 190: hoc ideo fingitur, quod augur fuit et domi habuit *picum*, per quem futura noscebat, quod pontificales indicant libri.—Плиній (n. h. 10, 41) производить, на оборотъ, имя птицы отъ имени царя Пика.—О богѣ Picumnus см. Noni Marc. l. c.

⁴²⁾ Plin. n. h. 10, 40: *picus Martio cognomine insignes et in auspiciis magni*.

⁴³⁾ Strabo V, 4, 2: *πίκτον γὰρ νομίζουσαν Ἀρεως ἱερόν*.

⁴⁴⁾ Plut. Rom. 4, 4: *λόκαναν καὶ δρυκολάκτην, νομίζεται δ' Ἀρεως ἱερά ζῆα*.

⁴⁵⁾ Напр. Hor. c. 1, 47, 9; Liv. 22, 1.

⁴⁶⁾ Liv. 10, 27.

⁴⁷⁾ Cp. Iust. 1, 4: *canem ubera praebentem et a feris alitibusque defendentem*.

⁴⁸⁾ Plut. Rom. 7, 11: *οἷς ἐπίσημα οἰωνοῖς καὶ θηρίοις, ὑπὸ τούτων τρεφόμενοι*.

⁴⁹⁾ Cp. Пакса Storia di Roma I, 1 212 прим. 2.

колебание, то позднѣйшее внесеніе въ легенду луперкальскаго праздника само собою очевидно. Объясняя причину отсутствія Ромула въ моментъ нападенія пастуховъ Нумитора на Рома, Плутархъ говоритъ лишь вообще о какомъ-то жертвоприношеніи⁶⁰). Подобнымъ образомъ и Діонисій не опредѣляетъ самаго праздника, назвавъ его лишь вообще *ἱερὰ πάτρια*. Но зато опредѣляетъ онъ мѣсто этого жертвоприношенія, а именно городъ Цепину⁶¹), изъ чего видно, что въ текстѣ Фабія и его послѣдователей не могло быть ни малѣйшаго намёка на луперкаліи, справляемыя тутъ же около палатинской горы, а не въ Ценингѣ. Вдобавокъ самъ Діонисій (с. 80) заявляетъ, что луперки и ихъ праздникъ внесены въ легенду впервые Эліемъ Туберономъ, современникомъ Суллы. Внося сюда луперкаліи, этотъ аналитикъ вмѣстѣ съ тѣмъ оказался вынужденнымъ измѣнить и самыя обстоятельства нападенія пастуховъ Нумитора. По Плутарху и Діонисію (т.-е. Діоклу и Фабію), въ моментъ этого нападенія одинъ изъ братьевъ, именно Ремъ, былъ дома (а нападеніе произведено было, по Діонисію, на ихъ жилища), въ то время какъ Ромулъ отсутствовалъ, будучи занятъ какимъ-то жертвоприношеніемъ. Напротивъ, по Туберону, оба брата принимаютъ одинаковое участіе въ празднествѣ, а отсутствіе Ромула мотивируется тѣмъ, что онъ находился во главѣ одного отряда луперковъ, въ то время какъ нападеніе произведено было на ту часть луперковъ, которую вель Ремъ⁶²). Примѣру Туберона послѣдовалъ и Ливій (1, 5), и притомъ еще съ дальнѣйшей замѣной пастуховъ Нумитора разбойниками. Эти разбойники заимствованы Ливіемъ изъ обыкновенной версіи объясненія луперкаліи въ томъ

⁶⁰) Plut. Rom. 7, 3: τοῦ δὲ Ῥωμύλου πρὸς τινα θυσίαν ἀποτραπέμενον, καὶ γὰρ ἦν φιλοθύτης καὶ μαντικός.

⁶¹) Dion. 1, 79: Ῥωμύλος μὲν τὸν χρόνον τοῦτον ἐτύχαιεν πορευόμενος εἰς τι χωρίον Κανίταν ὀνομαζόμενον, ἱερὰ ποιῶν ὑπὲρ τοῦ κοινῆς πάτρια.

⁶²) Успѣшный результатъ задуманнаго пастухами нападенія показываетъ, что Элій Туберонъ имѣлъ въ виду достаточно значительное разстояніе между обѣими частями луперковъ, не позволявшее одному брату придти во-время на помощь другому. Этимъ подтверждается правильность нашего толкованія выраженія *ascensus atque descensus* (Ф. О. III, 1, 60), по которому обѣ части луперковъ, по выходѣ изъ грота Луперка, оггбали палатинскій холмъ съ разныхъ сторонъ, что, впрочемъ, ясно указано еще Овидіемъ (Fast. 2, 371): *diversis exit uterque partibus*. Такимъ образомъ пастухи Нумитора съ предполагаемаго для нихъ мѣстожительства на Авентинѣ могли напасть на луперковъ Рома въ долину цирка, въ то время какъ Ромулъ съ другой частью луперковъ находился на противоположной сторонѣ горы, на *vasca via*.

видѣ, какъ оно дано Овидіемъ ⁵³⁾, внѣ всякой связи съ поимкою Рема и приведеніемъ его къ Амулію ⁵⁴⁾. Плутархъ, ссылаясь на какого-то Буту, говоритъ, что праздникъ луперкалій установленъ Ромуломъ и Ремомъ уже по низложеніи Амулія ⁵⁵⁾. Вообще Ливій, въ своемъ подражаніи Туберону, стоитъ совершенно особнякомъ среди всѣхъ остальныхъ писателей. Принявъ въ легенду о близнецахъ луперковъ и ихъ праздникъ, Ливій дѣйствовалъ, повидимому, подъ влияніемъ предпринятой Августомъ въ 28 году реставраціи коллегіи луперковъ и ихъ святилища, что какъ разъ совпало съ періодомъ составленія первой книги Ливія, изданной между 27—25 годами.

5. Итакъ, бытовые черты изъ области богослужебнаго дѣла частью внесены въ легенду добавочнымъ образомъ, частью же оказываются такими, что тѣ условія, въ которыхъ онѣ появляются въ легендѣ о близнецахъ, могутъ быть объяснены только не римскимъ происхожденіемъ этой легенды. Изъ другихъ же областей общественной или частной жизни во всей легендѣ нѣтъ ни одной бытовой черты, которая оказалась бы специфически римской. Такъ напримѣръ, царскій *судъ надъ Ремомъ*, происходившій подъ открытымъ небомъ, примыкаетъ одинаково какъ къ римскимъ, такъ и греческимъ порядкамъ.

IX. Топографическія и историко-географическія данныя въ легендѣ о близнецахъ.

Сказанное о бытовыхъ чертахъ всецѣло касается и топографическихъ данныхъ легенды. Также и здѣсь нѣкоторыя данныя внесены въ легенду только съ теченіемъ времени, а тѣ, которыя находились въ ней съ самаго начала, свидѣтельствуютъ о маломъ знакомствѣ автора легенды съ территоріей, служащей мѣстомъ изображаемыхъ въ легендѣ дѣйствій.

1. *Lupercal* и *ficus Ruminalis*. Изъ Плутарха и Діонисія видно, что мѣсто, гдѣ дѣти были найдены волчицей, а потомъ пастухами, еще въ основномъ текстѣ легенды было показано въ области разлива рѣки Тибра, но безъ всякаго частнаго наименованія даннаго пункта и безъ малѣйшаго указанія на то, находилось ли это мѣсто въ пре-

⁵³⁾ Ov. Fast. 2, 359—380.

⁵⁴⁾ Притомъ, данное толкованіе возникновеніи луперкалій представляеть собою только копію болѣе древней легенды о Потимціяхъ и Пинаріяхъ.

⁵⁵⁾ Plut. Rom. 21, 14: Βούτας δέ τις αἰτίας μυθῶδες ἐν ἐλασίῳ περὶ τῶν Ῥωμαίων ἀναγράφων φησὶ τοῦ Ἀμουλίου τοῦς περὶ τὸν Ῥωμῶλον κρατήσαντας ἐλθεῖν ὄρμιον μετὰ χαρᾶς κ. τ. λ.

дѣлахъ территоріи города или гдѣ-либо за городомъ. По Діонисію, который даетъ очень подробное описаніе мѣста чудеснаго спасенія младенцевъ (и притомъ, поиндимуму, вполне согласно съ Діокломъ, такъ какъ Плутархъ не напелъ нужнымъ внести какія либо поправки), дѣло было такъ: корыто съ дѣтьми остановилось вслѣдствіе того, что наткнулось на камень (*λίθου προσκταίσται*); когда же появились пастухи, то волчица, кормившая малютокъ, стала медленно уходить и, наконецъ, скрылась въ пещерѣ, находившейся недалеко отъ мѣста спасенія младенцевъ въ густой рощѣ ¹⁾. Вотъ эта-то пещера и послужила исходнымъ пунктомъ для локализациі легенды. Уже первый анализъ, Фабій Пикторъ, отождествлялъ эту пещеру съ римскимъ гротомъ Луперка, дѣйствительно, находившимся въ мѣстности, до которой доходила вода Тибра во время сильнаго половодья. Однако, самъ Фабій охарактеризовалъ это отождествленіе, какъ простое предположеніе, при помощи слова: *λέγεται* ²⁾. Такое отождествленіе пещеры легенды съ римскимъ луперкалемъ въ вѣкъ Огульниевъ было еще совершенно неизвѣстно, какъ видно изъ того, что они поставили свою волчицу съ младенцами не здѣсь, около луперкала, а на комницѣ подъ деревомъ, посвященнымъ богинѣ-покровительницѣ грудныхъ младенцевъ ³⁾. Но и въ вѣкъ Фабія приуроченіе чудеснаго спасенія Ромуля и Рему къ луперкалю не составляло еще общепринятаго мнѣнія. Это видно не только изъ выше упомянутаго *λέγεται*, изъ котораго Діонисій съ точки зрѣнія своего времени сдѣлалъ *ἐλέγεται* ⁴⁾, но еще болѣе изъ того, что Эниій, игнорируя совершенно мнѣніе о луперкалѣ, говоритъ о гротѣ Марса ⁵⁾ и притомъ въ какой-то связи съ руминальской смоковницей ⁶⁾. Въ теченіе послѣдняго столѣтія до Р. Хр. мнѣніе о луперкалѣ установилось уже на столько, что,

¹⁾ Dion. 1, 79: ἦν γάρ τις οὐ πολὺ ἀπέχων ἐκείθεν ἱερός χώρος ὠλή βαθεία συντροφῆς καὶ πέτρα κοίτη πηλᾶς ἀνεῖσα.

²⁾ Фил. Обзор. XVI, 2: „Руминальская смоковница и волчица братьевъ Огульниевъ“, стр. 193 (съ дополненіями ib. XVIII, 1; XIX, 2; XX, 2).

³⁾ Тамъ же стр. 192. Волчица подъ руминальской смоковницей изображена на серебряной монетѣ 125 года до Р. Хр. (*Babelon Monnaies II*, стр. 336; ср. также I, 31).

⁴⁾ Dion. 1, 79: ἐλέγεται δὲ Πανός εἶναι τὸ ναῖος καὶ βωμός ἦν αὐτόθι τοῦ θεοῦ.

⁵⁾ См. гл. V прим. 14. Впрочемъ, также и латинскій переводчикъ анналовъ Фабія называлъ этотъ гротъ „*spruncus Martis*“ (Г. Петеръ *Hist. Rom. tell.* стр. 109 fr. 4). Если это былъ буквальный переводъ, то показываемое Діонисіемъ отождествленіе съ гротомъ луперка принадлежало бы даже не самому Фабію, а кому-нибудь изъ его послѣдователей (*οἱ περὶ Φαβίων*).

⁶⁾ Тамъ же, прим. 13.

когда Цезарь задумалъ постройку новой куріи, онъ велѣлъ перенести къ луперкалю памятникъ Огульниовъ, стоявшій до тѣхъ поръ на комиціи, передъ старой куріей, подъ руминальской смоковницей. Такое перемѣщеніе бронзовой волчицы оказалось тѣмъ болѣе осуществимымъ, что тогда же появилось мѣніе, впервые удостовѣренное Варрономъ ⁷⁾ и, быть можетъ, имъ же и пущенное въ обращеніе, о томъ, что настоящая руминальская смоковница, подъ которой волчица нѣкогда кормила основателей Рима, находилась тамъ же около луперкала. Мѣніе Варрона воспроизводитъ и Овидій ⁸⁾ и Плутархъ ⁹⁾, между тѣмъ какъ Діонисій свидѣтельствуесть, что въ его время около луперкала не было никакихъ деревьевъ ¹⁰⁾, а, по свидѣтельству Овидія, не было тамъ въ частности никакой смоковницы. Мѣнію Варрона Ливій противопоставилъ свое собственное толкованіе, по которому объ локализациі одинаково вѣрны: луперкаль указываетъ то мѣсто, гдѣ произошла сцена чудеснаго спасенія младенцевъ, въ то время какъ смоковница на комиціи означаетъ то мѣсто, гдѣ слуги Амудіа бросили дѣтей ¹¹⁾. Однако, народной фантазіи лучше понравился взглядъ Варрона. Возникла даже легенда, что смоковница отъ луперкала чудеснымъ образомъ перенесена была на комиціи авгуromъ Аттомъ Навіемъ, статуя котораго находилась тутъ же на комиціи около священнаго дерева богини Румины, вслѣдствіе чего смоковница на комиціи даже называлась Навіевой ¹²⁾.

2. *Священная роца Марса и пещера Марса.* Итакъ, съ теченіемъ времени къ легендѣ о близнецахъ приобщены были пещера Луперка подъ Гермаломъ и руминальская смоковница на комиціи. Въ противоположность къ этому, совершенно удалены изъ этой легенды находившіяся въ основномъ ея текстѣ роца Марса, замѣненная у Эниія пещерой. По Діонисію ¹³⁾ и Діону ¹⁴⁾, встрѣча Марса съ весталкой произошла въ священной роцѣ этого божества (ἄλλος "Αρεος), куда она

⁷⁾ Varro l. l. 5, 54: Germalum a germanis Romulo et Remo, quod ad ficum Ruminalem et ii ibi inventi, quo aqua hiberna Tiberis eos detulerat in alveolo expositos (=Plut. Rom. 3, 10 сл.).

⁸⁾ См. Ф. О. I. с. 187.

⁹⁾ Plut. Rom. 4, 1: ἦν δὲ πλησίον ἐρμιάς.

¹⁰⁾ Dion. 1, 79: τὸ μὲν οὖν ἄλλος οὐκέτι διαμένει.

¹¹⁾ Фил. Обзор. I. с. стр. 184 сл.

¹²⁾ Fest. p. 169 (=Thewr. стр. 172): Ficus quoque in comitio appellatur Navia ab Atto Navio augure.

¹³⁾ 1, 77: τὴν Σαλούϊαν ἐλθοῦσαν εἰς ἱερὸν ἄλλος "Αρεος ὕδατος ἀγνοῦ κομίδης ἔνεκα.

¹⁴⁾ Boissvain I стр. 7: ἡ δὲ ἐν "Αρεος ἄλλος ἰδρευομένη ἐγχευος γίνεται.

отправилась за водой для храма. Такъ какъ рѣчь идетъ объ албанской весталкѣ, то эту рощу необходимо предполагать, конечно, въ ближайшихъ окрестностяхъ Албалонги. Взамѣнъ рощи Марса Энній въ своей версіи принимаетъ пещеру этого бога (Mavortis antrum), помѣщая здѣсь сцену кормленія малютокъ волчицею ¹⁵⁾. О пещерѣ Марса упоминалъ и латинскій переводчикъ анналовъ Фабіа Пиктора ¹⁶⁾. Быть можетъ, въ этой же самой пещерѣ Энній предполагалъ и сцену встрѣчи Марса съ албанской весталкой ¹⁷⁾. Въ такомъ случаѣ „пещера Марса“ была бы только частью „рощи Марса“. Кромѣ Діонисія и Діона, о роцѣ Марса говоритъ еще Юстинъ, по называетъ ее мѣстомъ рожденія близнецовъ ¹⁸⁾. У всѣхъ прочихъ писателей роща и пещера Марса исчезаютъ, будучи попомногу вытѣсняемы пещерой Луперка и руминальской смоковницей. Удаленіе изъ легенды о близнецахъ рощи и пещеры Марса обуславливалось тѣмъ, что такихъ топографическихъ мѣстъ не находилось ни въ Римѣ, ни въ мѣстности Албалонги. Эти мѣста обязаны своимъ существованіемъ исключительно только свободной фантазіи автора легенды.

3. *Палатій*. Подобно луперкалю, въ основномъ текстѣ легенды отсутствовалъ и Палатій. Приуроченіе къ палатинской горѣ мѣстожителства Фаустула и воспитывавшихся у него близнецовъ находится въ тѣсной зависимости отъ отождествленія съ луперкалемъ той пещеры, въ которой скрылась кормившая малютокъ волчица при приближеніи пастуховъ. Разъ сцена кормленія близнецовъ волчицею происходила передъ луперкалемъ, т.-е. у подножія палатинскаго холма, изъ этого само собою вытекало, что пастбища пастуховъ, замѣтившихъ эту сцену, находились гдѣ-нибудь по сосѣдству съ луперкалемъ; въ ближайшемъ же сосѣдствѣ и оказывалась гора, возвышавшаяся надъ луперкалемъ. Отождествленію мѣстожителства Фаустула и его пастуховъ именно съ Палатіемъ (а не, напримѣръ, съ Субурой) долженъ былъ содѣйствовать явно пастушескій характеръ праздника луперкалій, касавшагося специально палатинской горы и поддерживавшаго такимъ образомъ преданіе о томъ, что первоначальное населеніе

¹⁵⁾ См. гл. V прим. 14.

¹⁶⁾ Serv. ad Aen. 8, 680 (= H. Peter Hist. Rom. rell. стр. 109 fr. 4): Fabius „speluncam Martis“ dicit.

¹⁷⁾ Serv. ad Aen. 1, 273: Haec cum peteret aquas ad sacra, repentino occurru lupi turbata refugit in speluncam, in qua a Marte compressa est.

¹⁸⁾ Iustin. 43, 2: Martios pueros fulsse, sive quod in luco Martis enixi sunt, sive quod a lupa, quae in tutela Martis est, nutriti.

этой горы состояло изъ пастуховъ ¹⁹⁾. Такое представленіе подкрѣплялось также и этимологическимъ родствомъ слова Palatium съ именемъ пастушеской богини Palos ²⁰⁾. Пастушескій бытъ первоначальнаго населенія Палатія въ свою очередь служилъ доказательствомъ въ пользу правильности отождествленія лупоркала съ пещорой легенды, вслѣдствіе чего руминальскія смоковница и оказалась отодвинутой на второй планъ.

Такъ какъ, согласно легендъ о близнецахъ, пастбища Нумитора находились по сосѣдству съ пастбищами Амулія, то въ виду пахожденія послѣднихъ на палатинской горѣ мѣсто первыхъ стало предполагаться на сосѣдномъ *Авентинѣ* ²¹⁾. Мало того, рядомъ съ главнымъ пастухомъ Амулія, Фаустуломъ, придуманъ былъ и главный пастухъ Нумитора, Фаустинъ, родной сратъ Фаустула ²²⁾. Однако, въ отличіе отъ Палатія, приобщеніе Авентина къ легендѣ о близнецахъ произошло значительно позже ²³⁾.

4. *Тибръ*. Въ основномъ текстѣ легенды о близнецахъ упоминаются всего только два географическія названія: Тибръ и Албалонга. Въмѣсто этихъ собственныхъ именъ употребляются также просто нарицательныя: „рѣка“ и „городъ“. Территоріальное соотношеніе этихъ двухъ географическихъ терминовъ автору легенды не было достаточно ясно. Рѣка Тибръ представлялась ему находящейся гдѣ-то по сосѣдству съ городомъ Албалонгой. Слуги, получившіе приказаніе бросить дѣтей въ воду, отправляются съ этой цѣлью не къ большому албанскому озеру или къ какому-нибудь изъ другихъ озеръ, находившихся по сосѣдству съ албанской горой, а также не къ рѣкѣ Апіону или одному изъ ея притоковъ, а несутъ корыто съ дѣтьми къ отдаленнымъ берегамъ Тибра, отстоявшаго, по опредѣленію Фабія, на разстояніе 120 стадіевъ. Очевидно, что авторъ легенды не зналъ ни этого разстоянія, ни прочихъ условій мѣстности. Ливій, чувствуя неловкость, заключающуюся въ томъ, что слуги путешествуютъ къ далекому Тибру, минуя пригодныя для ихъ цѣли озера, пытается устранить эту неловкость легенды поясненіемъ, что требовалось *теку-*

¹⁹⁾ См. Фил. Обзор. III, 1 „Луперкъ, луперки, луперкалин“, стр. 59; *Jordan's Röm. Topographie* I, 1, 189.

²⁰⁾ Швергеръ I, 444; ср. 457 прим. 17.

²¹⁾ Dion. 1, 79; 84.

²²⁾ Dion. 1, 84.

²³⁾ См. гл. XIV.

щая вода ²⁴⁾. Но этимъ не устраняется недоумѣніе, почему же слуги въ такомъ случаѣ не направились къ болѣе близкому Аніену. Авторъ легенды заставилъ слугъ идти къ Тибру, потому что не зналъ ни Аніена, ни озеро.

5. *Албалонга*. О томъ, что авторъ легенды о близнецахъ обогатилъ топографію Албалонги „рощей Марса“, была рѣчь уже выше. Результатомъ свободного творчества является и общее представление этого автора объ Албалонгѣ. Въ легендѣ о близнецахъ, Албалонга является городомъ, совершенно похожимъ на греческій городъ съ особымъ кремлемъ, отличнымъ отъ остальныхъ частей города. Между тѣмъ, въ дѣйствительности Албалонга представляла собою вся одинъ лишь кремль ²⁵⁾, и притомъ не въ смыслѣ греческаго городского акрополя, а въ смыслѣ городища, не имѣвшаго значенія селенія, а служившаго только для убѣжища въ опасное время ²⁶⁾. Албалонское городище, находившееся подъ защитой албанскаго святилища Юпитера, составляло собственность тѣхъ XXX *populi*, которые навсегда остались номинальными хозяевами албанскаго праздника Юпитера, хотя и подъ верховнымъ главенствомъ Рима ²⁷⁾. Наиболее правдоподобное мѣсто древней Албалонги ²⁸⁾, оказывалось пригоднымъ для означенной цѣли, въ то же время слишкомъ ограничено для того, чтобы предполагать здѣсь существованіе большого города, на подобіе Рима. Мало того, во всей области между албанской горой и албанскимъ озеромъ не найдено никакихъ археологическихъ слѣдовъ, которые могли бы указывать на то, что здѣсь нѣкогда существовалъ большой городъ съ храмами и другими городскими постройками. Также и въ древности не существовало никакихъ остатковъ города ²⁹⁾.

²⁴⁾ Liv. 1, 4, 3: *pueros in profluentem aquam mitti iubet.*

²⁵⁾ Liv. 7, 24: *arx Albana.*

²⁶⁾ Это одно изъ тѣхъ городищъ, о которыхъ говоритъ Моммзенъ (*Röm. Gesch.* 1°, 36 сл.): *haben wir uns Latium aus einer Reihe von Gauen bestehend zu denken, welche von Haus aus wieder in eine Anzahl örtlich und geschlechtlich vereiniger Genossenschaften zerfielen. Jeder Gau hatte einen festen örtlichen Mittelpunkt, der aber regelmässig nur als Zufluchtstätte, nicht als eigentliche Stadt galt.*

²⁷⁾ Такое же значеніе городища-убѣжища имѣла первоначально, какъ кажется, и палатинская крѣпость, служившая для защиты жителей „септимоніа“ (см. Фил. Об. II, 1: „Къ начальной исторіи Рима“). Предположеніе Моммзена (*Röm. Gesch.* 1°, 49 сл.) о томъ, что жители, которымъ принадлежала палатинская крѣпость, ютились ввиду вокругъ этой горы, невозможно по топографическимъ условіямъ мѣстности, представлявшей нѣкогда сплошное болото.

²⁸⁾ См. „Очеркъ римскихъ государственныхъ древностей“ стр. 569 сл.

²⁹⁾ Dion. 1, 66: *οὐδὲ μὲν ἔρημος ἔστιν.*

Представленіе объ Албалонгѣ, какъ большомъ городѣ, не коренится въ римскихъ народныхъ сказаніяхъ, а сложилось въ связи съ легендой объ Энеѣ ³⁰⁾, подъ вліяніемъ которой находился и авторъ легенды о близнецахъ, какъ видно изъ упоминанія о „тройскомъ“ золотѣ, доставшемся въ надѣль Амулію ³¹⁾. Благодаря греческой легендѣ объ Энеѣ возникло мнѣніе, что Лавиній былъ древнѣйшій городъ Лациі ³²⁾, основанный Энеемъ, пріѣхавшимъ сюда моремъ, и что Албалонга была колоніей Лавинія, а далѣе Римъ—колоніей Албалонги. Согласно съ этимъ и въ легендѣ о близнецахъ Албалонга, оказывался родиной основателю Рима, является такимъ образомъ въ видѣ метрополиі основаннаго Ромуломъ города. Напротивъ, въ собственно римскихъ сказаніяхъ о завоеваніи Албалонги послѣдняя изображается исключительно только въ видѣ завоеваннаго римлянами города. Албанская область входитъ въ составъ римскаго агега на томъ же основаніи, какъ и прочіе города древнѣйшаго агега Romanus, а управленіе албанскимъ святилищемъ принадлежитъ римлянамъ совершенно такъ, какъ, напр., управленіе цениискими sacra ³³⁾. Да и самое понятіе о метрополиі, предполагающее уже существованіе городского строя по типу греческой πόλις ³⁴⁾, первоначально было совершенно чуждо римлянамъ. Даже еще въ первые вѣка республики римскія колоніи устраивались не въ видѣ самостоятельныхъ городскихъ общинъ, на подобіе позднѣйшихъ муниципіевъ, а только въ видѣ лишенныхъ всякой автономіи выселковъ, имѣвшихъ значеніе, такъ сказать, череполосныхъ кварталовъ того же Рима.

Также и въ дальнѣйшей біографіи самого Ромула Албалонга не имѣетъ никакого значенія, если не считать двухъ—трехъ произвольныхъ замѣтокъ Діонисія ³⁵⁾. Хорошо замѣчаетъ г. Эрманъ ³⁶⁾, что нигдѣ нѣтъ ни слова о дружескихъ и союзническихъ отношеніяхъ между обоими городами. Между Римомъ и Албалонгой не существуетъ даже и соприкосновенія; иначе Ромулу и его римлянамъ не за чѣмъ было бы похищать сабинскихъ дѣвицъ. Послѣ смерти Амулія, Ромулъ и Ремъ, рядомъ съ своимъ престарѣлымъ дѣдомъ Нумиторомъ, являются един-

³⁰⁾ Швоблеръ I, 1, 279; Пансъ I, 1, 171—186.

³¹⁾ Plut. Rom. 3, 3: τὸν ἐκ Τροίας κομισθέντα χρυσόν.

³²⁾ Varro l. l. 5, 144: oppidum quod primum conditum in Latio stirpis Romanae.

³³⁾ Марквардтъ Sacralwesen, 2-е изд., стр. 480.

³⁴⁾ Ср. „Очеркъ римскихъ государственныхъ древностей“ § 227.

³⁵⁾ Напр. Dion. 1, 86; 2, 3.

³⁶⁾ Эрманъ, Легенда о римскихъ царяхъ, стр. 55.

ствонными представителями рода Сильвіевъ. Между тѣмъ нигдѣ не видно, чтобы Ромуль заявлялъ свои права въ Албалонгѣ въ качествѣ наследника Нумитора. Только уже Плутархъ ³⁷⁾ исправляетъ эту несообразность легенды, вставивъ замѣчаніе о томъ, что Ромуль отказался отъ своего наследства. Изъ всего этого видно, что легенда о близнецахъ въ біографіи Ромула составляетъ вставное звено, плохо пригнанное къ остальнымъ частямъ легенды о Ромулѣ.

Представленіе о родствѣ Ромула и Рема съ албанскими царями еще въ вѣкъ Фабія было столь ново для римлянъ, что Энній, придерживаясь той же легенды объ Энеѣ и о троянскомъ происхожденіи римлянъ, даетъ для Ромула генеалогію, совершенно отличную отъ легенды Фабія-Діокла, удержавъ, однако, имя албанскаго царя Амулія ³⁸⁾. Кромѣ того, Амулій и Нумиторъ, не имѣющіе во всей области римскихъ сказаній никакой другой точки опоры, кромѣ легенды о близнецахъ, еще долгое время послѣ Фабія являлись единственными представителями албанской династіи. Списокъ албанскихъ царей, предшествовавшихъ Нумитору и Амулію, составленъ только въ послѣднемъ столѣтіи до Р. Х. ³⁹⁾, ради восполненія хронологическаго промежутка между троянской войной и основаніемъ города Рима. Списокъ же царей, царствовавшихъ въ Албалонгѣ послѣ Нумитора вплоть до Меттія Фуфенція, остался навсегда невосполненнымъ. Такимъ образомъ списокъ албанскихъ царей такъ и обрывается на именахъ Амулія и Нумитора. А такъ какъ вплоть до составленія списка потомковъ Энея изъ рода Сильвіевъ у Амулія и Нумитора не было никакихъ предшественниковъ, то оба эти имени и составляютъ то зерно, изъ котораго выросла династія Сильвіевъ, причемъ авторъ легенды, придумывая этихъ двухъ албанскихъ царей ⁴⁰⁾, самъ представлялъ себѣ ихъ по времени не далеко отстоящими отъ эпохи Энея, какъ видно изъ упоминанія о троянскомъ золотѣ ⁴¹⁾.

Однимъ словомъ, во всѣхъ тѣхъ данныхъ, которыя въ легендѣ о близнецахъ касаются Албалонги, нѣтъ ни одного пункта, который коренился бы въ римскихъ преданіяхъ или воззрѣніяхъ.

³⁷⁾ Plut. Rom. c. 27.

³⁸⁾ См. гл. V.

³⁹⁾ Нябургъ Röm. Gesch. I, 226; Моммзенъ Röm. Chronol. I изд. стр. 152 сл.; Hermes 1894 стр. 124: Die Königstafel von Alba Longa..

⁴⁰⁾ См. гл. VII, 1.

⁴¹⁾ Триборъ Rhein. Mus. 1888 стр. 578 прим. 3.

6. *Gabii* и *Caepina*. Къ числу наиболѣе позднихъ вставокъ въ легендѣ о близнецахъ принадлежитъ разсказъ о томъ, что Ромуль и Ремъ обучались въ Габіяхъ греческой грамотѣ, музыкѣ и военному искусству грековъ. Въ первый разъ появляется это въ вариантѣ легенды Фабія, принадлежащемъ неизвѣстному автору ⁴²⁾ и сообщасмому Діонисіемъ въ дополнительной (84-ой) главѣ. Въ подлинномъ текстѣ легенды Фабія-Диокла оба брата растутъ въ той же трудовой обстановкѣ, какъ и (прочіе пастухи Фаустула, на что имѣется вполнѣ точное указаніе не только у Цицерона ⁴³⁾, но и у Ливія (1, 4, 9), Діонисія ⁴⁴⁾, Кассія Діона ⁴⁵⁾ и Юстина ⁴⁶⁾. Мѣстомъ предполагаемаго школьнаго обученія близнецовъ избранъ именно городъ *Gabii*, потому что это было ближайшее къ Риму и притомъ сколько нибудь значительное селеніе древнѣйшихъ временъ ⁴⁷⁾. О первоначальномъ значеніи Габій свидѣтельствовало, главнымъ образомъ, то, что въ авгурской дисциплинѣ *ager Gabinus* составлялъ особую единицу, отличную отъ остальнаго *ager Romanus* ⁴⁸⁾.

Подобнымъ образомъ и *Caepina* ⁴⁹⁾ указывалась, какъ мѣсто жертвоприношенія Ромула, на томъ основаніи, что это было ближайшее къ Риму селеніе, для котораго засвидѣтельствованы древнѣйшія *sacra* съ особыми жрецами, сохранившимися до позднѣйшихъ временъ ⁵⁰⁾.

Подобно Габіямъ, также и *Ценина* появляется въ легендѣ о близнецахъ впервые у Діонисія, при чемъ о *Ценинѣ* упоминаетъ одинъ только этотъ писатель, въ то время какъ на ученіе въ Габіяхъ указываетъ также Плутархъ ⁵¹⁾.

⁴²⁾ См. гл. VI, прим. 3.

⁴³⁾ Cic. r. p. 2, 4: in agresti cultu laboreque.

⁴⁴⁾ Dion. 1, 79: βίος δ' αὐτοῖς ἦν βουκολικός καὶ διατὰ αὐταυρούς.

⁴⁵⁾ Boissevain I, 7: αὐξήθεντες δὲ ἐποίησαν κατὰ τοὺς Ἀμυκλίου ἀγρούς.

⁴⁶⁾ Justin. 43, 2: adultis inter pastores.

⁴⁷⁾ Ср. Propert. V (IV), 1, 34: et, qui nunc nulli, maxima turba Gabi.

⁴⁸⁾ Если же Швейгартъ (I, 399) полагаетъ, что собственнымъ предметомъ обученія Ромула въ Габіяхъ, по первоначальному смыслу легенды, была именно авгурская дисциплина, то это противорѣчитъ не только историко-литературнымъ условіямъ легенды о близнецахъ, но и всему тому, что мы знаемъ о римскихъ авгурахъ.

⁴⁹⁾ Dion. 1, 79.

⁵⁰⁾ Марквардтъ *Sacralwesen*, 2 изд., стр. 480.

⁵¹⁾ Plut. Rom. 6, 2: καὶ τράφηται λέγονται καὶ τὰλλα μαθητέων οἱ παῖδες εἰς Γαβίους κομιθέντες, ὅσα ἤρῃ τοὺς αὐτοῦ γεγονότας. Последнее обстоятельство, равно какъ и предшествующій § 1, показываютъ, что Плутархъ, передаетъ это по 84-ой главѣ Діонисія.

Х. Греческіе литературные мотивы въ легендѣ о близнецахъ.

Наше изслѣдованіе показало, что тѣ черты легенды о близнецахъ, которыя наиболѣе придаютъ ей обликъ специально римскаго сказанія, составляютъ въ ней какъ разъ наиболѣе молодое наслоеніе, исходной точкою котораго послужило отождествленіе пещеры легенды съ римскимъ луперкалемъ. На мѣстѣ чудеснаго спасенія младенцевъ, по основному тексту легенды, была безыменная роца съ пещерой, составляющая обычный атрибутъ всякой пастушеской идилліи; а вмѣсто руминальскаго смоковницы упоминается тамъ простой камень, на который наткнулось корыто съ дѣтьми. Параллельно со внесеніемъ въ легенду римскаго луперкала съ смоковницей, изъ этой же легенды исключена была роца Марса, мѣсто встрѣчи этого божества съ весталкой. Исключены были изъ легенды, далѣе, греческія имена брата весталки (Αἰγιστος) и ея двоюродной сестры (Ανθή), но зато внесены вновь имена матери близнецовъ и ихъ кормилицы. Последняя, вслѣдствіе отождествленія ея съ Аккой Ларенціей, приобрѣла значеніе одной изъ самыхъ крупныхъ фигуръ легенды въ противоположность къ той скромной роли, которая удѣляется ей въ основномъ текстѣ Фабія-Діюкля. Римскій колоритъ этой легенды въ первоначальной ея формѣ, исчерпывается именами обоихъ близнецовъ и названіями Тибра и Албалонги, да еще кое-какими свѣдѣніями о весталкахъ. Однако свѣдѣнія о весталкахъ, равно какъ и объ Албалонгѣ и о разстояніи Тибра отъ этого города оказываются недостаточными и даже неправильными. Получается такое впечатлѣніе, какъ будто авторъ легенды узналъ обо всемъ этомъ изъ вторыхъ рукъ, книжнымъ путемъ. Особенно же характеристична роль Марса, не имѣющая ничего общаго съ воззрѣніями римской понтификальной религіи, но за то всецѣло примыкающая къ системѣ греческой міеологіи. Къ греческому же источнику восходить и приписываемая Албалонгѣ роль митрополиі Рима, равно какъ и то, что албанская царская династія, къ которой приобщаются и основатели Рима, считается происшедшей отъ троянца Энея. Изъ всего вытекаетъ общій выводъ, что въ частностяхъ легенды заключается очень мало римскихъ элементовъ, но зато очень много греческихъ. Въ еще большей степени касается это самаго содержанія легенды: сюжетъ ея построенъ цѣлкомъ на мотивахъ, заимствованныхъ изъ греческой литературы.

Въ сказаніяхъ индо-европейскихъ народовъ охотно усматриваютъ миеологическіе остатки глубокой старины. Однако во многихъ случаяхъ, не только въ повѣстяхъ среднихъ вѣковъ, но даже и въ греческой миеологіи, источникомъ оказывается не самостоятельное творчество, а заимствование со стороны ¹⁾. При содѣйствіи письменности многіе излюбленные мотивы переходили отъ одного народа къ другому на далекіи разстоянія въ пространствѣ и во времени ²⁾. Къ числу мотивовъ этого рода принадлежитъ также повѣсть о дѣтяхъ знатнаго (и даже божественнаго) происхожденія, брошенныхъ злыми родственниками на произволь судьбы, но сохранившихъ жизнь благодаря какому-либо особому обстоятельству (перѣдко даже при содѣйствіи животныхъ), а затѣмъ выросшихъ среди бѣдной обстановки (обыкновенно въ лѣсахъ или у пастуховъ) и, наконецъ, опознанныхъ со стороны своихъ знатныхъ родичей на основаніи какой-либо примѣты или на основаніи показанія лица, бывшаго причастнымъ къ исторіи ихъ младенчества. Легенда о брошенныхъ, а потомъ вновь узнанныхъ дѣтяхъ повторяется не только въ греческихъ областяхъ въ многочисленныхъ вариантахъ, она была извѣстна и на востокъ и на западъ, причемъ а priori правдоподобно, что она перешла къ грекамъ съ востока, и уже отъ грековъ въ Италію и Испанію.

Древнѣйшимъ для насъ образцомъ сюжета, легшаго въ основаніе легенды о римскихъ близнецахъ, является рассказъ Эката и Геродота о Кирѣ ³⁾, пополненный на греческой почвѣ мотивомъ о божественномъ происхожденіи такихъ дѣтей, впервые встрѣчающійся въ Одиссѣй въ рассказѣ о Тиро, матери Пелія и Нилея ⁴⁾.

Геродотъ излагаетъ исторію Кира ⁵⁾ въ слѣдующемъ видѣ: Астіагъ, напуганный толкователями сновъ, рѣшилъ умертвить ребенка, имѣвшаго родиться отъ его дочери Маиданы. Съ этой цѣлью онъ вызвалъ

¹⁾ Напримѣръ въ сказаніяхъ о греческомъ Гераклѣ многое заимствовано съ востока (ср. *Ф. Юсти* *Berl. Phil. Woch.* 1901, 1, стр. 53).

²⁾ Примѣромъ такого странствующаго сюжета можетъ служить „животный эпосъ“, который, коренясь въ Панджатабѣ, съ теченіемъ времени проникъ почти во всѣ литературы: арабскую, греческую, славянскую, нѣмецкую, французскую, турецкую и др. См. *G. Meyer* *Kasas und Studien* стр. 222 сл.; *Х. Лопаревъ*: Сборникъ въ честь Н. В. Помяловскаго стр. 20 сл. Ср. также *Буслаева* *Переходящіе повѣсти и рассказы*.

³⁾ *Her.* 1, 108.

⁴⁾ *Od.* 11, 235—257.

⁵⁾ См. *Bauer* *Die Kyrossage und Verwandtes* (*Sitzungsberichte der Academie Wien*, Bd. C.).

ее къ себѣ изъ Персіи, а когда родился у нея сынъ, то онъ передавъ послѣдняго Арпагу для умерщвленія. Арпагъ же, желая по возможности устранить себя отъ этого дѣла, призвалъ къ себѣ одного изъ пастуховъ Астіага, пастбища котораго находились въ самой дикой мѣстности. Имя этого пастуха было Митрадатъ, а жену его звали по мидійски *Σπαχῶ*, чтò въ переводѣ на греческій языкъ значитъ *Ковѣ*. Пастухъ, принявъ обреченнаго на гибель младенца, возвратился къ себѣ домой (*εἰς τὴν ἑπαυλίαν* = *ad stabula* у Ливія) какъ разъ въ тотъ моментъ, когда жена его родила мертваго ребенка; увидавъ принесеннаго мужемъ младенца, она, тронутая его здоровымъ видомъ и красотой (*παθίον μέγα τε καὶ εὐαίδεος*), упростила Митрадату оставить у нея живого, а вмѣсто послѣдняго бросить мертворожденнаго. Онъ согласился и, переложивъ мертваго ребенка въ корыто (*τὸ ἄγγος*), въ которомъ онъ принесъ царскаго младенца, поставилъ это корыто на уединенномъ мѣстѣ въ лѣсу, а на третій день пригласилъ Арпага убѣдиться въ смерти ребенка. Такимъ образомъ Киръ остался у жены пастуха и былъ вскормленъ и воспитанъ ею вмѣсто ея сына. Но когда онъ сталъ отрокомъ, Астіагъ призналъ въ немъ своего внука и, жестоко отомстивъ Арпагу, послалъ Кира въ Персію къ его родителямъ.

Рассказавъ такимъ образомъ исторію Кира, *Геродотъ* въ дополнительной замѣткѣ *) сообщаетъ, что родители Кира, узнавъ имя его кормилицы *Ковѣ*, желая представить спасеніе своего сына еще въ болѣе чудесномъ видѣ, распустили молву, что его, когда онъ былъ выброшенъ, кормила собака. Эту замѣтку *Геродотъ* заканчиваетъ словами: *ἐνθαῦτεν μὲν ἢ φάτις αὐτῇ κρυφώρηκε*. Изъ этихъ словъ видно, что въ предыдущемъ онъ передавалъ исторію Кира не въ подлинной формѣ, а съ опущеніемъ разсказа о его чудесномъ спасеніи при содѣйствіи собаки. Подлинная форма разсказа, со включеніемъ этой чудесной черты, читается у Юстина ?), составителя сокращеннаго изданія историческаго труда Помпея Трога, по которому разсказъ о Кирѣ сообщается въ слѣдующемъ видѣ: пастухъ, принявъ отъ Арпага младенца для того, чтобы выбросить его, исполнилъ приказаніе, а затѣмъ уже вернулся домой. Жена его, родившая какъ разъ мертваго ребенка, узнавъ, за какимъ дѣломъ Арпагъ призывалъ ея мужа, начала просить послѣдняго принести царскаго младенца. Когда онъ,

*) Her. 1, 122.

?) Justin. 1, 4.

исполняя ея просьбу возвратился къ тому мѣсту въ лѣсу, гдѣ онъ оставилъ Кира, то онъ засталъ около ребенка собаку, кормившую его своимъ молокомъ и защищавшую его отъ дикихъ звѣрей и птицъ. Пастухъ взялъ ребенка, а собака послѣдовала за нимъ. Затѣмъ пастухъ отнесъ своего мертвого ребенка въ лѣсъ, а Киръ остался у пастуха, жена котораго получила названіе *Spaso*, quia canem Persae sic vocant. Этотъ вариантъ разсказа о Кирѣ принадлежитъ *Экатею*, который, какъ видно изъ мидійскаго (т.-е. персидскаго) слова *Утахъ*, заимствовавъ этотъ разсказъ не посредственно на востокъ⁹⁾. Геродотъ же пользовался въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, сочиненіемъ *Экатая*, причѣмъ изъ разсказа о Кирѣ удалилъ означенную чудесную черту, сообщивъ ее особо (въ § 122) въ явно полемическомъ тонѣ, направленнымъ противъ *Экатая*¹⁰⁾.

Если сравнить разсказъ Геродота о Кирѣ, восполненный по *Экатею* (у Юстини), съ легендой о римскихъ близнецахъ, то нельзя не убѣдиться въ такомъ близкомъ сходствѣ обѣихъ легендъ, которое въ наиболѣе характеристичныхъ чертахъ доходитъ даже до полного тождества¹¹⁾. Въ обѣихъ легендахъ имѣется тотъ же царскій пастухъ и его жена, только что родившая мертвого ребенка, мѣсто котораго тайкомъ замѣняютъ царскіе младенцы. И тамъ, и здѣсь имѣется животное (собака—волкъ), кормившее брошенныхъ дѣтей своимъ молокомъ. И тамъ, и здѣсь дѣти, обреченныя на гибель, высятся въ корытѣ. Пункты различія въ общемъ не существенны. Въ легендѣ о Кирѣ одинъ и тотъ же пастухъ получаетъ приказаніе бросить ребенка и спасаетъ его; а въ легендѣ о римскихъ близнецахъ эти двѣ роли распределены между разными лицами¹²⁾. Кира бросаютъ въ лѣсу, Ромула и Рома въ воду. Кира кормитъ домашнее животное, римскихъ же младенцевъ — дикій звѣрь. Въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ чудесный характеръ спасенія римскихъ близнецовъ значительно усиленъ, но не измѣненъ. Напротивъ, существенно иною оказывается

⁹⁾ Съ востока также идетъ мотивъ о пусканіи такихъ дѣтей на воду въ ящикѣ (=корытѣ въ римской легендѣ); ср. *Usener Sintflutsagen* стр. 80 сл.; *Keilinschriftliche Bibliothek* III, 1, стр. 100 сл. (о *Capronis*).

¹⁰⁾ Ср. *I. В. Прамекъ* *Herodot a Hekataios* (*České Museum filologické* 1899 стр. 245 сл.); *H. Diels* *Herodot und Hekataios* (*Hermes* XXII, 411 сл.).

¹¹⁾ Ср. *Bauer* *Kyrossage* стр. 547. Здѣсь *Bauer* называетъ римскую легенду „Abklatsch der Kyrossage, die theilweise fast wörtlich an Herodot erinnert“.

¹²⁾ Въ версіи *Кассія Діона* восстановлено единство лица съ устраненіемъ чудеснаго спасенія, согласно разсказу Геродота; см. гл. IV.

обстановка узнанія римскихъ близнецовъ, зависящая въ свою очередь отъ измѣненныхъ условій семейной исторіи. Болѣе же всего легенда о римскихъ близнецахъ отличается отъ разсказа о Кирѣ во всемъ томъ, что касается ихъ матери и ея судьбы ¹²⁾.

Однако и фигура римской весталки, матери *Ромула и Рома*, цѣликомъ заимствована изъ греческой литературы. Источникомъ въ этомъ случаѣ, хотя и не непосредственнымъ, является *разсказъ о Тиро* въ *Одиссее* ¹³⁾. Тиро (Τυρῶ), дочь Сальмоня, влюбившись въ бога рѣки Энипея, *встрѣтилась на берегу этой рѣки съ Посидономъ*, которому она и отдалась, принявъ его за Энипея. Прощаясь съ Тиро, Посидонъ объявилъ ей свое настоящее имя и *предсказалъ, что она должна родить близнецовъ*. То были Пелій (Παλίης) и Нилей (Νηλεὺς), изъ которыхъ второй потомъ основалъ городъ Пѣλος. Эта легенда о Тиро послужила образцомъ для многочисленныхъ вариаций на эту же тему, но въ приуроченіи къ другимъ именамъ и обыкновенно въ связи съ мотивомъ о покинутыхъ, а потомъ вновь узанныхъ дѣтяхъ, нерѣдко также и съ мотивомъ о чудесномъ спасеніи такихъ дѣтей.

Въ этомъ наравленіи была обработана и самая тема о Тиро въ двухъ трагедіяхъ *Софокла* (Τυρῶ α' и Τυρῶ β'). Триберъ ¹⁴⁾, проводя параллель между сюжетомъ этихъ трагедій, насколько это возможно по сохранившимся фрагментамъ, и между легендой о римскихъ близнецахъ, обращаетъ вниманіе особенно на слѣдующія точки соприкосновенія.

Посидонъ, послѣ встрѣчи съ Тиро на берегу рѣки, предвѣщаетъ ей рожденіе близнецовъ; такимъ же образомъ поступаетъ и Марсъ съ весталкой ¹⁵⁾.

Тиро, опасаясь своей мачихи, бросаетъ дѣтей въ рѣку. Но вода выноситъ дѣтей на берегъ невредимыми, и, вдобавокъ, одного изъ нихъ кормила собака, а друую — кобылица. Пастухи, нашедшіе дѣтей въ такихъ условіяхъ, принимаютъ ихъ на воспитаніе. Тиро же отецъ ея Сальмоней заключаетъ въ темницу, въ которой она, терзаемая мачихой, осталась до тѣхъ поръ, пока не была освобождена своими сыновьями. Сходство съ легендой о римскихъ близнецахъ и ихъ ма-

¹²⁾ Сходство и несходство обѣихъ легендъ обозрѣваетъ и Бауръ, I. с. стр. 548—549.

¹³⁾ Od. 11, 235—257.

¹⁴⁾ *Trieber Die Romulussage* (Rhein. Mus. 1888, стр. 570 сл.).

¹⁵⁾ Od. 11, 248: περικλομένη δ' ἑναυτοῦ τέθεια ἀγλαὰ τέκνα = Dion, 1, 77: τέθεια δ' αὐτῆν δύο παῖδας ἀνθρώπων μακρῶ χρητίστους ἀρετῆν καὶ τὰ πόλιμα.

тори до того близкое, что въ кизикскомъ храмѣ на двухъ изъ 19 картинъ изображены были сцены освобожденія сыновьями изъ темницы съ одной стороны Тиро ¹⁶⁾, а съ другой—римской весталки ¹⁷⁾.

У Софокла, наконецъ, *корыто* играло такую же важную роль (по указанію Аристотеля, см. ниже), какъ и въ легендѣ о римскихъ близнецахъ.

Такимъ образомъ въ сюжетѣ Софокловыхъ трагедій о Тиро, совмѣстно съ рассказомъ Эката и Геродота о Кирѣ, мы имѣемъ всѣ существенныя и даже несущественныя элементы легенды о римскихъ близнецахъ. Такое поразительное сходство не можетъ быть признано дѣломъ случая. Римская легенда составляетъ явный сколокъ съ греческой. Это тѣмъ болѣе правдоподобно, что подобныхъ *сюжетовъ*, болѣе или меньше близкихъ къ сюжету о Тиро, въ греческой драматической поэзіи было значительное количество ¹⁸⁾. Сюжеты этого рода встрѣчаются и до Софокла и послѣ него. Таковы, напримѣръ, слѣдующіе мифы.

Еще *Эсхилъ* воспользовался для одной изъ своихъ сатирическихъ драмъ мифомъ объ *Аммонѣ* ¹⁹⁾, которая, будучи послана своимъ отцомъ Данаемъ за водой, встрѣтилась съ *Посидономъ*, отъ каковой встрѣчи родился Навплий, основатель города Навплии.

Эсхилъ, *Софоклъ* и *Еврипидъ* написали нѣсколько трагедій объ *Авгѣ* ²⁰⁾, первый—„Мисійцы“ и „Тилефъ“, второй—„Алеяды“ и „Мисійцы“, третій—„Авга“ и „Тилефъ“. Отецъ Авги, тебейскій царь Алей, устрешенный предсказаніемъ оракула (ср. Астіага) о томъ, что потомокъ его дочери лишитъ его жизни, *одѣлалъ ее жрицей Авини, призвавъ ей смертью въ случай нарушенія цѣломудрія. Но она одѣлалась беременной отъ Геракла*, прибывшаго во время своихъ странствованій въ тотъ храмъ, при которомъ она состояла жрицей. Когда это обнаружилось, отецъ передалъ ее моряку Навплию *съ приказаніемъ утопить ее въ морь* (ср. версію Эниа). Но когда по дорогѣ Авга родила Тилефа, то, по одному варианту, Навплий препроводилъ мать

¹⁶⁾ Anthol. Pal. c. 3. 9: Πελίας και Νηλεὺς, οἱ Ποσειδῶνος παῖδες, ἐκ δεσμῶν τὴν μητέρα ρύομενοι, τὴν πρῶτην ὁ πατὴρ μὲν Σαλμωνεύς διὰ τὴν ψυχρὰν εἶδεν.

¹⁷⁾ Ibidem, 19: Ῥῆμος και Ῥομῦλος ἐκ τῆς Ἀμολίου κολλάσεως ρύομενοι τὴν μητέρα Χαφλίαν (см. гл. VII) ὀνόματι... ἀνδρωθέντες οὖν τὴν μητέρα τῶν δεσμῶν ἔλευσαν.

¹⁸⁾ См. Пауса Storia di Roma I, 1, стр. 208; Трибери I, с. стр. 570 прим. 1; Россбахъ Verschollene Sagen (N. Jahrb. f. d. Klass. Alt. 1901), стр. 393.

¹⁹⁾ Рошери Myth. Lex. s. v. Amymone, стр. 327.

²⁰⁾ Рошери s. v. Auge стр. 729.

съ младенцемъ въ Мисію къ царю Теворанту, по другому же варианту, отправлена была туда только мать, въ то время какъ *Тилефъ* былъ брошенъ на произволъ судьбы; но его спасла лань, кормившая его своимъ молокомъ. Въ Мисію онъ отправился уже юношей и тамъ былъ узнанъ своей матерью ²¹⁾.

Двѣ драмы *Еврипида* (*Μελανίππη ἡ σοφὴ* и *Μελανίππη ἡ δεσποτὶς*) имѣли предметомъ мнѣ объ *Ариѣ-Меланитѣ* ²²⁾. *Родивши отъ Посидона близнецовъ*, Эола и Віота, она была ослѣплена отцомъ и заключена въ темницу. Дети были выброшены, но остались въ живыхъ, благодаря коровѣ, кормившей ихъ. *Пастухи*, увидя это, взяли ихъ къ себѣ на воспитаніе. Выросши среди пастуховъ, близнецы убили дѣда и освободили свою мать, которой Посидонъ снова вернулъ зрѣніе ²³⁾.

Мнѣ объ *Антионѣ* ²⁴⁾ послужилъ сюжетомъ для одной изъ трагедій *Еврипида*. Забеременѣвъ отъ *Зевса*, Антиона ушла отъ отцовскаго гнѣва въ горы Кисерона и тамъ родила близнецовъ, *Зноа* и *Амфіона*, позднѣйшихъ строителей стѣнъ города *Фивы* ²⁵⁾. Брошенные здѣсь на произволъ судьбы, они были найдены пастухами и воспитаны. По достиженіи зрѣлаго возраста, они освободили свою мать, томившуюся въ темницѣ.

Еврипидъ написалъ также трагедію объ *Алопѣ* ²⁶⁾, дочери элевсинскаго царя *Керкіона*. Отъ *Посидона* она имѣла сына, котораго ей было приказано бросить на произволъ судьбы. Брошеннаго кормила кобылица. *Пастухъ*, нашедшій ребенка, передалъ его другому, оставивъ у себя дорогую матерію, въ которую былъ завернутъ младенецъ. Когда изъ-за этой матеріи между обоими пастухами возникла ссора, они отправились для рѣшенія ихъ дѣла къ царю *Керкіону*. Последній узнавъ такимъ образомъ о случившемся, снова велѣлъ бросить ребенка, и снова явилась кобылица и кормила его. *Пастухи*, усматривая въ этомъ божественный промыселъ, опять приняли ребенка къ себѣ и

²¹⁾ Сцена ихъ встрѣчи изображена была на 2-й кизикской картинѣ (Anthol. Pal. с. 3,2 : ὁ β' κίων εὐσε: Τήλεφον ἀνεγχερισμένον τῇ ἐκχοῦ μητρί).

²²⁾ Рошерь я. v. Aiolos стр. 193.

²³⁾ Сцена освобожденія ея близнецами изображена была на 16-й кизикской картинѣ (Anthol. с. 3, 16 : κατὰ δὲ τὰς θύρας τοῦ ναοῦ προσόντων ἐστὶν Αἰολὸς καὶ Βοιωτὸς, Ποσειδῶνος παῖδες, ρυθμινοὶ ἐκ δεσμών τῆν μητέρα Μελανίππην, τῶν περιθιθέντων αὐτῇ διὰ τὴν φθορὰν ὑπὸ τοῦ πατρὸς αὐτῆς).

²⁴⁾ Рошерь я. v. Antiope стр. 381.

²⁵⁾ Ср. Od. 11, 260 сл.

²⁶⁾ Рошерь я. v. Alope стр. 255.

назвали его Иппооонтомъ. Впослѣдствіи онъ унаслѣдовалъ царство Керкіона, убитаго Тесеемъ.

Подобныя мифы, такъ или иначе соприкасавшіеся съ легендой о римскихъ близнецахъ, рассказывались, напримѣръ, объ Отѣ и Эфіалтѣ, сыновьяхъ Посидона и Ифимедіи; объ Эрмагорѣ, сынѣ *Геракла* и фигалійской царевны, брошенномъ и потомъ вновь узанномъ своей матерью; объ Эхефронѣ и Промахѣ, сыновьяхъ *Геракла* и Псофиды, *основавшихъ городъ*, названный ими по имени матери; о Тритѣ, *жрицѣ* богини Аеины и сынѣ Тритіи отъ *Арея*, Меланингѣ, *основателѣ города*, названнаго имъ по имени матери; объ Арпингѣ, дочери Асопа, имѣвшей отъ *Арея* сына Инома; о Перивѣ, дочери оленскаго царя Ипоноя и др. На 10-ой картинѣ византскаго храма изображена была сцена узнаванія Ипсиилой ея сыновей, Евноя и Феоанта, причѣмъ примѣтой служила золотая вѣтка винограда ²⁷⁾. Весьма сложную исторію этого рода сообщаетъ Юстинъ ²⁸⁾ объ испанскомъ царѣ Габидѣ, котораго послѣ рожденія нѣсколько разъ бросали въ лѣсу; и всякій разъ *кормили его различными животными*. Послѣдней его кормилицей была лань, вмѣстѣ съ которой подроставшій мальчикъ рыскалъ по горамъ и лѣсамъ, пока, наконецъ, не былъ пойманъ и приведенъ къ царю, узнавшему въ немъ своего внука.

Одинъ изъ такихъ мифовъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ особенно близокъ къ легендѣ о римскихъ близнецахъ; однако, здѣсь возможно сомнѣніе относительно происхожденія этого мифа ²⁹⁾. Дѣло касается *Филономы* (Φιλονομή), дочери Пиктима и Аркадіи ³⁰⁾. Сопровождая Діану на охотѣ, Филонома встрѣтилась съ *Ареемъ*, принявшимъ видъ пастуха, и родила отъ него *близнецовъ*, которыхъ изъ страха передъ отцомъ бросила на Эрманеѣ. Дѣтей, оставленныхъ въ дуплѣ дуба, нашла *волчица и кормила ихъ*. *Пастухъ Тилифъ* (Τύλιφος), *увидя это, взялъ дѣтей къ себѣ и назвалъ ихъ Ликастомъ* (Λύκαστος) и *Паррасіемъ* (Παρράσιος). Эти близнецы унаслѣдовали потомъ аркадіское царство.

Во всѣхъ этихъ и имъ подобныхъ мифахъ повторяются въ различ-

²⁷⁾ Anthol. Pal. с. 3, 10.

²⁸⁾ Justin. 44, 4. См. Россбахъ I. с. стр. 394.

²⁹⁾ Впрочемъ, сомнѣніе основывается главнымъ образомъ на общей недостоверности Псевдо-плутарха, у котораго сохранился этотъ рассказъ, заимствованный имъ, какъ онъ утверждаетъ, у Зоира Византійскаго. Ср. Палса I, 1, 212 прим. 1.

³⁰⁾ Plut. parall. 36.

ныхъ комбинаціяхъ слѣдующіе три основные мотива, воспроизведенные полностью и въ легендѣ о римскихъ близнецахъ.

1. *Полубожественное происхождение*, т.-е. происхожденіе отъ божественнаго отца и смертной матери или, наоборотъ, отъ богини и смертнаго отца, искони свойственно не только настоящимъ полубогамъ, каковъ, напримѣръ, Гераклъ, но и вообще разнымъ богатырямъ греческой мѣологической древности, каковы, напримѣръ, Ахиллъ и Эней. Такое же происхожденіе приписывалось и родоначальникамъ племенъ, а равно основателямъ городовъ (ср. Россбаха *Verschollene Sagen* стр. 399). Эта черта греческихъ мѣоовъ частью основывается на дѣйствительной вѣрѣ въ сверхъестественное происхожденіе необыкновенныхъ людей героической древности, частью же переходитъ изъ болѣе древнихъ сказаній въ позднѣйшія легенды уже просто въ видѣ готоваго шаблона. Къ послѣдней категоріи принадлежатъ всѣ тѣ мѣоы, которые были сочинены греками и ихъ учениками о началахъ разныхъ италійскихъ городовъ. Въ собственно римской, понтификальной, религіи для такихъ воззрѣній не имѣлось надлежащей почвы. Поэтому всѣ мѣоы этого рода, встрѣчающіеся на латинской и даже вообще италійской почвѣ, восходятъ, по крайней мѣрѣ посредственно ²¹⁾, къ греческимъ источникамъ.

Въ греческихъ мѣоахъ о полубожественныхъ герояхъ весьма часто встрѣчаются *близнецы*, какъ и въ римской легендѣ. Таковы, напримѣръ, кромѣ сыновей Тиро, также Отъ и Эфіалтъ, сыновья Ифимедія отъ Посидона; Эхефронъ и Промакъ, сыновья Псофиды и Геракла; Эоль и Віотъ, сыновья Мслаппы и Посидона; Зіосъ и Амфіонъ, сыновья Антіоны и Зевса и др.

2. *Чудесное спасеніе дѣтей при содѣйствіи животныхъ* въ греческой мѣологіи встрѣчается очень часто ²²⁾ съ древнѣйшихъ временъ ²³⁾. Еще Зевсъ на Критѣ вскормленъ былъ козой Амалѣей. Кормленіе животными свойственно особенно мѣоамъ о родоначальникахъ племенъ и городовъ. Существуетъ даже мнѣніе, что эта черта является только позднѣйшимъ видоизмѣненіемъ болѣе древняго воззрѣнія, по которому

²¹⁾ Мнѣ о пренестянскомъ Цокулѣ (*Schwegler* I, 481), составляя почти тождественную копию съ легенды о римскихъ близнецахъ, свидѣтельствуетъ о томъ, какъ и въ этой области разные италійскіе города старались подражать примѣру Рима.

²²⁾ У Эзіана (*Variae hist.* 12, 42) въ видѣ примѣровъ перечисляются: Киръ, Тилефъ, Гиппооонтъ, Нарисъ, Эгиссъ, Пелій. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ (13, 1) упоминаетъ еще объ Аталантѣ.

²³⁾ См. Бауера *Kyrossage* стр. 547 прим.; Уаенеръ *Sintfluthsagen* стр. 170.

первоначально самыя эти животныя считались родоначальниками даннаго племени или рода. Однако, по крайней мѣрѣ по отношенію къ италикамъ, такое мнѣніе не имѣетъ достаточнаго основанія. Правда, въ легендахъ о происхожденіи пиценовъ, герниновъ и самнитянъ общины *Bovianum* появляются животныя (*pisus, hircus, bos*), но только въ качествѣ помощниковъ, посланныхъ богами переселяющемуся племени ²⁴⁾.

Къ тому же италійскія легенды этого рода не очень древни ²⁵⁾ и даже не всегда оригинальны ²⁶⁾. Напротивъ, у грековъ нѣкоторые герои мифической древности дѣйствительно принимаютъ видъ какого-либо животнаго (напр. волка), но только уже послѣ смерти и безъ малѣйшаго отношенія къ происхожденію ихъ рода ²⁷⁾.

Участіе животныхъ въ спасеніи брошенныхъ на произволъ судьбы дѣтей не нуждается ни въ какихъ мифологическихъ объясненіяхъ, а обуславливается просто той обстановкой, въ которой оказывались такіе выброшенные дѣти: ихъ уносили подалеже отъ человѣческаго жилья, въ горы и лѣса, въ которыхъ водились дикіе звѣри ²⁸⁾, и, если дѣти все-таки не погибаютъ, то, стало быть, дикіе звѣри оказываются причастными къ ихъ спасенію уже тѣмъ, что оставляютъ ихъ невредимыми, не трогая ихъ. Такая отрицательная заслуга легко могла представляться народной фантазіи въ формѣ активнаго участія звѣрей въ спасеніи брошенныхъ въ лѣсу или въ горахъ дѣтей.

У римлянъ временъ республики обычай бросать дѣтей на произволъ судьбы, былъ мало распространенъ. Суровая *patria potestas* представляла отцу семейства право казнить дѣтей и продавать ихъ въ рабство, но выкидываніе допускалось только въ исключительныхъ случаяхъ, да и то не тайкомъ ²⁹⁾. Дѣйствительно, въ римскихъ ска-

²⁴⁾ *Ihering* (*Vorgeschichte der Indoeuropäer*) высказываетъ остроумное мнѣніе, что подобныя легенды являются отголоскомъ воспоминаній о тѣхъ временахъ, когда переселенцы, отыскивая новыя земли, руководствовались въ пути по неизвѣстнымъ мѣстамъ звѣринными тропами и ходами, какъ единственными указателями удобности лѣсныхъ и болотистыхъ пространствъ.

²⁵⁾ Рааселеніе самнитскихъ племенъ въ южной Италіи происходило уже въ историческія времена.

²⁶⁾ По крайней мѣрѣ, бошіанская легенда скопирована съ греческаго мифа объ основаніи Омбъ.

²⁷⁾ См. Ромера *s. v. Heros* стр. 2472.

²⁸⁾ Ср. напр. Нег. I, 110: *οὐρα θηριώδιστατα*.—ib. 111: *θεῖνα, ἐνθα θηριώδιστατον εἶν τῶν οὐρίων*.

²⁹⁾ „Очеркъ римскихъ государственныхъ древностей“ стр. 402.

заніяхъ и историческихъ извѣстіяхъ случаи казни сыновей и продажи въ рабство повторяются неоднократно; но рассказовъ о брошенныхъ дѣтяхъ совсѣмъ нѣтъ. Все, что приводится изъ древнихъ авторовъ объ этомъ обычаѣ ⁴⁰⁾, касается съ одной стороны позднѣйшихъ временъ, а съ другой—не столько собственныхъ римлянъ, сколько населенія римской имперіи вообще, въ томъ числѣ особенно греческихъ провинцій, гдѣ этотъ обычай имѣлъ благопріятную почву въ условіяхъ семейнаго быта, далеко менѣе строгихъ, чѣмъ у римлянъ ⁴¹⁾. Поэтому и въ греческихъ мифахъ, въ отличіе отъ римскихъ сказаній, мотивъ о выбрасываніи дѣтей повторяется столь часто. Согласно съ этимъ также и узнаваніе такихъ дѣтей по достиженіи ими зрѣлаго возраста въ греческихъ мифахъ появляется въ самыхъ разнообразныхъ варіаціяхъ.

3. *Узнаваніе потерянныхъ въ нѣжномъ возрастѣ дѣтей* занимало чрезвычайно видное мѣсто особенно въ драмѣ грековъ ⁴²⁾. Значеніе этого мотива съ теченіемъ времени не только не ослабѣвало, но, наоборотъ, все возростало, такъ что вся ново-аттическая комедія почти держится только на немъ. Существовалъ для этого даже особый терминъ: ἀναγνώρισις или ἀναγνώρισμός. Въ вѣкъ Аристотеля, т.-е. въ то время, къ которому приходится приурочивать приблизительно и возникновеніе легенды о римскихъ близнецахъ ⁴³⁾, мотивъ объ узнаваніи потерянныхъ дѣтей составлялъ такой ходячій приѣмъ драматической поэзіи грековъ, что Аристотель въ своей „Поэтикѣ“ призналъ нужнымъ удѣлить ему много мѣста и вниманія. Замѣтивъ, что драматическіе сюжеты (μῦθοι) бываютъ простые и сложные ⁴⁴⁾, Аристотель опредѣляетъ сложность мотивовъ присутствіемъ въ нихъ двухъ признаковъ, обоихъ вмѣстѣ или каждаго порознь, изъ которыхъ одинъ называется перипетεία, а другой—ἀναγνώρισις. Ближайшему разъясненію этихъ двухъ признаковъ посвящена гл. XI. Перипетεία имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, если дѣйствіе, развивавшееся въ извѣстномъ направленіи, кончается какъ разъ въ противоположномъ смыслѣ; напримѣръ, если въ драмѣ Λοῦκῆος ⁴⁵⁾ тотъ, который былъ обреченъ на смерть, въ концѣ концовъ торжествуетъ, въ то время какъ тотъ, который

⁴⁰⁾ Марквардтъ Privatleben I, стр. 81.

⁴¹⁾ Dion. 2. 26.

⁴²⁾ См. напр. К. О. Müller Griech. Litt. II, 178.

⁴³⁾ См. гл. XII.

⁴⁴⁾ Aristot. Poet. с. 10 (о терминѣ περὶ τῆς μύθοι ср. с. 18).

⁴⁵⁾ Это—трагедія Эвдекта.

долженъ былъ лишити его жизни, самъ погибаетъ. Что же касается анагноризма, то это въ сущности только частный случай общаго понятія перипетіи, такъ какъ ἀναγνώρισις основывается на незнаніи, которое въ концѣ концовъ превращается въ знаніе, вслѣдствіе чего и недружелюбіе одного дѣйствующаго лица къ другому смѣняется подъ конецъ любовью и наоборотъ. Лучше всего такая ἀναγνώρισις, при которой получается также и собственная перипέτεια, примѣромъ чего Аристотель указываетъ Эдипа. Въ XVI главѣ Аристотель разбираетъ способы узнаванія. Самый простой способъ тотъ, который основывается на вещественныхъ примѣтахъ (σημεῖα): изъ нихъ одни бываютъ прирождены (родимыя пятна), другія же—случайны; послѣднія частью находятся на тѣлѣ (рубцы), частью же существуютъ отдѣльно отъ лица (напр. ожерелье); къ послѣднему разряду, по замѣчанію Аристотеля, принадлежитъ корыто въ Тиро (Софокла)⁴⁶). Другой способъ узнаванія осуществляется при помощи словъ, влагаемыхъ поэтотъ въ уста дѣйствующихъ лицъ, на примѣръ въ Ифигеніи. Третій способъ основывается на воспоминаніи, вызываемомъ въ дѣйствующемъ лицѣ какимъ-либо предметомъ или дѣйствіемъ, на примѣръ игрой киеаредъ. Четвертый способъ вытекаетъ изъ умозаключенія, на примѣръ изъ сходства лицъ. Но лучше всего, по опредѣленію Аристотеля, пятый способъ, при которомъ нужный результатъ получается изъ самого хода событій, такъ какъ только въ этомъ случаѣ можно вполне обойтись безъ вещественныхъ примѣтъ, въ родѣ ожерелья. Но при этомъ Аристотель свидѣтельствуетъ, что въ большинствѣ драмъ дѣло не обходилось безъ вещественныхъ примѣтъ⁴⁷), каково корыто въ „Тиро“ Софокла, а затѣмъ и въ легендѣ о римскихъ близнецахъ.

Въ противоположность къ разнообразію показанныхъ Аристотелемъ способовъ узнаванія, способъ исчезновенія младенцевъ болѣе или менѣе однообразенъ. Ихъ бросаютъ обыкновенно въ какомъ-нибудь дикомъ мѣстѣ, такъ что спасеніе ихъ является дѣломъ случая. Вмѣсто этого встрѣчается, однако, и подбрасываніе малютокъ въ людныхъ мѣстахъ, съ намѣреніемъ, чтобы ихъ ктонибудь нашель; такъ это, на примѣръ въ Ionѣ Еврипида. Въ комедіи примѣняется также похищеніе дѣтей разбойниками, которые продаютъ ихъ въ рабство.

На этихъ же трехъ мотивахъ построено и все содержаніе легенды

⁴⁶) Aristot. Poet. c. 16: οἷον ἐν τῇ Τυροῖ διὰ τῆς σκάφης.

⁴⁷) Ibid. καὶ ἡ πλείστοι χροῶνται δι' ἀπορίαν, ἢ διὰ τῶν σημείων. — Эти σημεῖα называются иначе γυροφόρατα, а по латыни monumenta (Ger. Run. 4, 6, 15).

о римскихъ близнецахъ. А такъ какъ *первый мотивъ противорѣчитъ основнымъ воззрѣніямъ римской національной религіи, а вторые два не имѣютъ надлежащей почвы въ бытовыхъ условіяхъ римскаго народа*, то изъ этого явствуетъ, что такая легенда не могла сложиться самостоятельно среди собственно римскаго населенія, а должна была проникнуть въ Римъ извнѣ, и въ частности отъ грековъ, у которыхъ подобныя мѣны были очень распространены. Притомъ разныя детали въ легендѣ о римскихъ близнецахъ свидѣтельствуютъ о маломъ знакомствѣ автора этой легенды съ римскимъ бытомъ и топографическими условіями мѣстности между Тибромъ и Албалонгой ⁴⁸⁾. Все это, взятое вмѣстѣ, совершенно исключаетъ возможность приписывать авторство легенды коринному римлянину, хотя бы получившему греческое образованіе. Наконецъ, греческія имена нѣкоторыхъ фигуръ легенды въ связи съ не римскимъ характеромъ другихъ именъ ⁴⁹⁾ прямо указываютъ на греческаго автора. Такимъ образомъ извѣстіе Плутарха о томъ, что первый римскій анналистъ, Фабій Пикторъ, заимствовалъ легенду о близнецахъ изъ греческой литературы ⁵⁰⁾, подтверждается не только частностями этой легенды, но и вообще всѣмъ ея содержаниемъ.

При всемъ томъ, однако, если выше (во 2-й главѣ) мы вѣрно опредѣлили характеръ сочиненія Діокла *καὶ ἡρώων*, а также и время этого писателя, то нѣкимъ образомъ самъ Діоклъ не могъ быть настоящимъ авторомъ легенды о римскихъ близнецахъ. Подобнымъ образомъ, какъ Фабій заимствовалъ эту легенду у Діокла, такъ въ свою очередь послѣдній долженъ былъ почерпнуть ее изъ другого, болѣе древняго писателя, предшествовавшаго времени постановки волчицы на римскомъ комиціи. Притомъ, настоящимъ авторомъ этой легенды могъ быть драматическій писатель ⁵¹⁾.

XI. Драматическій характеръ легенды о близнецахъ.

Драматическій колоритъ разсказа о Ромулѣ и Ремѣ обращалъ на себя вниманіе еще въ древности. Діонисій указываетъ въ частности на исторію младенцевъ, которую критики признавали болѣе соотвѣтствующею условіямъ драмы, чѣмъ похожею на историческое проис-

⁴⁸⁾ См. гл. VIII—IX.

⁴⁹⁾ См. гл. VII.

⁵⁰⁾ См. гл. II.

⁵¹⁾ Ср. гл. I.

шестви^е ¹⁾. А Плутарх^ъ ²⁾, доведя свой рассказ до смерти Амулія, высказывается противъ тѣхъ критиковъ, которые считали этотъ рассказъ подозрительнымъ въ виду его драматическаго характера. Въ видѣ противовѣса Плутархъ указываетъ на то, что этотъ рассказъ читается почти совершенно одинаково какъ у Фабія, такъ и у Діокла. Такимъ образомъ Плутархъ относитъ ко всей легендѣ то, что Діонисій приурочиваетъ только къ одной ея части. И дѣйствительно, если дѣтство Ромула и Рома изображается примѣнительно къ мотиву о выбрасываніи дѣтей, обставленномъ чудесными элементами (божественное происхожденіе и кормленіе волчицею), то исторія юношескаго возраста близнецовъ построена на мотивѣ узнаванія, имѣвшемъ такое крупное значеніе въ греческой драмѣ. При этомъ любопытно, что процессъ узнаванія въ легендѣ о римскихъ близнецахъ совершается не при помощи одной лишь вещественной примѣты (корыта), каковой приѣмъ признанъ у Аристотеля ³⁾ наименѣе удовлетворительнымъ изъ всѣхъ пяти приводимыхъ имъ приѣмовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и главнымъ образомъ, на психологической подкладкѣ, вытекающей изъ хода самихъ событій. Такъ какъ послѣдній приѣмъ Аристотелемъ признанъ выше всѣхъ остальныхъ, то нельзя не усматривать въ этомъ вліянія поэтики стагирскаго философа.

Еще Ранке ⁴⁾ замѣтилъ, что легенда о римскихъ близнецахъ обнаруживаетъ большое сходство съ сюжетомъ трагедіи Еврипида „Іонъ“. Однако, далеко болѣе близокъ сюжетъ Софокловыхъ трагедій о Тиро, какъ показалъ Триберъ ⁵⁾. Но, такъ какъ драмы Софокла извѣстны только по разрозненнымъ свѣдѣніямъ, то не лишно будетъ привести для сравненія содержаніе „Іона“, тѣмъ болѣе что это единственное, уцѣлѣвшее полностью, произведеніе греческихъ трагиковъ,

¹⁾ Dion. 1. 84: ἕτεροι δ' οὐδὲν τῶν μυθωδοτέρων ἀφιοῦντες ἱστορικῇ γραφῇ προσήκειν τὴν δ' ἀπόθεσιν τὴν τῶν βρεφῶν, οὐχ ὡς ἐκαλεύθη, γενομένην ἀπίθανον εἶναι φασί, τῆς λυκαίνης τὸ πῦσόν, ἢ τοὺς μιστοὺς ἐπέσυε τοῖς παῖσι, ὡς δραματικῆς μεστοῦ ἀτοπίας διασφύρουσιν.

²⁾ Plut. Rom. 8, 15: ὣν τὰ πλείστα καὶ Φαβίου λέγοντος καὶ τοῦ Παπαρηθίου Διοκλέους, ὅς δοκεῖ πρῶτος ἐκδοῦναι Ῥώμης κτίσιν, ὑποκτον μὲν ἐνίοις ἐστὶ τὸ δραματικὸν καὶ πλασματικῶδες, οὐ δεῖ δὲ ἀπιστεῖν, τὴν τύχην ὁρῶντας, οἷων ποιημάτων δημιουργός ἐστι, καὶ τὰ Ῥωμαίων πράγματα λογιζομένους, ὡς οὐκ ἂν ἐνταῦθα προβῆναι δυνάμει, μὴ θείαν τινὰ ἀρχὴν λαβόντα, καὶ μηδὲν μέγα μηδὲ παράδοξον ἔχουσαν.

³⁾ Aristot. Poet. c. 16: πρώτη μὲν ἀτεχνωτάτη καὶ ἡ πλείστον γρῶνται δι' ἀπορίαν.

⁴⁾ См. гл. I.

⁵⁾ Триберъ Romuluslegende: Rhein. Mus. 1888.

построенное на выше изложенныхъ мотивахъ ⁶⁾, присущихъ и легендѣ о Ромулѣ и Ремѣ.

Сюжетъ „Іона“ также распадается на двѣ части, изъ которыхъ первая касается дѣтства, а вторая — юношескаго возраста героя пьесы ⁷⁾.

1. Обстоятельства, сопровождавшія рожденію Іона, сообщаетъ Гермесъ въ роли пролога ⁸⁾. *Аполлонъ* лишилъ невинности дочь Эрехея, Креусу. Пока Креуса была беременна, отецъ, по волѣ бога, ничего не подозрѣвалъ. Когда пришло время родить, она разрѣшилась во дворцѣ отъ бремени сыномъ и отнесла малютку въ тотъ самый *храмъ*, гдѣ раздѣлила съ богомъ свою любовь. Она положила дитя въ глубокую корзину и, привязавъ на шею своему ребенку всѣ свои драгоценности, оставила его, какъ бы обрекая на смерть. По просьбѣ Аполлона, Гермесъ взялъ малютку съ корзиной и пеленками и отнесъ въ Дельфы и тамъ положилъ на порогъ храма. Чтобы ребенка было видно, Гермесъ открылъ крышку плетеной корзины. Входя раннимъ утромъ въ храмъ бога, Пилоя случайно взглянула на малютку. Въ душу ея запало подозрѣніе, что какая нибудь изъ дельфійскихъ дѣвушекъ дерзнула подбросить въ храмъ бога плодъ своей тайной любви. Она хотѣла отнести его подальше отъ храма. Но Аполлонъ спасъ своего сына, не позволивъ выбросить его изъ храма. Пилоя взяла его на воспитаніе, а когда онъ выросъ, дельфійскіе жрецы сдѣлали его хранителемъ храмовыхъ сокровищъ. Мать его, Креуса, тѣмъ временемъ вышла замужъ за Ксуеа, который, конечно, не подозрѣвалъ о грѣхѣ Креусы. Ихъ продолжительный бракъ остался бездѣтнымъ.

2. Въ тотъ моментъ, съ котораго начинается пьеса, Креуса съ Ксуеомъ пріѣхали въ Дельфы, чтобы выпросить себѣ дѣтей у Аполлона. При этомъ ни Іонъ не освѣдомленъ о своемъ происхожденіи, ни мать его не знаетъ, что случилось съ брошеннымъ ею младенцемъ и живъ ли онъ. На сценѣ появляется Іонъ, занятый хлопотами около храма. Затѣмъ приходитъ Креуса и вступаетъ въ разговоръ съ своимъ сыномъ, котораго, конечно, не узнаетъ. Далѣе приходитъ Ксуеъ и, войдя въ храмъ, получаетъ отъ Аполлона слѣдующій отвѣтъ: кого онъ встрѣтитъ первымъ послѣ выхода изъ храмъ, того онъ долженъ признать сыномъ. И вотъ, выходя изъ храма, онъ

⁶⁾ См. гл. X.

⁷⁾ Ср. гл. III.

⁸⁾ Въ пересказѣ содержанія пользуемся переводомъ „Іона“ *Алексея*.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

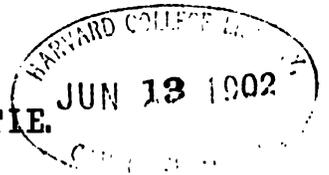
ЧАСТЬ СССХХХ.

1902.

МАРТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1902.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

<i>М. С. Рахитскій.</i> Методъ обученія грамотѣ	1
<i>Ө. Гилъровъ.</i> Этимологія церковно-славянскаго языка	5
<i>А. Ивановъ.</i> Русская грамматика	6
<i>Н. Маурасъ.</i> Praktisches Lehrbuch der deutschen Sprache für russische Schulen	9
<i>М. Варова.</i> Начальный курсъ анатоміи и физиологіи челоуѣка и гигиены	14

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

<i>Н. Г. Дебольскій.</i> Объ эстетическомъ образованіи	1
<i>В. І. Борткевичъ.</i> О практическихъ занятіяхъ студентовъ (семинарахъ) по политической экономіи и статистикѣ въ нѣмецкихъ университетахъ	31
<i>Л. Л—ръ.</i> Письмо изъ Парижа	39
<i>С. Ө. Ольденбургъ.</i> Французская Школа Крайняго Востока въ Сайгонѣ	47

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

<i>Н. В. Петушилъ.</i> Легенда о близнецахъ Ромулъ и Ремъ (<i>окончаніе</i>)	97
<i>С. А. Жебелевъ.</i> Воспорскіе Археанакиды	130
<i>И. Ө. Анненскій.</i> Ипполитъ. Трагедія Еврипида	139

ОБЪЯВЛЕНІЯ. 1—3

Редакторъ Э. Радловъ.

(Вышла 1-го марта).

встрѣчаетъ Иона и немедленно привѣтствуетъ его, какъ своего сына, полагая, что это дѣйствительно его сынъ отъ прежней любовной связи съ одной дельфійской дѣвушкой. Кеуоъ объясняетъ все это Иону, который съ своей стороны, узнавъ объ отвѣтъ Аполлона, не смѣлъ не вѣрить словамъ бога. Креуса также толковала слова оракула въ томъ смыслѣ, какъ самъ Кеуоъ, и, мучимая чувствомъ ревности, рѣшила отравить своего мужа, съ каковою цѣлью и подсылаетъ къ нему какого то старика. Но дѣло открылось и власти города рѣшили казнить отравительницу Креусу. Она ищетъ убѣжища у алтаря передъ храмомъ. Войти Ионъ во главѣ погони, но Пиея останавливаетъ его въ его порывѣ убить Креусу. Она совѣтуетъ ему уйти съ Кеуоомъ и на прощаніе передаетъ ему корзину съ пеленками, въ которыхъ она его нашла. Креуса, увидя корзину, бросается къ Иону, называя его своимъ. Тотъ считаетъ ее сперва пораженною безуміемъ, но когда она изложила ему примѣты находившихся въ корзинѣ пеленокъ, вышитыхъ ею нѣкогда вмѣстѣ со своими служанками, Ионъ, удивившись въ истинѣ ея словъ, признаетъ ее своею матерью. Креуса блаженствуетъ, но, вспомнивъ про мужа, котораго хотѣла отравить, она приходитъ въ ужасъ. Она рассказываетъ Иону всю исторію его рожденія, а когда тотъ не довѣряетъ ея разсказу, появляется Аѳина и подтверждаетъ истину ея словъ, но совѣтуетъ Креусѣ не называть Иона своимъ сыномъ, а оставить Кеуоа при его мнѣніи.

Изъ этого обзорѣнія содержанія „Иона“ видно, что эта пьеса Еврипида построена на томъ же мотивѣ о брошенныхъ, а потомъ вновь узнанныхъ дѣтей, какъ и легенда о римскихъ близнецахъ. Кромѣ того, здѣсь имѣется и мотивъ о божественномъ происхожденіи брошеннаго ребенка, но отсутствуетъ мотивъ о чудесномъ кормленіи. Также и прочія детали сильно отличаются отъ деталей римской легенды, но тѣхъ фабулы въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же. Также и распредѣленіе матеріала вполне аналогично.

Подобно сюжету „Иона“, также легенда о римскихъ близнецахъ рѣзко распадается на двѣ части, изъ которыхъ одна касается обстоятельство, сопровождавшихъ рожденіе Ромула и Рема, а другая— обстоятельство, относящихся къ моменту разоблаченія ихъ происхожденія въ юношескомъ уже возрастѣ, въ то время какъ весь промежутокъ заполненъ лишь общимъ указаніемъ на то, что они жили среди пастуховъ, принимая участіе въ ихъ дѣлахъ и заботахъ. Въ этомъ отношеніи римская легенда, подходя съ одной стороны къ усло-

віямъ драматическаго сюжета, отличается съ другой стороны отъ исторической формы разсказа о Кирѣ у Геродота, въ которомъ событія распределены болѣе равномерно, не группируясь только около начального и конечнаго момента, рожденія и узнаванія.

Также и въ прочихъ отношеніяхъ легендъ о римскихъ близнецахъ приеищи всѣ признаки драматическаго сюжета. Притомъ изложеніе легенды у Діонисія и Плутарха столь подробно ⁹⁾, что представляется даже возможность распределенія матеріала по актамъ, соотвѣтственно послѣ-аристотелевскимъ условіямъ драматическаго искусства ¹⁰⁾.

1. Обстоятельства, сопровождавшія рожденіе близнецовъ Ромула и Рема, въ виду полноты и подробности разсказа, могли быть изложены въ цѣльномъ видѣ въ началѣ пьесы устами особаго пролога, на подобіе трагедій Еврипида. Но независимо отъ этого, какъ и въ „Іонѣ“, отдѣльныя дѣйствующія лица въ связи съ ходомъ событій сообщали то тѣ, то другія данныя изъ прошлаго обоихъ братьевъ. Такъ напримѣръ, Ремъ разсказываетъ Нумитору все то, что ему самому было извѣстно черезъ Фаустула. Подобнымъ образомъ и стражникъ, задержавшій пастуха, когда онъ явился въ городъ съ корытомъ, разсказываетъ своимъ товарищамъ, каково значеніе этого предмета.

2. Какъ въ „Іонѣ“ всѣ событія этой трагедіи совершаются передъ храмомъ Аполлона, такъ и событія, группирующіяся вокругъ момента признанія Ромула и Рема вѣсками Нумитора, могутъ быть приурочены, примѣнительно къ обычнымъ приемамъ древней драмы, къ пространству передъ домами Амулія и Нумитора, находившимися рядомъ ¹¹⁾, подобно домамъ Эдина и Креонта у Софокла. Устройство сцены съ двумя дверьми двухъ смежныхъ домовъ встрѣчается вообще часто (напримѣръ въ *Peautontimorumenos* Теренція).

Въ „Іонѣ“, послѣ пролога, первымъ появляется на сценѣ главный герой драмы, самъ Іонъ. Подобнымъ образомъ и пьеса о римскихъ близнецахъ, по вѣрному наблюденію Трибера ¹²⁾, должна была начинаться съ того, какъ пастухи Нумитора приводятъ связаннаго Рема къ дому своего хозяина ¹³⁾. Послѣдній, выйдя къ нимъ на простран-

⁹⁾ См. гл. III.

¹⁰⁾ *Hor. a. p.* 189: *neve minor neu sit quinto productior actu fabula quae posci volt et spectata geroni.*

¹¹⁾ Ср. Трибера, I, с. 580. Однако Триберъ не правъ, если въ подтвержденіе этого ссылается на *ἐντός* и *ἐξώθεν* у Плутарха (с. 8). Объ этихъ терминахъ см. ниже.

¹²⁾ Триберъ, I, с. стр. 580.

¹³⁾ Подобная сцена изображена была и въ драмѣ Осоекта *Λοῦκίος*: Данаѣ при-

ство передъ домою, представлявшее собою базарную площадь съ царскимъ трибуналомъ, выслушиваетъ причину ихъ прихода съ узникомъ. Но узнавъ, что это царскій пастухъ, онъ не рѣшается самъ лично принять какія-либо мѣры противъ него, а потому направляется, вмѣстѣ съ своими пастухами и ихъ узникомъ, къ царю ¹⁴⁾, который какъ разъ выходитъ изъ своего дома, чтобы возсѣсть на трибуналъ и разбирать тяжбы собравшагося на площади народа. Этому народу также принадлежитъ вполне опредѣленная роль въ пьесѣ ¹⁵⁾. Изъ словъ Діонисія мы узнаемъ, что этотъ народъ состоялъ изъ χωρίται, т.-е., изъ деревенскихъ людей, собравшихся въ городъ, а затѣмъ, какъ изъ Діонисія, такъ изъ Плутарха видно, что эти люди сочувствовали Рему. Ниже мы еще вернемся къ вопросу, какой это былъ народъ и почему онъ держалъ сторону Рема. Царь, выслушавъ Нумитора и его пастуховъ ¹⁶⁾ и принявъ во вниманіе изъявленіе сочувствія Рему со стороны окружающаго царскій трибуналъ народа, предоставляетъ самому Нумитору поступить съ плѣнникомъ, какъ ему заблагоразсудится. Постановивъ такой приговоръ, царь съ своей свитой покидаетъ трибуналъ и площадь и возвращается въ свой домъ. Подобнымъ образомъ и Нумиторъ направляется къ себѣ домой, послѣ того какъ пастухи увели туда же связаннаго Рема и послѣ того какъ Нумиторъ продекларировалъ свои мысли о томъ, какъ онъ пораженъ царственной осанкой плѣннаго юноши. По уходѣ Нумитора на сценѣ не остается ни одного дѣйствующаго лица: *кончается 1-й актъ.*

Придя домой, Нумиторъ приказываетъ развязать Рема и, желая поговорить съ нимъ наединѣ, выходитъ съ нимъ на нѣкѣмъ не занятую сцену. Изъ происшедшей здѣсь между ними бесѣды ¹⁷⁾ Нумиторъ узнаетъ исторію дѣтства обоихъ братьевъ, насколько она была извѣстна Рему черезъ Фаустула, при чемъ Ремъ, упоминая о корытѣ, передаетъ и примѣты его ¹⁸⁾. Нумиторъ, сообразуясь съ возрастомъ

взвѣтъ связаннаго Линкея къ суду, съ намѣреніемъ добиться казни его, но въ концѣ концовъ Линкей, какъ и Ремъ, торжествуетъ.

¹⁴⁾ См. гл. III, прим. 33.

¹⁵⁾ См. конецъ этой главы, а также гл. III, прим. 31.

¹⁶⁾ Въ рѣчи Нумитора передъ царемъ, равно какъ раньше въ докладѣ пастуховъ Нумитору, излагалось то, что въ легендѣ сообщается о способѣ взятія въ плѣн Рема во время отсутствія Ромула.

¹⁷⁾ См. гл. III, прим. 35.

¹⁸⁾ Главная примѣта состоитъ въ надписи (Plut. Rom. 7, 12: ἔστι δ' ἡ σκάφη καὶ σῶζεται χαλκῷς ὑποσώματα γραμμάτων ἀποδρῶν ἐγκυραγμένων). Такъ какъ рѣчь идетъ

юношей, догадывается уже истины, но, чтобы окончательно убѣдиться, предлагаетъ Рему послать гонца къ Ромулу и вызвать его въ городъ, а пока самъ ищетъ случай повидаться тайкомъ съ своей дочерью, которую царь держалъ подъ стражей въ своемъ дворцѣ¹⁹⁾. [Эта замѣтка Плутарха даетъ возможность думать, что попытка Нумитора повидаться съ дочерью выразилась въ бесѣдѣ съ дочерью Амулія Ауфѣ. Тутъ же былъ бы и подходящий моментъ для выхода на сцену матери весталки и жены Нумитора, въ то время какъ сама весталка появляется на сценѣ только уже въ заключительномъ явленіи]. Вскорѣ приходитъ и Ромуль съ гонцомъ, посланнымъ со стороны Рема. Этотъ гонецъ встрѣтилъ Ромула около самаго города, такъ какъ Ромуль зналъ уже всю истину отъ Фаустула и теперь спѣшилъ самъ къ Нумитору, чтобы объяснить ему, кто такой его плѣнникъ. Происходитъ сцена свиданія Ромула съ Ремомъ и Нумиторомъ и признаніе обоихъ братьевъ со стороны послѣдняго своими внуками. Условившись относительно дальнѣйшихъ дѣйствій и распредѣливъ между собою роли, всѣ трое уходятъ, чтобы приготовиться, а именно Ромуль возвращается къ своимъ товарищамъ²⁰⁾, въ то время какъ Ремъ остается у Нумитора. Сцена кончается: *кончается 2-ой актъ*.

Третій актъ начинается подобнымъ образомъ, какъ и первый. На сценѣ появляется Фаустуль, приводимый царскими стражниками, стоявшими на стражѣ у городскихъ воротъ²¹⁾ и остановившимися тамъ Фаустула, когда онъ пробирался въ городъ съ корытомъ подъ плащомъ. Въ числѣ стражниковъ находится и одинъ изъ слугъ, которымъ нѣкогда поручено было выбросить дѣтей. При появленіи корыта на сценѣ зрители, конечно, сейчасъ узнали его по тому описанію, которое представилъ передъ тѣмъ Ремъ Нумитору. Когда пришли ко дворцу стражники съ Фаустуломъ, къ нимъ выходитъ царь Амулій и, выслушавъ рассказъ стражниковъ, подвергаетъ допросу Фаустула. Амулій, полагаясь на вѣрность своего слуги, отсылаетъ стражниковъ обратно, а Фаустулу даетъ порученіе вывѣдать у Нумитора что-нибудь относительно близнецовъ. [Во время допроса Фаустуль, объясняя Амулію причины своего прихода съ корытомъ, упоминаетъ о царской дочери

о нашедши на предметъ домашнего употребленія, то и это обстоятельство свидѣтельству о времени по древнѣе 1-го столѣтія до Р. Хр.

¹⁹⁾ См. гл. III, прим. 15.

²⁰⁾ Тамъ же, прим. 17.

²¹⁾ Тамъ же, прим. 39.

Ἄνδρ', изъ чего можно заключить, что и она появлялась на сценѣ, быть можетъ съ согласіемъ самого царя, который, возвратившись во дворець, высылаетъ ее къ Фаустулу²²⁾. Послѣ разговора съ Фаустуломъ, Анео возвращается во дворець, быть можетъ съ корытомъ²³⁾, а Фаустулъ отправляется въ домъ Пумитора: *кончается третій актъ*].

Исполнивъ якобы порученіе Амулія, Фаустулъ выходитъ изъ дома Пумитора и, въ формѣ монолога, сообщаетъ зрителямъ, что онъ тамъ видѣлъ и какъ онъ къ своему удивленію засталъ Рема въ объятіяхъ Пумитора, знавшаго уже почти все, такъ что Фаустулу оставалось только подтвердить это. Въ это время выходитъ Амулія и, выслушавъ докладъ Фаустула о мнимомъ исполненіи даннаго ему порученія, соглашается на просьбу Фаустула отпустить его домой въ сопровожденіи царскихъ слугъ, которымъ онъ могъ бы показать Ромула и Рема въ удостовѣреніе своихъ словъ²⁴⁾. Фаустулъ со спутниками уходитъ, а Амулія возвращается во дворець, отдавъ прежде одному изъ своихъ слугъ приказаніе пригласить Пумитора. Но этотъ слуга оказывается приверженцемъ Пумитора, а потому, когда послѣдній выходитъ на сцену, онъ ему не только передаетъ приглашеніе царя, но вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаетъ ему и свои опасенія на счетъ истинной цѣли этого приглашенія. [Пумиторъ вмѣсто того, чтобы идти къ царю, возвращается въ свой домъ и вмѣстѣ съ нимъ, быть можетъ, туда же идетъ и измѣнившій Амулію слуга съ тѣмъ, чтобы войти въ составъ собираемаго тамъ Ремомъ отряда людей: *кончается четвертый актъ*].

Въ началѣ 5-го акта по дорогѣ, ведущей изъ-за города (ἐξώθεν), на сцену врывается Ромуль во главѣ отряда, состоящаго изъ пастуховъ, а также и горожанъ, вышедшихъ къ нему на встрѣчу (ἐξέθεν) ²⁵⁾. Въ это же время съ другой стороны, отъ дома Пумитора, появляется

²²⁾ Предположеніемъ, что Фаустулу приходилось два раза объяснить причины своего прихода, сперва царю, а потомъ его дочери, можно объяснить и разногласіе между Дионисіемъ и Плутархомъ (см. гл. III, прим. 10): одинъ даетъ версію, представленную Фаустуломъ царю, а другой—версію, представленную царской дочери.

²³⁾ Въ дальнѣйшемъ разсказѣ корыто болѣе не появляется.

²⁴⁾ См. гл. III, прим. 42.

²⁵⁾ Глаголь ἐξέθεν (Plut. Rom. 8, 11), показывается, что также и нарѣчіе ἐξώθεν (ib. § 14) нужно понимать о мѣстности за *городомъ*, а не, какъ ошибочно полагаютъ Триберъ (I. с. 580), о наружной сторонѣ дома, въ отличіе отъ ἐντός, что по мнѣнію Трибера означаетъ внутреннюю часть дома. Триберъ не обратилъ вниманія на значеніе обихъ сторонъ греческой сцены: съ одной (правой) появляются тѣ, кто идетъ изъ города (таково значеніе слова ἐντός), съ другой же стороны (лѣвой) ведутъ дорога изъ чужбины и, слѣдовательно, вообще изъ-за города (ἐξώθεν).

отрядъ, составленный Ремомъ въ городѣ (ἐντός). Къ этимъ двумъ отрядамъ присоединяется еще отдѣльно третій отрядъ, состоящій изъ публики, собравшейся на базарѣ; а были это все настухи Ромула, которымъ онъ, какъ оказывается, еще въ самомъ началѣ приказалъ собраться въ городѣ, но одиночѣмъ, по разнымъ дорогамъ, съ оружіемъ, спрятаннымъ подъ одеждою ²⁶⁾. Происходитъ нападеніе на дворецъ Амулія. Нападающіе взломали дверь и, проникнувъ во дворецъ, убили тамъ Амулія и, отыскавъ темницу, освободили весталку. Затѣмъ побѣдители, Ромуль и Ремъ, выходятъ изъ дворца Амулія и вмѣстѣ съ ними выходитъ и мать ихъ, которую они только-что освободили ²⁷⁾. Въ это время приходитъ и Нумиторъ во главѣ части отряда ²⁸⁾, съ которымъ онъ занялъ кремль, пока звуки производили нападеніе на дворецъ Амулія. Ромуль и Ремъ заявляютъ ему, что Амулія убитъ, и провозглашаютъ его царемъ. Этимъ провозглашеніемъ Нумитора заканчивается пьеса.

Такимъ образомъ все событія легенды, начиная съ момента нападенія настуховъ Нумитора на Рема и кончая смертью Амулія, укладываются въ рамкахъ одного дня, чѣмъ и опредѣляется *единство времени*. Подобнымъ образомъ и *единство мѣста* не представляетъ никакихъ затрудненій съ точки зрѣнія тѣхъ пріемовъ, которые практиковались въ греческой драмѣ по отношенію къ выходу на сцену дѣйствующихъ лицъ пьесы.

Если дочь царя Амулія, не имѣющая никакого значенія для легенды, получаетъ опредѣленное имя (Ἀνθή), въ то время какъ гораздо болѣе важная фигура легенды, мать близнецовъ, осталась безъ всякаго имени, то это объясняется волюгѣ удовлетворительно тѣмъ, что Апоо выступала въ пьесѣ въ качествѣ дѣйствующаго лица, въ то время какъ мать близнецовъ появляется только въ финальномъ апофеозѣ, да и то лишь въ видѣ безмолвной фигуры. Для жены же Фаустула, названной потомъ Асся Iagencia, въ пьесѣ не было вообще

²⁶⁾ Такимъ образомъ у Ромула оказываются два различныхъ отряда, которые, однако, недостаточно различаются, сливаясь у Ливія въ одинъ нераздѣльный отрядъ Ромула, но съ признаками второго отряда.

²⁷⁾ Эта сцена изображена была на 19-й картинѣ кипскаго храма (Anthol. Pal. 3, 19).

²⁸⁾ Первый, третій и особенно пятый акты своимъ многолюдствомъ вполне соотвѣтствуютъ условіямъ театральнаго дѣла въ александрійскій періодъ, въ виду тогдашняго стремленія къ эффектнымъ сценамъ компарсовъ.

никакого мѣста, такъ какъ о ней упоминалось только вскользь въ разсказѣ пролога и Рема о дѣтствѣ близнецовъ.

При такихъ обстоятельствахъ въ списокъ дѣйствующихъ лицъ входятъ слѣдующія фигуры легенды:

Царь Амулій	}	братья.
Изложенный царь Нумиторъ.		
Аноо, дочь Амулія	}	двоюродныя сестры.
Весталка, дочь Нумитора.		
Ромъ (Ремъ) и Ромуль, сыновья весталки, близнецы.		
[Мать весталки, жена Нумитора].		
Фаустулъ, пастухъ царя Амулія.		
Пастухи царя Нумитора.		
Стражники царя Амулія.		
Другіе слуги царя Амулія.		
Слуга Нумитора, отправившійся гонцомъ отъ Рема.		
Отряды Ромуля и Рема.		
Базарная публика.		

Изъ кого состояла эта базарная публика, ясно видно изъ изложенія Діонисія ²⁹⁾. Разсказавъ о томъ, что Ромуль предложилъ сельчанамъ (χωρίταις) отправиться въ городъ какъ можно скорѣе, но не сразу, а по одиночкѣ, разными дорогами, и ждать его тамъ на базарѣ, Діонисій вслѣдъ за этимъ переходитъ къ суду надъ Ромомъ и указываетъ, что около трибунала царя собралось много деревенскихъ жителей (χωρίται), которые и выказывали такое сочувствіе къ Рему, что Амулій призналъ нужнымъ выдать его Нумитору для наказанія. Ясно, что χωρίται и χωρίται одно и то же. Если же эта, сочувствующая Рему, базарная толпа состоитъ изъ соумышленниковъ Ромуля, то она, конечно, принимаетъ участіе также и въ окончательной развязкѣ и, вынувъ спрятанное дотолѣ подъ одеждой оружіе, присоединяется къ обоимъ отрядамъ Ромуля и Рема. Этимъ объясняется, почему Діонисій упоминаетъ объ этомъ отрядѣ въ самомъ началѣ дѣла, въ то время какъ Ливій ³⁰⁾ говоритъ объ этихъ людяхъ только уже въ концѣ, смѣшивая ихъ съ отрядамъ, во главѣ котораго самъ Ромуль вступилъ въ городъ, согласно Плутарху ³¹⁾. Принимая во вни-

²⁹⁾ Dion. 1, 81 нач.

³⁰⁾ Liv. 1, 5, 7.

³¹⁾ Plut. Rom. 8, 14.

маніе, что такимъ образомъ получаютъ два отряда Ромула, что, конечно, должно обуславливаться какою-либо особою причиною, и далѣе, имѣя въ виду, что люди, собравшіеся по одиночкѣ на базарной площади, оказываются здѣсь съ перваго и до послѣдняго момента, принимая дѣятельное участіе въ совершающихся дѣйствіяхъ, можно вывести изъ всего этого заключеніе, что эти люди, собравшіеся по одиночкѣ на базарной площади, въ планѣ пьесы представляли собою хоръ, долженствовавшій, согласно теоріи ³²⁾, сочувствовать Пумитору какъ представителю оскорбленной добродѣтели.

Итакъ всё признаки говорятъ въ пользу того, что легенда о римскихъ близнецахъ не что иное, какъ довольно прозрачный сюжетъ греческой драмы, заимствованный Фабіемъ Пикторомъ у Діокла, а Діокломъ, повидимому, непосредственно изъ сочиненія неизвѣстнаго драматическаго писателя. Въ рѣчи Рема у Плутарха ³³⁾, переданной послѣднимъ прямо со словъ Діокла, сохранились даже еще нѣкоторые слѣды основной стихотворной формы діалога драмы. Ср. напр.

...γοναὶ μὲν ἡμῶν...

...ἀπόρηται λέγονται...

или: οἷς ἐρήρημεν <ὀρνέοις> καὶ θηρίοις

или: μαστῶν λυκαίνης ἐν σκάφῃ τινὶ —

или: — — — ἔστι δ' ἡ σκάφη καὶ πῶζεται.

Такіе слѣды діалогической стихотворной формы вполне понятны въ томъ случаѣ, если Діоклъ заимствовалъ эту рѣчь Рома непосредственно изъ драматической пьесы, написанной на греческомъ языкѣ, что въ свою очередь вполне подходитъ къ выше получившимся выводамъ о томъ, что авторъ легенды о римскихъ близнецахъ былъ грекъ, мало знакомый съ латинскимъ языкомъ, съ общественнымъ бытомъ римскаго народа и даже съ топографіей Лация.

³²⁾ Hor. a. p. 196: ille (chorus) bonus faugetque et consiliatur amice. — Кстати сказать, участіе хора въ финальной сценѣ, паравитъ съ остальными двумя отрядами, было бы понятно особенно въ томъ случаѣ, если хоръ и актеры помещались совместно въ оркестрѣ.

³³⁾ Plut. Rom. 7. 8 сл. — Эта рѣчь Рема (Рома), замѣтно отличается отъ стили самого Плутарха, не лишена и нѣкотораго color tragicus, не смотря на то, что мы тутъ имѣемъ дѣло уже съ прозаической передѣлкой подлиннаго поэтическаго текста, предпринятой Діокломъ и не оставленной безъ всякаго измѣненія. вѣроятно, и Плутархомъ. Независимо отъ этого двойного фильтра, не нужно сопоставлять предполагаемаго латинскаго поэта, по его достоинствамъ, съ Софокломъ.

ХП. Время и мѣсто возникновенія легенды о римскихъ близнецахъ.

До сихъ поръ мы говорили о литературныхъ свидѣтельствахъ, изъ которыхъ самыя древнія принадлежатъ Фабію Пиктору (конецъ второй пунической войны) и Діоклу Пепариоскоку (не раньше времени первой пунической войны). Однако, имѣются еще болѣе древнія свидѣтельства въ видѣ всенародныхъ памятниковъ, представляемыхъ съ одной стороны римско-кампанскими монетами, а съ другой—волчицей братьевъ Огульниевъ.

Ли. и Ли. Огульни, бывшіе въ 296 году до Р. Хр. курульными эдлами, на собраніи въ этомъ званіи итрафныя деньги поставили, между прочимъ, подъ смоковницей на комницѣ мѣдное изображеніе волчицы съ двумя младенцами подъ нею, Ромуломъ и Ремомъ¹⁾. Помѣщеніе памятника съ грудными младенцами подъ деревомъ богини Румины, спеціальной покровительницы такихъ дѣтей, само по себѣ вполне понятно²⁾. Но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что въ то время не могло еще существовать позднѣйшее мнѣніе о значеніи грота Луперка, даже въ вѣкъ Фабія признававшееся еще только простой догадкой (ἐλέγγο) ³⁾, да и то не обще-принятой, какъ видно изъ версій Эппія⁴⁾. Притомъ вольное поэтическое обращеніе Эппія съ легендой о близнецахъ показываетъ, что онъ не принималъ содержаніе этой легенды за дѣйствительныя историческія событія, какъ это принималось послѣдующими поколѣніями; для него легенда имѣла значеніе обыкновеннаго литературнаго мѣта, допускавшаго, по примѣру греческихъ поэтовъ, свободную обработку. Если же еще въ вѣкъ Фабія и Эппія легенда о близнецахъ не составляетъ стараго, прочно установившагося историческаго преданія, то въ годъ эдильства Огуль-

¹⁾ На монетахъ (см. *Babelon*, Description historique et chronologique des Monnaies de la république romaine, 1885, I, стр. 31 и II, стр. 336), волчица подъ смоковницей изображена вполне согласно съ словами Діонисія (I, 7, 9), Ливія (I, 4, 6: *lupam.... lingua lambentem pueros*) и Виргилія (*Aen.* 8, 633: *illam tereti cervice reflexam mulcere alternos et corpora fingere lingua*). Изъ этого видно, что отождествленіе вышнейшей капитолійской волчицы съ волчицей Огульниевъ ошибочно (см. Ф. О. XVIII, 1, стр. 91 сл.).

²⁾ См. Ф. О. XVI, 2, стр. 192 въ статьѣ: „Руминальская смоковница и волчица братьевъ Огульниевъ“.

³⁾ См. гл. IX, 1.

⁴⁾ См. гл. V, прим. 13—15.

нiевъ она была въ Римѣ еще только повинкой, безъ всякой опредѣленной локализаціи.

Въ свою очередь памятникъ Огульпiевъ былъ не что иное, какъ точная копія изображенiи этой же сцены на римско-кампанскихъ серебряныхъ монетахъ второй половины IV столѣтія до Р. Хр. ⁵⁾. Изображеніе волчицы съ младенцами на этихъ монетахъ ⁶⁾ совершенно тождественно съ типомъ руминальской волчицы ⁷⁾. Подъ волчицей на монетахъ читается надпись: ROMANO. А монеты съ этой надписью считаются болѣе древними, чѣмъ монеты съ надписью: ROMA ⁸⁾. По опредѣленію Бабелона первыя принадлежатъ къ 342—317 гг. до Р. Хр. ⁹⁾. Конечно, послѣдняя дата имѣетъ только приблизительное значеніе: переходъ отъ надписи Romano къ надписи Roma въ дѣйствительности могъ совершиться нѣсколькими годами и даже двумя-тремя десятками лѣтъ раньше или позже. Но во всякомъ случаѣ ниолнѣ достовѣрно, что римско-кампанскія монеты съ надписью ROMANO принадлежатъ второй половинѣ IV вѣка до Р. Хр. и что, слѣдовательно, изображеніе волчицы на нихъ древнѣе руминальской волчицы братьевъ Огульпiевъ. Изъ этого слѣдуетъ, что драма неизвѣстнаго греческаго поэта, изъ которой Дюкль заимствовалъ легенду о римскихъ близнецахъ, была извѣстна въ Кампаніи еще во второй половинѣ IV столѣтія. Мало того: тамъ же, въ Кампаніи или вообще въ Южной Италіи, слѣдуетъ искать и родину этой легенды, возникшей въ качествѣ драматическаго сюжета по образцу Софокловой Тиро.

Возможность такого предположенія вытекаетъ изъ политическихъ условій тогдашняго времени, которыя создали тѣсную дружбу между римлянами и кампанцами, выразившуюся въ совершенно оригинальной, небывалой дотолѣ, формѣ правовыхъ отношеній.

Глубокая культурная рознь между грубыми, но воинственными горцами Сампiа и богатыми, но изнѣженными, самнитянами въ городахъ низменнаго побережья Кампаніи, усвоившихъ въ обширныхъ размѣрахъ греческую культуру ¹⁰⁾, въ теченіе первой половины 4-го сто-

⁵⁾ Моммзенъ, Geschichte des römischen Münzwesens, стр. 212 сл. и стр. 254; Бабелонъ, Monnaies, стр. XXIX сл. и стр. 10 сл.

⁶⁾ Бабелонъ, I. с., стр. 13 (съ изображеніемъ сохранившагося экземпляра).

⁷⁾ См. выше прим. 1.

⁸⁾ Моммзенъ, I. с., стр. 213.

⁹⁾ Бабелонъ, I. с., стр. 10. Подобнымъ образомъ и Моммзенъ (Remuslegende Hermes 1881, стр. 3, прим. 1) даетъ дату: „вскорѣ послѣ 342 года“.

¹⁰⁾ Моммзенъ Röm. Gesch. I, 8, стр. 354.]

лѣтія до Р. Хр. привела къ политическому антагонизму этихъ двухъ отраслей самнитскаго племени. Федерация горныхъ самнитянъ (за Лирисомъ) въ 354 году заключила союзъ съ римлянами ¹¹⁾. Это заставило и кампанскихъ самнитянъ, которымъ угрожали ихъ сосѣди въ горахъ, также искать дружбы съ Римомъ. Однако, такъ какъ этому мѣшала союзъ 354 года, римляне, не желая явиться вѣроломными, оказались вынужденными отказать кампанцамъ въ подобномъ союзномъ договорѣ, какой они заключили съ горными самнитянами. Но съ другой стороны, не желая упустить изъ рукъ такого лакомаго куска, какъ Кампанія, они, въ обходъ союза 354 года, согласились на небывалую у нихъ государственно-правовую мѣру: *римляне и кампанцы въ 343 году обмѣнялись взаимно правами гражданства* ¹²⁾, такъ что римляне въ Кампаніи пользовались всѣми правами гражданъ города Капуи и, наоборотъ, кампанцы приобрѣли право называться римскими гражданами или просто римлянами (Romani), а это званіе въ свою очередь давало имъ право на требованіе помощи со стороны римлянъ противъ горныхъ самнитянъ, несмотря на договоръ 354 года. Дѣйствительно, римляне вступились за кампанцевъ. Римскіе послы отправились къ горнымъ самнитянамъ и, объявивъ имъ о превращеніи кампанцевъ въ римлянъ, предложили имъ не тревожить повыхъ римскихъ гражданъ на основаніи того же договора 354 года, установившаго дружбу съ римлянами вообще. Послѣдствіемъ такого обхода договора 354 года явились событія такъ называемой первой самитской войны ¹³⁾, во время которой аристократическіе элементы Капуи оставались вѣрными дружбѣ съ Римомъ, въ то время какъ другіе слои кампанскаго населенія болѣе сочувствовали своимъ родичамъ въ горахъ. Вслѣдствіе этого, послѣ битвы при Trifanum 340 года, общественный строй Капуи и другихъ сосѣднихъ городовъ подвергся реформѣ въ пользу дружественной Риму аристократіи, причемъ, однако, часть кампанскихъ земель приобщена непосредственно къ ager Romanus и въ 334 году основана тамъ колонія Sales. Подъ вліяніемъ этихъ и по-

¹¹⁾ Тамъ же стр. 351.

¹²⁾ Этотъ своеобразный обмѣнъ правъ гражданства, вызванный экстренными обстоятельствами минуты, въ повѣстной исторической литературѣ подвергся самымъ противорѣчивымъ толкованіямъ: одни видѣли здѣсь обычную въ римскомъ государственномъ правѣ *deditio*, другіе, напротивъ, *foedus aequum*. Но въ послѣднемъ случаѣ нельзя объяснить употребленія римскаго имени (Romani), а *deditio* опять влечетъ за собой слишкомъ глубокую ломку традиціи.

¹³⁾ См. Моммзена Röm. Gesch. 1, 8 стр. 356.

слѣдующихъ событіи равенство гражданскихъ правъ римлянъ и кампанцевъ превратилось постепенно во владычество первыхъ надъ вторыми, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ и горные самниты, разбитые въ 314 году подъ стѣнами Кануи, также подпали подъ власть римлянъ, упрочившихся тогда же и въ Апуліи, въ тылу самнитскихъ горцевъ, и вступившихъ въ близкія политическія сношенія съ Тарентомъ.

Несмотря на измѣнившееся по существу положеніе Кампаніи, формальное равенство римскаго и кампанскаго гражданства продолжало признаваться по прежнему. Съ одной стороны римляне, пользуясь своимъ политическимъ перевѣсомъ, съ 318 году стали отираковать въ Кампанію своихъ префектовъ *jure dicundo*, какъ и въ любую другую мѣстность Италіи, населенную римскими гражданами. Съ другой же стороны, жители кампанскихъ городовъ, или, точнѣе, аристократическіе ихъ элементы, съ гордостью выставляли на показъ на монетахъ свое званіе римскихъ гражданъ и притомъ даже на латинскомъ языкѣ: ROMANO, рѣдко на греческомъ: Ῥωμαίων¹⁴⁾. Эти римско-кампанскія монеты, вѣроятно, даже древнѣе собственно римскихъ, вычеканенныхъ въ самомъ Римѣ, такъ какъ введеніе послѣднихъ во всякомъ случаѣ произошло не раньше 338 года до Р. Хр.¹⁵⁾. Тогда-то кампанскіе „римляне“, знаящіе Римъ вообще только по наслышкѣ, и подали поводъ какому-либо южно-италійскому поэту избрать темою для своей драмы изображеніе судебъ основателей Рима по неслышаннымъ въ греческой литературѣ образцамъ. Такое полное составленіе мифа о началѣ Рима было тѣмъ болѣе возможно, что, хотя въ это время также и литература грековъ стала занимать римлянами больше, чѣмъ въ прежнія времена, тѣмъ не менѣе свѣдѣнія о нихъ въ греческой литературѣ того времени, сравнительно, были еще ограниченны и случайны, касаясь главнымъ образомъ только отдѣльныхъ событіи изъ исторіи недавняго прошлаго.

Древнѣйшую исторію Рима изслѣдовали впервые Иеронимъ Кардійскій и младшій его современникъ Тимей Тавроменискій, первый кратко (*ἐπιδραμόντος*), а второй уже болѣе пространно (*ἀσφηγητάμενος*)¹⁶⁾. Первые книги обширнаго историческаго труда Тимея, посвященнаго спе-

¹⁴⁾ Mommsen Gesch. des Münzwesens стр. 213.

¹⁵⁾ См. Ф. О. V, I, стр. 3 сл.: „Къ исторіи монетнаго дѣла у римлянъ“.

¹⁶⁾ Dion. I, 6.

ціально Италин и Эцилин¹⁷⁾, изданы были около 300 года¹⁸⁾ и въ нихъ, вѣроятно, уже сообщалась и легенда о римскихъ близнецахъ¹⁹⁾. Такимъ образомъ, изданіе начала труда Тимея почти совпадаетъ съ годомъ постановки волчицы Огульніевъ. Поэтому, конечно, возможно, что сочиненіе Тимея внушило имъ мысль о постановкѣ памятника основателямъ города. Но тожество типа волчицы Огульніевъ съ типомъ римско-кампанскихъ монетъ свидѣтельствуеетъ, что мастеръ Огульніевой волчицы воспроизводилъ ее не по книжнымъ даннымъ, а по вещественнымъ образцамъ кампанскаго искусства. Сами Огульнии въ достаточной мѣрѣ засвидѣтельствовали свое влеченіе къ искусству способомъ израсходованія собранныхъ ими штрафныхъ денегъ²⁰⁾. Одинъ изъ обоихъ братьевъ, Гней, отправленъ былъ въ Эцидаръ въ числѣ пословъ для привезенія оттуда священной змѣи Эскулама²¹⁾, что свидѣтельствуеетъ о знаніи имъ греческаго языка. А знаніе этого языка они могъ приобрести въ Кампаніи или вообще на югѣ Италиіи во время своей предшествующей служебной дѣятельности (напр. въ званіи квестора). Да и вообще римская интеллигенція того времени республики могла воспитываться только на греческомъ языкѣ и греческой литературѣ; даже еще первые представители римской литературы писали свои анналы по гречески не потому, что затруднялись писать по латыни, а потому что предназначали свои произведенія для образованной публики (ср. *Diels Sibyll. Blätter* стр. 9).

Впрочемъ, съ середины 4-го столѣтія среди римлянъ особенно замѣчается сильное влеченіе къ греческой культурѣ въ разныхъ формахъ ея проявленія. Прозвища *Philippus*, *Philo*, *Sophus* (консулъ 308 года) не составляютъ для тогдашняго времени ничего страннаго. Въ періодъ самнитскихъ войнъ на комиціи воздвигнуты были статуи Пногора и Алкивиада. Въ 338 году (или векоръ послѣ этого года) въ Римѣ впервые начали чеканить мѣдную монету по греческимъ образцамъ²²⁾. Появился обычай ставить памятники съ надписями въ честь умер-

¹⁷⁾ Polyb. 12, 23, 7: ὑπὲρ Ἰταλίας μόνον καὶ Σικελίας πραγματούμενος.

¹⁸⁾ Зусмиль Geschichte der griech. Litteratur in der Alexandrinerzeit I. (1891) стр. 566; Шварцъ Timaios Geschichtswerk (Hermes 1899, 4, стр. 481 сл.).

¹⁹⁾ Такъ, по крайней мѣрѣ, заключаютъ на основаніи Ликофрона Alex. 1233 сл.

²⁰⁾ Liv. 10, 23, 12: aenea in Capitolio limina et trium mensarum argentea vasa in cella Iovis Iovemque in culmine cum quadrigis et ad ficum Ruminalem simulacra infantium conditorum urbis sub uberibus lupae posuerunt.

²¹⁾ Liv. 10, 23. Val. Max. I, 8, 2.

²²⁾ См. Ф. О. V, 1.

нихъ ²³⁾. Распространилось возлежаніе за столомъ ²⁴⁾. Въ 300 году въ Лациіи проникъ изъ Сициліи обычай стричь коротко волосы и бриться ²⁵⁾. Въ 293 году поставлены въ Римѣ первые солнечные часы ²⁶⁾. Около 300 года сильно оживился интересъ къ постройкѣ новыхъ храмовъ; такъ напр., въ 295 г. построено святилище Венеры въ циркѣ; въ 294 г. — храмъ Викторіи; въ 293 г. — храмъ Квирина; въ 293 г. — храмъ Юпитера Статора ²⁷⁾. Особенно видное мѣсто въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ культурныхъ интересовъ тогдашняго времени занимаетъ знаменитый цензоръ Аппій Клавдій ²⁸⁾. Однимъ словомъ общій характеръ эпохи вполне благоприятствовалъ принятію тогдашней римской интеллигенціей греческаго мнѣологическаго сюжета о Ромуль и Ремъ, выразившемуся впервые въ постановкѣ памятника подъ смоковницей въ 296 году.

Съ другой стороны и условія греческой литературы въ періодъ утвержденія римскаго владычества въ Кампаніи нисколько не противорѣчатъ возникновенію легенды о римскихъ близнецахъ изъ сюжета греческой драмы. Обмѣнъ правами гражданства между римлянами и кампанцами произошелъ еще при жизни Александра Македонскаго, Демосфена и Аристотеля, умершихъ въ 323 — 322 гг. Но это было уже время перехода греческихъ мѣстныхъ языковъ къ общей *κοινή*, время заката классическаго періода греческой литературы и нарожденія новой александрійской эпохи, сливавшей въ одно цѣлое болѣе или менѣе равномѣрно литературную дѣятельность всѣхъ греческихъ племенъ. Обычное послѣдствіе наибольшаго развитія литературы, увеличеніе количества литературныхъ произведеній, сопровождаемое прини-

²³⁾ Древнѣйшее извѣстіе объ этомъ обычаѣ сохранилось отъ 321 года, когда Аппій Клавдій въ выстроеномъ имъ же храмѣ Беллоны повѣсилъ щиты съ изображеніемъ своихъ предковъ и съ ихъ элогіями. Древнѣйшая изъ сохранившихся надгробныхъ надписей Циципонию касается консула 298 года, да и то первоначально была только первая строчка съ именами умершаго, въ то время какъ стихотворная часть надписи добавлена впоследствии.

²⁴⁾ См. Моммсенъ *Röm. Gesch.* 1° 454.

²⁵⁾ Varro *г. г.* 2, 11, 11: Omnino tonsores in Italiam primum venisse ex Sicilia dicuntur p. R. c. a. CCCCLIII, ut scriptum in publico Ardeae in litteris exstat, eosque adduxisse Publium Titinium Menam.

²⁶⁾ Plin *н. н.* 7, 213: princeps Romanis solarium horologium statuisse ante XII annos, quam cum Pyrrho bellatum est, ad aedem Quirini L. Papirius Cursor statuisse proditur.

²⁷⁾ Liv. 10, 31, 9; 33, 9; 46, 7; 36, 11.

²⁸⁾ Ср. Ф. О. XIII, 2, 105.

женіемъ ихъ качествъ, не замедлило обнаружится и у грековъ. Подъемъ литературнаго производства замѣтенъ не только въ Сициліи, гдѣ, впрочемъ, литература и искусство издавна процвѣтали, но также и въ Южной Италіи, въ которой, со временъ Архита, Тарентъ занялъ подобное мѣсто, какое въ Сициліи принадлежало Сиракузамъ.

Для исторіографіи этой эпохи характеристично, что съ одной стороны излюбленнымъ предметомъ историческихъ трудовъ служили темы современной или недавней исторіи (Александръ Македонскій, Діадохи, Діонисій, Діонъ, Агаоклъ, Пирръ), но съ другой стороны особенно притязательною силою отличались всякаго рода чудеса и необыкновенныя происшествія, какъ изъ тогдашнихъ временъ и странъ, такъ и изъ міологической древности. Въ послѣднемъ отношеніи съ особеннымъ усердіемъ разрабатывалась тема о происхожденіи городовъ и племенъ или, иначе говоря, о родоначальникахъ и оспователяхъ городовъ, и притомъ почти исключительно въ связи съ цикломъ троянскихъ сказаній. Возникали многочисленныя легенды о начальныхъ временахъ разныхъ городовъ Сициліи и Италіи, основанныхъ какимъ-либо героемъ міологическаго періода. Чрезвычайно благоприятную почву для придумыванія такихъ легендъ представляли странствованія Одиссея и Энея. Въ теченіе 4-го столѣтія легенда объ Энеѣ приурочена была и къ берегамъ Лация²⁹⁾. Легенда о римскихъ близнецахъ, примыкая къ легендѣ объ Энеѣ и обусловливаясь ею³⁰⁾, могла возникнуть только уже послѣ установленія связи Энея съ Албалонгой. Къ числу историковъ, прибѣгавшихъ къ міологіи, принадлежалъ и Тимей, который охотно записывалъ преданія и мнѣя о старыхъ временахъ, въ томъ числѣ и міологическіе рассказы объ основаніи городовъ³¹⁾. Но между тѣмъ какъ Тимей говорилъ объ этомъ только попутно, Діоклъ Пепарнскій, напротивъ, посвятилъ міоамъ объ основаніи городовъ

²⁹⁾ Въ послѣдней латинской войнѣ одинъ только лаврептанъ остался вѣрнымъ Риму. Весьма правдоподобно, что въ этомъ уже сказалось вліяніе легенды объ Энеѣ, въ виду той родословной связи, которая устанавливалась этой легендой между Лавиніемъ и Албалонгой, какъ древнѣйшей метрополіей перваго. Подъ вліяніемъ легенды объ Энеѣ введенъ въ Римъ также и лавинскій культъ Афродиты, получившей въ 295 году особый храмъ въ Римѣ подъ названіемъ *Venus* (Liv. 10, 31).

³⁰⁾ Въ Діокловой легендѣ о близнецахъ появляются не непосредственныя потомки Энея (хотя не очень отдаленныя), такъ какъ принята во вниманіе уже преемственность основанія, сперва Лавинія, потомъ Албалонги, а уже наконецъ только Рима. Другія легенды о Римѣ см. въ гл VII.

³¹⁾ Polyb. 26 d, 2: *περί τὰς ἀποικίας καὶ κτίσεις.*

особый трудъ подъ заглавіемъ περί ῥώων, вышедшій уже послѣ Тимея ³²⁾ и, вѣроятно, подъ его вліаніемъ, какъ и „Александра“ Ликофрона.

Писатели, трактовавшіе о мнѳологическихъ темахъ, не отказывались черпать соотвѣтствующія легенды даже изъ драматическихъ произведеній ³³⁾. Мало того, можно считать несомнѣннымъ, что какъ разъ именно сценическія представленія болѣе всего содѣйствовали распространенію знакомства съ мнѳологическими разсказами. Такъ напримѣръ, изображенія мнѳологическихъ сценъ на предметахъ искусства нерѣдко представляютъ собою воспроизведеніе группъ и ситуаций, видѣнныхъ на сценѣ ³⁴⁾. Въ Сициліи же драматическое искусство и драматическая поэзія процвѣтали еще со времени Формиса, Эпихарма, Диполоха, Софрона ³⁵⁾. Изъ сицилійцевъ были и ближайшіе преемники Менадра, Флимонъ и Аполлдоръ, писавшіе около 300 года. По примѣру Сициліи, драматическая поэзія пользовалась большимъ сочувствіемъ также и въ южной Италіи, въ томъ числѣ особенно въ Тарентѣ и въ Кампаніи. Въ *Тарентѣ* поэтъ Рипионъ создалъ даже новый видъ драмы, такъ называемую гиларотрагедію ³⁶⁾. Великогреческіе фарсы *черезъ Кампанію* проникли и въ Римъ подъ названіемъ „ателланскихъ“ пьесъ ³⁷⁾. Процвѣтаніемъ драматическаго искусства въ Южной Италіи и въ Сициліи объясняется и византно возникновеніе въ Римѣ драматическихъ представленій по греческимъ образцамъ, къ которымъ римляне издавна привыкли въ городахъ южнаго театра войны. Римскія драмы всегда были по преимуществу только переводы или передѣлки съ греческаго. И вотъ въ числѣ самыхъ первыхъ пьесъ римскаго театра значится трагедія Невія подъ заглавіемъ „Alimonia Remi et Romuli“ ³⁸⁾. Появленіе такой пьесы на

³²⁾ См. гл. II.

³³⁾ Такъ напримѣръ, у Діодора (IV. 61 сл.) легенда объ Эдипѣ разсказана по прологу Еврипидовой драмы *Фоіссзз*.

³⁴⁾ Ср. *Schippke De speculis etruscis quaestionum particula I*, Breslau 1881.

³⁵⁾ К. О. Миллеръ *Geschichte der griech. Litteratur*, 3 изд., II, 241 сл.

³⁶⁾ Зуасмилъ *Gesch. der griech. Litt. in der Alexandrinerzeit* I. 335 сл.

³⁷⁾ К. О. Миллеръ I. с. II, 241.

³⁸⁾ Трибери (Rhein. Mus. 1888 стр. 569 прим. 1) обращаетъ вниманіе на то, что въ заглавіи этой пьесы надо писать *alimonia* (согласно съ Донатомъ *ad Ter. Ad. IV, 1. 21*), а не *alimonium*. У Варрона (I. 1. 7. 51 п 107) эта же пьеса названа коротко „*Romulus*“. Трибери указываетъ еще на то, что одни считаютъ пьесу Невія комедіей, другіе—трагедіей; къ числу послѣднихъ принадлежатъ и Риббекъ *Gesch. d. röm. Dichtkunst* I. 21 сл., а также Лук. Миллеръ *Einleitung* стр. 101. При этомъ,

первых же порахъ проще всего понятно, если и она составляла только передѣлку подобной греческой трагедіи, причѣмъ не лишено значенія и то, что самъ Невій былъ уроженецъ Кампаніи, да вдобавокъ, кажется, не коренной римскій гражданинъ, а изъ числа кампанскихъ „римлянъ“³⁹⁾. Въ пользу греческаго образца для трагедіи Невіа говоритъ и постановка на первомъ мѣстѣ имени Рема, вполне согласно съ греческимъ порядкомъ Ῥώμος καὶ Ῥωμύλος.

Итакъ, принимая во вниманіе 1) греческій характеръ основныхъ мотивовъ легенды, равно какъ и прочіе признаки неримскаго происхожденія ея и 2) въ виду того, что древнѣйшимъ свидѣтельствомъ о существованіи этой легенды служитъ изображеніе на римско-кампанскихъ монетахъ, можно заключить, что легенда о римскихъ близнецахъ, въ качествѣ сюжета драматическаго произведенія, составлена въ Кампаніи, вскорѣ послѣ 342 года, въ угоду кампанскимъ „римлянамъ“, какимъ-либо мѣстнымъ, велико-греческимъ, поэтому, находившимся въ какихъ-то отношеніяхъ къ Сициліи (см. имя Αἴγετος) и принявшимъ за образецъ своей драмы трагедію Софокла о Тиро.

Возникновеніе легенды о Ромулѣ и Ремѣ среди кампанскихъ „римлянъ“ особенно понятно въ томъ случаѣ, если существовала подобная и о Ἴρωος-ѣ города Капуи, какъ полагаетъ *Uzener* (*Sinfthuthsagen* стр. 110) на томъ основаніи, что на нѣкоторыхъ монетахъ этого города изображенъ младенецъ, котораго кормить лань.

ХІІІ. Возраженія противъ заимствованія римской легенды о близнецахъ и аналогичные случаи заимствованія и поэзіи въ римской исторіи.

Результатъ нашего изслѣдованія сводится вкратцѣ къ слѣдующему: легенда о римскихъ близнецахъ возникла у кампанскихъ „римлянъ“ въ видѣ драматическаго сюжета, который, будучи подробно изложенъ въ сочиненіи Діокла περί Ἴρωων, прінятъ былъ цѣликомъ, съ сохраненіемъ подробностей, первымъ римскимъ анналистомъ, Фабіемъ Пикторомъ, а черезъ него и послѣдующими анналистами,

однако, слѣдуетъ имѣть въ виду, что названіе *fabula praetexta* не совсѣмъ точно, такъ какъ здѣсь мы имѣемъ дѣло собственно не съ исторической трагедіей, а съ обыкновенной многологической. Шапцъ (*Gesch. d. röm. Litt.* § 27) относитъ къ этой же пьесѣ еще и заглавіе „*Lupus*“ (*Fest.* p. 270).

³⁹⁾ Безперемонное обращеніе съ нимъ римскихъ властей объясняется пзмѣнившимся въ теченіе 2 нун. войны положеніемъ кампанскихъ „римлянъ“.

причемъ первоначальный составъ легенды постепенно дополнялся разными частностями объяснительнаго характера, придававшими легендѣ все болѣе римскій колоритъ, который присущъ былъ основному тексту лишь въ незначительной степени. Но такъ какъ такой результатъ идетъ въ разрѣзъ съ мнѣніемъ Швейгера ¹⁾, который по справедливости признается самымъ солиднымъ изъ всѣхъ критиковъ римской исторіи, то необходимо остановиться на доводахъ, заставившихъ его высказаться противъ мнѣнія Шлегеля ²⁾, что римская легенда о близнецахъ есть греческій литературный вымыселъ, греческій „романъ“. Отстаивая исконную принадлежность этой легенды римлянамъ, Швейглеръ, во-первыхъ, указываетъ на то, что въ ней заключается множество такихъ частныхъ, которыя могли быть внесены въ нее только римлянами, но ни какъ не греками. Въ этомъ отношеніи Швейглеръ совершенно правъ, но только не въ томъ смыслѣ, который для него желателенъ. Какъ показало наше изслѣдованіе, такія частности, какъ напримѣръ, руминальская смоковница, луперкальская пещера, Акка Ларенція (отожествляемая Швейглеромъ съ „матерью ларовъ“), праздники луперкалій и пр., дѣйствительно внесены въ легенду римлянами, но только уже дополнительнымъ образомъ и притомъ отчасти даже только въ теченіе послѣдняго столѣтія до Р. Хр. За исключеніемъ этихъ позднѣйшихъ наслоеній, въ основномъ текстѣ остается очень не много специально римскихъ чертъ, да и тѣ въ значительной степени неточны (казнь весталокъ, разстояніе между Албалонгой и Тибромъ). Во-вторыхъ, Швейглеръ, въ подтвержденіе древности сказанія о близнецахъ, ссылается на Огульніевъ и на Тимея. Но ссылка на руминальскій памятникъ, сооруженный въ 296 году, и на сочиненіе Тимея, первая книги котораго вышли около 300-го года, доказываетъ лишь то, что легенда о близнецахъ не моложе конца IV-го вѣка до Р. Хр.; но изъ этого не слѣдуетъ, что это старинное, римское сказаніе. Наболѣе слабо третье возраженіе Швейглера, которое, однако, самъ онъ признаетъ самымъ вѣскимъ. Онъ считаетъ неправдоподобнымъ, чтобы римскіе анналисты, писавшіе вслѣдъ за Фабіемъ и излагавшіе легенду совершенно согласно съ нимъ, черпали всѣ изъ одного и того же чуждаго источника; согласіе этихъ писателей Швейглеръ считаетъ убѣдительнымъ доказательствомъ того, что всѣ они имѣли передъ собою общезвѣстную и старинную легенду. Однако

¹⁾ Швейглеръ I, 412 сл.

²⁾ См. гл. I съ прим. 9.

это удивительное согласіе анналистовъ въ изложеніи разсказа, исполненнаго множествомъ мелкихъ частностей, свидѣтельствуешь, какъ разъ наоборотъ, о ихъ полной несамостоятельности, въ отличіе отъ вольной переработки у поэта Эннія. Конечно, нѣтъ нужды думать, что, вслѣдъ за Фабіемъ, также и его преемники пользовались непосредственно сочиненіемъ Діокла. Напротивъ, засвидѣствованная Діонисіемъ зависимость послѣдующихъ анналистовъ отъ Фабія вполнѣ соответствуетъ характеру работы, не только анналистовъ, но и другихъ древнихъ историковъ, въ пользованіи трудами предшественниковъ ³⁾.

Проникновеніе въ римскіе анналы отдѣльныхъ чертъ и цѣлыхъ разсказовъ, взятыхъ изъ греческой литературы, не составляетъ ничего небывалаго или необыкновеннаго ⁴⁾. Такъ напримѣръ, Секстъ Тарквиній употребляетъ противъ Габій ту же самую хитрость, которую у Геродота (3, 154 сл.) примѣняетъ Зопиръ противъ Вавилонянъ. Тарквиній Гордый даетъ совѣтъ своему сыну Сексту совершенно такимъ же способомъ, какъ тиранъ Орасивуль Періандру у Геродота (5, 92) ⁵⁾. Десятилѣтняя осада Вей скопирована съ 10-лѣтней осады Трои ⁶⁾. Разсказъ объ участіи Діоскуровъ въ битвѣ при Регилльскомъ озерѣ представляетъ собою копію съ легенды о битвѣ кротоніатовъ и локровъ на рѣкѣ Sagras ⁷⁾.

Принятіе поэтическихъ сюжетовъ въ исторію не вызывало у римлянъ никакого недоумѣнія, такъ какъ у нихъ понятіе исторіи въ значительной степени замѣнялось понятіемъ историческаго романа ⁸⁾. Поэтическіе „Анналы“ Эннія считались такою же историческою книгою, какъ и прозаическія лѣтописи анналистовъ ⁹⁾. Не исключалась и *драматическая поэзія*, въ качествѣ источника для оживленія сухихъ

³⁾ Г. Петеръ Hist. Rom. tell. 1, стр. LVII.

⁴⁾ Тамъ же стр. XXXV.

⁵⁾ Ср. Моммзена Röm. Gesch. I^o, 927 прим.

⁶⁾ Швергеръ III, 217. Гомерическія черты въ анналистической традиціи восходятъ, вѣроятно, къ Эннію (см. Шапца Gesch. d. röm. Litt.).

⁷⁾ Моммзенъ Röm. Gesch. I^o, 437. — Ср. также Ed. Zarncke, Der Einfluss der griech. Litteratur auf die Entwicklung der röm. Prosa (Сборникъ въ честь О. Риббека, 1888, стр. 267 сл.). Въ этомъ сочиненіи собрано много параллелей между Гомеромъ и римскими историками.

⁸⁾ Quint. 10, 1, 31 сл.: historia est proxima poesis et quodam modo carmen solutum et scribitur ad narrandum, non ad probandum.

⁹⁾ Поэтому для младшаго, въ особенности, поколѣнія анналистовъ нисколько не казалось дѣломъ предсудитольнымъ подвергать исторію прежнихъ временъ вольной передѣлкѣ по личнымъ своимъ влусамъ.

историческихъ разсказовъ. Быть можетъ, многія изъ тѣхъ частей римской исторіи, которыя обращаютъ на себя вниманіе съ одной стороны своей детальною разработанностью а съ другой — своей несообразностью съ дѣйствительными историческими фактами (напримѣръ, разсказы о Кориюланѣ или о Регулѣ), приобрѣли свои поэтическія достоинства и свои историческіе недостатки путемъ переработки даннаго разсказа въ драматическую *fabula praetexta*. Въ царской легендѣ разсказы о возвышеніи и смерти Сервія Туллія ¹⁰⁾ выдѣляются рѣзкою противоположностью между детальнымъ изложеніемъ этихъ разсказовъ, доходящимъ до удивительныхъ мелочей ¹¹⁾, и между полнымъ отсутствіемъ всякихъ біографическихъ подробностей въ тѣхъ частяхъ легенды о Сервіѣ Тулліѣ, которыя касаются общественной дѣятельности этого царя. Высокая драматичность отдѣльныхъ сценъ, отмѣченная еще Ливіемъ ¹²⁾, сама собою подсказываетъ мысль, что означенныя части легенды сдѣлались столь детальными и вмѣстѣ съ тѣмъ столь драматичными именно потому, что онѣ представляютъ собою пересказы драматической пьесы ¹³⁾. По мнѣнію *О. Риббека* (*Rh. Mus.* 36, стр. 321 сл.) изложеніе Ливія 5, 21, 8 основывается на драматической обработкѣ этого сюжета. Подобнымъ образомъ Шёне ¹⁴⁾, обративъ вниманіе на замѣчанія, сдѣланныя Діонисіемъ по поводу легенды о борьбѣ Горациевъ и Куріаціевъ ¹⁵⁾ и о гибели Фабіевъ ¹⁶⁾, высказываетъ основательное предположеніе, что отмѣченный Діонисіемъ драматическій характеръ этихъ разсказовъ получился путемъ переработки ихъ для сцены въ видѣ *fabulae praetextae*. Разные другіе слѣды драматической окраски въ сочиненіяхъ Ливія и Плутарха прослѣдилъ Мейзеръ (*Ueber historische Dramen der Römer*, 1887). Также и разсказъ о приключеніи Акки Ларенціи въ храмѣ Геркулеса ¹⁷⁾, по мысли *Ф. Ф. Злинскаго* ¹⁸⁾, принимаемой и *Виссовой* ¹⁹⁾, заимствованъ изъ какого-либо драматическаго произведенія южной Италіи. То, что было

¹⁰⁾ Liv. 1, 39—42, 1; 46—48.

¹¹⁾ Въ родѣ того, напримѣръ, на какую улицу выходилъ окна комната.

¹²⁾ Liv. 1, 46, 3: *sceleris tragici* (*tragicus*—какъ въ трагедіяхъ).

¹³⁾ Ф. О. II, 2, 170. Ср. теперь Панса *Storia di Roma* I, 1, 401.

¹⁴⁾ *Schöne Das historische Nationaldrama der Römer*, Festrede, Kiel 1893.

¹⁵⁾ Dion. 3, 18: *καὶ τὰ μετὰ ταύτην (τὴν μάχην) γινόμενα πῖθη θεατρικοῖς ἐοικότα περιπετείαις.*

¹⁶⁾ Dion. 9, 22: *μύθοις γὰρ δὴ ταῦτά γε καὶ πλάσασιν εἶκε θεατρικοῖς.*

¹⁷⁾ Plut. Rom. с. 5.

¹⁸⁾ *Quaestiones comicae*, 1887.

¹⁹⁾ *Pauly-Wissowa Realenc. s. v. Acca* стр. 134.

возможно впоследствии, допустимо тѣмъ болѣе для временъ Фабія Пиктора.

Въ настоящее время вновь оживаетъ находившійся долго въ незаслуженномъ пренебреженіи вопросъ о народной *этической* поэзіи римлянъ и ея остаткахъ въ римской анналистической исторіи ²⁰⁾. Предположеніе о возможности заимствованій и изъ *драматической* поэзіи не препятствуетъ рѣшенію означеннаго вопроса въ утвердительномъ смыслѣ ²¹⁾, но въ то же время можетъ служить коррективомъ противъ возможныхъ увлеченій на этомъ заманчивомъ, но скользкомъ пути ²²⁾.

Мы окончили наше изслѣдованіе о происхожденіи легенды о римскихъ близнецахъ, рѣшивъ поставленную себѣ задачу, какъ намъ кажется, съ такой правдоподобностью, какая возможно только въ рѣдкихъ случаяхъ, въ виду тѣхъ исключительно благоприятныхъ условий, которыми отличается эта часть римской легенды передъ всѣми прочими. Теперь попытаемся взглянуть вкратцѣ на остальную легенду Ромула и указать, какимъ образомъ видоизмѣняется анализъ отдѣльныхъ пунктовъ „біографіи“ Ромула, разъ мы отрѣшаемся отъ взгляда на легенду о близнецахъ, какъ на старинное и исконное преданіе римскаго народа. Для насъ послѣднее начинается только съ разсказа, касающагося момента сооруженія городскихъ стѣнъ ²³⁾, котораго и коснемся нѣсколько подробнѣе въ виду того, что въ легендѣ о *близнецахъ* отражается непосредственно римскій народный мотивъ о *братьяхъ соперникахъ* въ дѣлѣ основанія города.

XIV. Двойственность основателей города.

Въ своемъ мѣстѣ ¹⁾ мы указали, что греческая пара именъ 'Ρῶμος καὶ 'Ρωμόλος составила путемъ дополнительнаго присоединенія римскаго Ромула къ первоначально единоличному Рому грековъ, не

²⁰⁾ В. И. Модестова, Поэзія въ римской исторіи (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1897 мартъ, стр. 66 сл.).

²¹⁾ См. гл. XV, прим. 16.

²²⁾ Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что *народно-этическая поэзія* у всѣхъ народовъ *концентрична*, обрабатывая по преимуществу какую-либо определенную эпоху и группируя пѣсни обыкновенно вокругъ какихъ-либо излюбленныхъ именъ. Рядомъ съ центральной темой другія, болѣе позднія, эпохи занимаютъ лишь второ-степенное мѣсто.

²³⁾ Т.-е. съ § 4 шестой главы Ливія.

¹⁾ Гл. VII, 1.

имѣвшему ничего общаго съ римскимъ Ремомъ, а, напротивъ, замѣнявшему собою римскаго Ромула. Возникновенію же такой греческой пары Ῥῶμος καὶ Ῥεμόλος обусловливалось существованіемъ подобной же пары и у самихъ римлянъ, хотя и въ другомъ видѣ и порядкѣ: *Romulus et Remus*. Вышнее и внутреннее различіе обѣихъ паръ доказываетъ, что греческіе писатели принимавшіе „Рома и Ромула“ (вмѣсто прежняго единоличнаго Рома), руководствовались только приблизительнымъ созвучіемъ римской пары именъ: „Ромуль и Ремъ“, не сообразуясь съ легендой о нихъ и, можетъ быть, даже и не зная ея содержанія.

Легенда о соперничествѣ Ромула и Рема сохранилась въ двухъ вариантахъ ²⁾, характеристическія черты которыхъ заключаются въ *австичіяхъ* въ одномъ случаѣ и въ *прыжкѣ черезъ стѣну* въ другомъ. Въ обоихъ случаяхъ Ремъ погибаетъ, но въ то время какъ по первому варианту онъ падаетъ въ общемъ рукопашномъ бою, во второмъ вариантѣ онъ получаетъ смертельный ударъ отъ руки брата. Въ первомъ случаѣ споръ обонхъ братьевъ рѣшается при содѣйствіи боговъ, какъ бы въ качествѣ третейскаго суда, но такъ, что все-таки споръ оказывается неулаженнымъ; во второмъ же случаѣ дѣло рѣшается непосредственно личною удаляю. При такихъ обстоятельствахъ не можетъ быть сомнѣнія относительно того, который изъ обонхъ вариантовъ древнѣе. Сказочный прыжокъ черезъ *стѣну* города ³⁾ составляетъ одинъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ остатковъ истинно народныхъ былинъ о богатыряхъ римской старины. Отсутствие этого прыжка въ параллельной версіи придастъ послѣдней болѣе утонченный и, такъ сказать, болѣе цивилизованный колоритъ. Бѣлая степень грубости въ одномъ вариантѣ и бѣлая щепетильность въ другомъ — сказываются также и въ обстоятельствахъ смерти Рема. По одному варианту, Рема убиваетъ братъ Ромуль; напротивъ, въ другомъ вариантѣ братоубійство маскируется глухимъ указаніемъ на то, что онъ былъ убитъ въ общей свалкѣ, а иногда называется прямо другое имя убійцы (*Celer*) ⁴⁾. Къ этому присоединяется еще то, что

²⁾ Liv. 1, 6, 4 — 7, 3; Dion. 1. 86 — 87. Плутархъ (с. 10) комбинировать обѣ версіи.

³⁾ *Стѣну* удерживаетъ и Ливій (1, 7, 2) и Діонисій (1, 87). Напротивъ, Плутархъ (Rom. 10, 1), желая устранить такой невѣроятный прыжокъ черезъ стѣну, замѣняетъ послѣднюю *рвомъ* (τάφρος), которымъ римляне обводили территорию будущаго города во время обряда заложения новыхъ колоній.

⁴⁾ Ov. Fast. 5, 460,

Ливій ⁶⁾, называя варіантъ съ прыжкомъ черезъ стѣну болѣе распространеннымъ разсказомъ, употребляетъ выраженіе „*vulgatior fama*“, въ чемъ можно усматривать намекъ на народный характеръ этого варіанта въ отличіе отъ болѣе литературной версіи безъ богатырскаго прыжка и безъ братоубійства.

Въ варіантъ съ авспиціями обращаютъ на себя вниманіе числа 6 и 12: хотя Ремъ первый увидалъ желанное знаменіе, но оно состояло только изъ 6 коршуновъ, въ то время какъ Ромулу знаменіе досталось позже, но за то коршуновъ было 12. Эти числа, соответствуя количеству преторскихъ и консульскихъ ликторовъ, явно припоровлены къ понятію о *maius imperium*. А такъ какъ присвоеніе провинціальнымъ преторамъ 6 ликторовъ (вмѣсто прежнихъ двухъ, что навсегда сохранилось въ городѣ) состоялось, вѣроятно, одновременно съ учрежденіемъ особыхъ провинціальныхъ претуръ для Сициліи и Сардиніи (ок. 227 года до Р. Хр.), то можно полагать, что версія съ авспиціями появилась не раньше 2 пунической войны или, точнѣе, только уже въ періодъ существованія латинской литературы. Въ частности авторомъ этого варіанта можно считать поэта Эннія, у котораго онъ и появляется впервые ⁶⁾. Варіантъ съ авспиціями, по крайней мѣрѣ въ данной формѣ, не можетъ принадлежать коренному римлянину уже въ виду тѣхъ своеобразностей, которыя допущены авторомъ этого варіанта противъ правилъ авгурской дисциплины ⁷⁾.

Кромѣ того, у Эннія авспиціи явно составляютъ еще только дополнительную вставку, такъ какъ въ его „Анналахъ“ была рѣчь и объ издѣвательствѣ Рема ⁸⁾ и о томъ, что Ремъ былъ убитъ рукою Ромула ⁹⁾. Такимъ образомъ устраненіе братоубійства ¹⁰⁾ принадлежитъ уже времени послѣ Эннія.

Наконецъ, и приуроченіе авспицій Ромула къ Палацію, а авспицій

⁶⁾ Liv. 1, 7, 2: *vulgatior fama est*.

⁷⁾ Cic. div. 1, 48, 107. — См. Лук. Миллера Q. Enni carminum reliquiae стр. 12 (fr. LIX); его же Qu. Ennius, Eine Einleitung in das Studium der röm. Poesie, стр. 153; Фаленъ Ueber das Stadtgründungsaugurium (Sitz. d. Berliner Academie 1892).

⁸⁾ Ср. Момзенъ Die Remuslegende (Hermes 1881) стр. 12.

⁹⁾ Л. Миллеръ fr. LXIII: Iuppiter, ut muro fretus magis quamde manus vi.

¹⁰⁾ Fr. LXV: non pot homo quisquam faciet impune animatus hoc neque tu: nam mi calido dabis sanguine poenas.

¹¹⁾ Кромѣ устраненія братоубійства (у Ливія и Діонисія), появилась попытка устранить и самое соперничество; см. слова Кассія Геминия (Петеръ Rell. стр. 98): *pastorum vulgus sine contentione consentiendo praefecerunt aequabiliter imperio Remum et Romulum, ita ut de regno pararent inter se*.

Рема къ Авентину, какъ это читается у Ливія, Діонисія и Плутарха, также установилось только впоследствии. У Энциі на Авентинѣ помѣщается не Ремъ, а самъ Ромуль ¹¹⁾, въ то время какъ относительно второго брата сохранилось только слово „in monte“ безъ указанія имени ¹²⁾. Гора Авентинъ выбрана авторомъ для придуманныхъ имъ авспицій, согласно его собственнымъ словамъ, только по практическимъ соображеніямъ, вслѣдствіе значительной высоты этой горы (in alto Aventino), дававшей возможность дѣлать наблюденія на возможно обширномъ пространствѣ. Мѣстомъ авспицій Рема Авентинъ сдѣлался только уже въ вѣкъ Цицерона. По крайней мѣрѣ, авгуръ Мессалла, бывший консуломъ въ 53 году до Р. Хр., является для насъ древнѣйшимъ свидѣтелемъ объ этомъ ¹³⁾.

Въ первоначальной редакціи легенды о соперничествѣ братьевъ Ромула и Рема дѣло касалось не авспицій, а также не вопроса, какъ назвать основываемый на Палатинѣ городъ, а, напротивъ, въ какомъ мѣстѣ основать городъ, въ томъ ли, которое рекомендовалъ Ремъ, или въ томъ, которое избралъ Ромуль, т.-е. быть ли городу Рема (Remoria) или же городу Ромула (Roma). Вслѣдствіе приуроченія къ Авентину авспицій Рема, на этой же горѣ начали искать и мѣсто Ремовой Реморіи ¹⁴⁾; но это появляется не раньше императорской эпохи ¹⁵⁾. Діонисій сохранилъ чрезвычайно любопытное извѣстіе о томъ, что въ его время (vñv) подъ словомъ Remoria (Ῥεμορία) разумѣлось не мѣсто на Авентинѣ, а какой-то холмъ на разстояніи 3000 шаговъ отъ города, но не далеко отъ Тибра ¹⁶⁾. Это извѣстіе Діонисія ¹⁷⁾ подтверждается и Фестомъ, который

¹¹⁾ Fr. IIX: at Romulus pulcher in alto quaerit Aventino laevum genus altivolantium. См. также Serv. ad Aen. 3, 46.

¹²⁾ Можно разумѣть, слѣдовательно, любое мѣсто, напр. Remora = Remoria (но, конечно, не авентинскую). Ср. Dion. 1, 86: Ῥώμῳ δ' ὁ προσεγγὺς Παλλαντίῳ λόφος Ἀβεντίνου καλούμενος, ὡς δὲ τινες (=Энциій?) ἱστοροῦσιν, ἢ Ῥεμορία.

¹³⁾ Gell. 13, 14, 5: ipse probat, quod in eo monte Remus urbis condendae gratia auspicaverit. См. Можжзена Remuslegende (Hermes 1881) стр. 15 прим. 5.

¹⁴⁾ Однако изъ того, что на Авентинѣ предполагалось существованіе Ремовой Ремуріи, не слѣдуетъ, что тамъ дѣйствительно было такое топографическое названіе. Ср. Ov. fast. 5, 151.

¹⁵⁾ Напр. Plut. Rom. 9, 7: Ῥώμος δὲ χωρίον τι τοῦ Ἀβεντίνου καρτερὸν, ὃ δὲ ἐκεῖνον μὲν ὀνομάσθη Ῥεμώνιον, νῦν δὲ Ῥιγνάριον (сopj. Ῥεμώνιον) καλεῖται.

¹⁶⁾ Dion. 1, 85: Ῥώμῳ δ' ἐδόκει τὴν καλουμένην νῦν ἀπ' ἐκεῖνου Ῥεμορίαν οἰκίσαι, ἔστι δὲ τὸ χωρίον ἐπιτήδειον ὑποβεῖσθαι πόλιν λόφος οὐ πρόσω τοῦ Τιβέριος κείμενος, ἀπέχων τῆς Ῥώμης ἀμφὶ τοὺς τριάκοντα σταδίους.

¹⁷⁾ Напрасно заподозрѣваемое Швеглеромъ (1, 440), въ отличіе отъ Нибура, ко-

различаетъ 1) *ager Remiginus*, какъ мѣсто, гдѣ Ремъ предполагалъ построить свой городъ и 2) *Remogia* на Авентинѣ, мѣстѣ авениціи Рема¹⁸⁾. Эти столь опредѣленные свѣдѣнія, долженствующія служить основаніемъ для всякаго изслѣдованія соприкосновенныхъ къ этимъ дѣламъ вопросовъ, оставались въ пренебреженіи вслѣдствіе того значенія, которое приписывалось легендѣ о близнецахъ, какъ старинному, національному сказанію римскаго народа. Только вліяніемъ этого взгляда можно объяснить, что Авентинъ, вопреки всѣмъ даннымъ, считался издревле присущимъ легендѣ о Ремѣ¹⁹⁾. Выдѣленіе легенды о близнецахъ изъ состава древне-римскихъ преданій даетъ возможность отнестись болѣе объективно и къ извѣстіямъ древнихъ авторовъ о соперничествѣ Ромула и Рема.

Діонисій сообщаетъ, что Реморія находилась за городомъ, недалеко отъ Тибра, на разстояніи 3.000 шаговъ отъ городскихъ стѣнъ. Фестъ, называя эту мѣстность *ager Remiginus*, также свидѣтельствуетъ о томъ, что она не находилась въ чертѣ города. Названіе же „*ager Remiginus*“ получило, конечно, отъ *Remogia*, какъ главнаго топографическаго пункта этой мѣстности²⁰⁾. Въ какой сторонѣ надо искать это мѣсто, нигдѣ не указано. Но форма *Romulus*, въ каче-

торый признаетъ достовѣрность этого извѣстія (I, 235 прим. 618). Моммзенъ (I. с. стр. 18) передѣлываетъ его по своему.

¹⁸⁾ Fest. ep. 276 (=Thewr. стр. 383): *Remurinus ager dictus, quia possessus est a Remo et habitatio Remi Remonia. Sed et locus in summo Aventino Remoria dicitur, ubi Remus de urbe condenda fuerat auspicatus.*

¹⁹⁾ Совершенно справедливо замѣчаетъ Моммзенъ (*Remuslegende* стр. 16 прим. 1), что трудно понять, какъ это нѣкоторые (напр. Рубино *Beiträge* стр. 212) кладутъ въ основаніе своихъ изслѣдованій *авентинскую* Реморію, это позднѣйшее измышленіе (*allerjüngste Erfindung*). — Разумѣется, и объясненію соперничества Ромула и Рема при помощи предположенія, что тутъ изображено собственно соперничество двухъ смежныхъ общинъ, Палатинской и Авентинской (ср. напр. Гильберта *Topographie II*, 193 сл.; Беренсъ *Assa Laurentia: Neue Jahrb. f. Phil.* 1885 стр. 798), лишено всякаго основанія. Правильно отвергаетъ эту теорію Гюльзенъ (*Pauly-Wissowa R. E. s. v. Aventinus* стр. 2283). Однако, указаніе его на топографическія условія неубѣдительно, такъ какъ, несмотря на топографію, все-таки Авентинъ существенно отличался отъ прочихъ частей Сервіева города, какъ видно изъ того, что вплоть до времени императора Клавдія эта гора была исключена изъ черты священнаго померія.

²⁰⁾ Нахожденіе въ *ager Remiginus* отдѣльнаго мѣста съ названіемъ *Remogia* вытекаетъ изъ формы сопоставленія съ авентинской *Remogia*, такъ какъ слова „*sed et locus in Aventino Remoria dicitur*“ явно указываютъ, что, кромѣ авентинской (предполагаемой) Реморіи, была *еще и другая* Реморія.

ствѣ имени одного изъ обоихъ соперниковъ, указываетъ на затибрскую область.

Находившаяся на этрусскомъ берегу рѣки Тибра полоса древнѣйшей территоріи римской республики, состоявшей изъ основныхъ 15 сельскихъ трибъ, входила въ составъ той трибы, которой присвоено было названіе *tribus Romulia* (*Romilia*). Принадлежность затибрской области къ этой трибѣ прямо засвидѣтельствована Фестомъ ²¹⁾ и подтверждается косвенно также словами Варрона ²²⁾. Такъ какъ древнѣйшія сельскія трибы, всѣ безъ исключенія, получили свои названія отъ фамиліи знатныхъ патриціанскихъ *gentes* ²³⁾, изъ этого слѣдуетъ, что въ затибрской области, въ періодъ наименованія этой мѣстности „Ромуліевой“ трибой, среди мѣстныхъ патриціанскихъ землевладѣльцевъ наиболѣе выдающееся положеніе занималъ родъ Ромуліевъ или, по позднѣйшей фонетикѣ, Ромиліевъ. И дѣйствительно, единственный извѣстный представитель этого рода, прекратившагося еще въ первыя столѣтія республики, консулъ 455 года до Р. Хр. ²⁴⁾, Т. *Romilius Rocus*, имѣлъ прозвище *Vaticanus*, что и подтверждаетъ принадлежность рода Ромуліевъ затибрской области, часть которой, а именно самая близкая къ Риму, на супротивъ Марсова поля, называлась *ager Vaticanus*. А такъ какъ названіе *Romulius* (*Romilius*) происходитъ отъ *Romulus* (ср. напримѣръ *Aemilius* = **Aemilius* отъ *aemulus*), то, слѣдовательно, *Ромуль*, является прежде всего родоначальникомъ затибрскихъ *Ромуліевъ*, ихъ родовымъ *ἄρως ἐπίνομος*, защитникомъ Рима съ этой стороны противъ сосѣднихъ всентовъ и завоевателемъ затибрскихъ земель, какъ вообще всей земли Ромуліевской трибы ²⁵⁾, такъ въ частности тѣхъ участковъ ²⁶⁾, которые подъ названіемъ *septem pagi* еще въ началѣ республики играли такую выдающуюся роль въ борьбѣ римлянъ съ этрусками.

Такимъ образомъ, Реморію, городище Рема, слѣдуетъ искать по сосѣдству съ родиной его соперника Ромула, т.-е. по сосѣдству съ Липкульской горой ²⁷⁾, также принадлежавшей къ составу *ager Vati-*

²¹⁾ Fest. ep. p. 271. (=Thewr. 369): *Romulia tribus dicta, quod ex eo agro censebantur, quem Romulus ceperat ex Veientibus.*

²²⁾ Varro l. l. 5, 56: *quinta tribus, quod sub Roma* (въ непосредственномъ сосѣдствѣ Рима), *dicta est Romilia.*

²³⁾ Нибуръ I, 367; Моммзенъ ST.-R. III, 170.

²⁴⁾ Liv. 3, 31.—Моммзенъ Röm. Forsch. I стр. 109.

²⁵⁾ Fest. l. c. (см. выше прим. 20).

²⁶⁾ Dion. 2, 55; Plut. Rom. 24, 8.

capus. Если это такъ, то реморійская область (ager Remurinus) съ городищемъ (λόφος), называвшимся Remugia (ἡ Ῥεμυρία), находилась въ направленіи Авреліевой дороги, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ расположена была и роцц арвальской богини Dea Dia. Эта затибрская Реморія считалась не только мѣстомъ города Рема, но и мѣстомъ его могилы ²⁷⁾.

Если же легенда о соперничествѣ Рема и Ромула сложилась въ затибрской области въ приуроченіи къ городищу и могилѣ Рема, неподалеку отъ роцци арвальскихъ братьевъ, то этимъ проливается новый свѣтъ и на легенду о происхожденіи арвальской коллегіи ²⁸⁾. Также и здѣсь [Ромуль, принятый Аккой Ларенціей на мѣсто одного изъ ея 12 сыновей, является прежде всего только родоначальникомъ затибрскихъ Ромуліевъ. Внесеніе въ плебейскую легенду имени родоначальника мѣстной патриціанской знати можетъ быть объяснено обычнымъ у покоренныхъ автохтоновъ стремленіемъ облагородить и возвысить свое политическое прошлое путемъ мифологическаго родства съ своими повелителями. Къ этому же источнику можетъ быть отнесено и признаніе обоихъ соперниковъ *братьями*, оказавшееся тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что сюжетъ о двухъ враждебныхъ братьяхъ повторяется во многочисленныхъ вариацияхъ и сказкахъ всѣхъ народовъ. *Близнецами* же они сдѣлались уже только благодаря фабулѣ Діокла.

XV. Остальные части легенды о Ромулѣ.

Ромуль, родоначальникъ Ромуліевъ и защитникъ римскій территоріи по ту сторону Тибра, съ теченіемъ времени, благодаря этимологическому родству словъ Romulus и Roma, сдѣлался родоначальникомъ римлянъ вообще и основателемъ ихъ города. Такое значеніе Ромула во всякомъ случаѣ не древнѣе организациі самой общины римлянъ по типу греческихъ городскихъ πόλεις и развилось окончательно уже только въ теченіе республиканскаго періода подъ вліяніемъ греческихъ воззрѣній на городскихъ ктистовъ.

Даже и въ сказаніи о *палатинской крѣпости* и о ея борьбѣ съ *капитолійской крѣпостью* сабинскаго царя Т. Тація имя *Ромула* проникло сравнительно поздно. Сказаніе о сабинянахъ, представляющее

²⁷⁾ Dion. 1, 87: τὸν μὲν Ῥώμον ἐν τῇ Ῥεμυρίᾳ θάπτει, ἐπειδὴ καὶ ζῶν τοῦ χωρίου τῆς κτίσεως περιήχεται.—Плутархъ (Rom. с. 11), сообщая то же самое, имѣетъ въ виду уже авентинскую Реморію (согласно съ его опредѣленіемъ въ с. 9.).

²⁸⁾ См. гл. VII прим. 43—45.

собою самую существенную часть всѣхъ историческихъ преданій римскаго народа о царскомъ періодѣ до Тарквиніевъ ¹⁾, въ установившейся анналистической традиціи насильственно разбито на двѣ части вставкою Пумы Помпилія ²⁾.

Первая часть сказаній о сабинянахъ приурочена къ имени Ромула. Однако въ легендѣ о смерти *T. Тация* ³⁾ Ромуль вообще не играетъ никакой роли; имя Ромула служитъ здѣсь исключительно только хронологическимъ ярлыкомъ, на подобіе того, какъ, напримѣръ, Ромулу приписывается обычай употреблять при жертвоприношеніяхъ молоко вмѣсто позднѣйшаго вина ⁴⁾. Такое же значеніе принадлежитъ имени Ромула и въ легендѣ о похищеніи сабинянокъ, представляющей собою мотивъ, независимый отъ нашествія сабинянгъ и только случайно принятый въ циклъ преданій о сабинянахъ ⁵⁾. Только съ битвою на *форумѣ* Ромулу присвоена активная роль, тѣсно связанная съ ходомъ самихъ событій. Однако какъ разъ въ этомъ случаѣ построеніе сказанія ясно показываетъ, что участіе Ромула въ этомъ дѣлѣ появилось только дополнительнымъ способомъ, въ видѣ позднѣйшаго наслоенія. Соперниками выступаютъ съ сабинской [стороны *Mettius Curtius*, а съ римской—*Hostius Hostilius* ⁶⁾]. По появленіе послѣдняго, въ сохранившейся формѣ разсказа, оказывается совершенно безцѣльнымъ, такъ какъ Гостилій погибаетъ сейчасъ же, въ самомъ началѣ, не совершивъ ничего и не оставивъ никакого слѣда въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла, руководимаго отъ начала до конца Ромуломъ. Противо-

¹⁾ Въ качествѣ продукта народныхъ преданій, сказаніе о сабинянахъ обнаруживаетъ въ своемъ составѣ осадки самыхъ разнообразныхъ эпохъ и наслоеній. Въ то время какъ, напр., въ легендѣ о похищеніи сабинянокъ замѣтны частью даже черты древняго семейнаго строя плебеовъ (Ф. О. XVII, 1, 17 прим. 36), въ разсказѣ о борьбѣ изъ-за Капитолія, напротивъ, отражаются уже воспоминанія о галльскомъ нашествіи.

²⁾ Легенда о Пумѣ Помпиліи, въ существенныхъ своихъ частяхъ, основана на историческихъ фактахъ *республиканскаго* періода.

³⁾ Liv. 1, 14.

⁴⁾ Plin. n. h. 14, 88: Romulum lacte, non vino libasse indicio sunt sacra ab eo instituta, quae hodie custodiunt morem.

⁵⁾ Разсказъ о посредничествѣ похищенныхъ сабинянокъ между ихъ мужьями и отцами не представляетъ собою подражанія греческому мѣру о похищеніи Ипполиты Оесеемъ (*Рюль Die Sabinerinnen*: Rh. Mus. 1899 стр. 317). Римская легенда и греческій мѣръ являются только параллельными вариантами одного и того же древнѣйшаго мотива.

⁶⁾ Liv. 1, 12, 2. — Вмѣсто *Hostius Hostilius* засвидѣтельствована еще форма *Hostus Hostilius* (Plin. n. h. 16, 5).

поставленіе сабинскому Меттію Курцію римскаго Гостія Гостилія получаетъ надлежащій смыслъ только въ томъ случаѣ, если, подобно Меттію Курцію, также и Гостій Гостилій принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ отъ начала до конца. Поворотъ битвы въ пользу римлянъ характеризуется опасностью сабинскаго Меттія Курція въ Курціевомъ болотѣ (*lacus Curtius*) ⁷⁾. И вотъ любопытно, что по сосѣдству съ *lacus Curtius* находилась не только *curia Hostilia*, но и могила Гостилія, принимавшаяся также за могилу Фаустула ⁸⁾ и даже Ромула ⁹⁾. Подобное колебаніе между Ромуломъ и Гостиліемъ замѣчается также и по отношенію къ сабинянкѣ Герсиліи (*Hersilia*), которая называется то супругой Ромула, то супругой Гостилія ¹⁰⁾. Еслибы могила и Герсилія искони принадлежали основателю города Ромула, то вытѣсненіе его именемъ Гостилія было бы загадочно. Напротивъ, болѣе правдоподобна обратная замѣна Гостилія Ромуломъ на томъ же основаніи, какъ и вытѣсненіе перваго послѣднимъ въ разсказѣ о битвѣ на форумѣ.

Вторая часть преданій о сабинянахъ, отдѣленная отъ первой части вставкой легенды о сакральномъ царѣ Нумѣ Помпилиі, навсегда осталась приуроченной къ имени Гостилія, превратившагося здѣсь въ самостоятельную личность царя Тулла Гостилія, отличную отъ сподвижника Ромула, Госта Гостилія. Однако сходство *дьяній* перваго и третьяго царя столь очевидно, что Туллъ Гостилій является въ сущности только дубликатомъ Ромула ¹¹⁾. Причина такого сходства и заключается въ томъ, что въ тѣхъ сказаніяхъ, которыя принадлежатъ къ сабинскому циклу, имя Ромула является позднѣйшею сравнительно замѣною имени Гостилія. При такомъ предположеніи получается *полный параллелизмъ обихъ частей сабинскаго цикла также и въ именахъ*. Туллу Гостилію съ Меттіемъ Фуфенціемъ соотвѣтствуетъ Гостъ

⁷⁾ Liv. 1, 12, 10.

⁸⁾ *Faustulus* въ этомъ случаѣ, кажется, представляеть собою ошибочную замѣну вульгарной формы *Fostlus*=*Hostulus* (т.-е. *Hostilius*). Ср. такое же толкованіе прозвища *Fostlus* на монетахъ у *Babelona Monnaies* II, 336.

⁹⁾ Dion. 3, 1: 'Ὀστίλιος πολλοὺς συνδιενέγκας Ῥωμύλου πόλεμος καὶ μεγάλ' ἔργ' ἀποδείξάμενος ἐν ταῖς πρὸς τοὺς Σαβίνους μάχαις ἀποθνήσκει καὶ θάπτεται πρὸς τῶν βασιλέων ἐν τῷ κρατιστῷ τῆς ἀγορᾶς τόπῳ, στήλης ἐπιγραφῇ τῆν ἀρετὴν μαρτυροῦσης ἀξιοθεῖς.—Fest. p. 177 (=Theogr. стр. 188 сл.): *niger lapis in comitio locum funestum significat, ut alii, Romuli morti destinatum, sed non usu obu..... [alii Faus]tulum nutri[cium].... alii Hos]tilium avum Tu[lli Hostilii regis].*

¹⁰⁾ Швергеръ I, 478, прим. 10.

¹¹⁾ Швергеръ I, 569; Паанъ I, 1, 280 и 292.

(=Гостій) Гостиліей съ Меттіемъ Курціемъ. Оба Гостилія не разграничены въ совершенствѣ еще и въ литературной традиціи ¹²⁾. Притомъ Гостилій, сподвижникъ Ромула, погибшій въ самомъ началѣ сабинской войны, участвуетъ еще въ другихъ, болѣе позднихъ, дѣлахъ Ромула ¹³⁾.

Судя по всѣмъ даннымъ, *главнымъ героемъ съ римской стороны въ сказаніяхъ о борьбѣ съ сабинянами является Гостилій, называвшійся то Гостомъ, то Тулломъ* ¹⁴⁾, въ то время какъ Ромулъ представлялъ собою *главную героя затибрскихъ сказаній*, въ томъ числѣ и сказаній о борьбѣ съ вееентами. Аналистическая традиція о Ромулѣ основывается на частичной комбинаціи обонхъ цикловъ сказаній.

Оба эти цикла, равно какъ ихъ соединеніе, въ главныхъ чертахъ принадлежатъ еще періоду устной народной словесности. Народный характеръ цикла сабинскихъ сказаній явствуетъ изъ того, что наравнѣ съ именемъ Ромула, въ составъ этихъ сказаній вошли еще и другія части, не имѣвшія первоначально, повидимому, никакого отношенія къ сабинянамъ. Таковъ особенно рассказъ о похищеніи (умыканіи) невѣсты; таково, вѣроятно, и имя Т. Тація, который въ сохранившейся формѣ легенды является не только сабинскимъ царемъ (впрочемъ, съ очень узкимъ кругомъ дѣятельности въ собственно сабинскихъ дѣлахъ), но вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается прикосновеннымъ и къ кровной мести, и къ лаврентянамъ, и, наконецъ, даже къ плебеямъ ¹⁵⁾.

Цикль сабинскихъ сказаній, со включеніемъ уже имени Ромула, еще около 300 года до Р. Хр. составлялъ достояніе народного творчества ¹⁶⁾, какъ видно изъ хронологической наивности, заключающейся въ приобщеніи къ битвѣ на форумѣ *храма Юпитера Статора* ¹⁷⁾, сооруженнаго только въ 293 году ¹⁸⁾. Напротивъ, относительно *храма*

¹²⁾ См. цитаты у Швейгера I, 568 прим. 3.

¹³⁾ Plin. n. h. 16 5: Romulus frondea coronavit Hostum Hostilium, quod Fidenam primus intrasset.

¹⁴⁾ Гость Гостилій сдѣлался дѣдомъ Тула Гостилія по хронологическому разсчету времени, вызванному вставкою Нумы Помпилія.

¹⁵⁾ Могла Т. Тація находилась на плебейскомъ Авентинѣ.

¹⁶⁾ Весьма правдоподобно, что еще тогда народное творчество римлянъ въ области историческихъ сказаній имѣло форму *эпическихъ пѣсенъ или былинъ*, послужившихъ образцомъ для *сатурническаго эпоса* Невія о пун. войнѣ, а въ своихъ отголоскахъ уцѣлѣвшихъ еще въ видѣ тѣхъ *патрическихъ гимновъ*, на которые ссылается Діонисій (1, 79); см. выше гл. III прим. 30 и гл. I прим. 3.

¹⁷⁾ Liv. 1, 12, 4—7.

¹⁸⁾ Liv. 10, 36, 11; 37, 15.—Этотъ рассказъ принадлежитъ къ числу этимологическихъ мифовъ.

Юпитера Феретрійскаго народное происхожденіе разсказа ¹⁹⁾ весьма сомнительно, насколько дѣло касается, по крайней мѣрѣ, Ромула ²⁰⁾.

Если же исключить съ одной стороны циклъ сабинскихъ сказаній, а съ другой — затибрскія сказанія о Ромулѣ, то остатокъ біографіи перваго царя Рима содержитъ въ себѣ весьма мало эпического матеріала, ограничиваясь въ этомъ отношеніи одной только *легендой о смерти Ромула*, въ основаніи которой лежитъ несомнѣнно народное сказаніе. Но только это сказаніе касалось не Ромула, а какого то мѣстнаго индигета Марсова поля. *Di indigetes* соотвѣтствуютъ греческимъ *ἵρωες*, въ смыслѣ обоготворенныхъ людей. Въ отличіе обыкновенныхъ *Manes*, мѣстожительство которыхъ, по римскимъ религіознымъ воззрѣніямъ, предполагалось подъ землей въ ихъ могилахъ, индигеты послѣ смерти, напротивъ, не пребываютъ въ могилѣ. Ихъ мѣстожительство предполагалось или въ рѣкахъ и озерахъ ²¹⁾, или въ рощахъ, а, по позднѣйшимъ греческимъ воззрѣніямъ, на небѣ въ сообществѣ боговъ. Причину такого посмертнаго пребыванія индигетовъ, отличнаго отъ состоянія простыхъ *Manes*, римляне находили въ томъ, что такіе избранные люди, въ моментъ смерти, внезапно исчезали, каковое исчезновеніе обозначалось особымъ выраженіемъ, заимствованнымъ, очевидно изъ эпической терминологіи: *non comparuit* или *nusquam comparuit* (*apparuit*), что Ливій, по отношенію къ Ромулу ²²⁾, перефразируетъ словами: *nee deinde in terris fuit*. Другая отличительная черта римскихъ воззрѣній объ индигетахъ заключалась въ томъ, что собственное имя индигета не произносилось, составляя своего рода сакральную тайну ²³⁾. Такая безымянность индигетовъ доставляла позднѣйшимъ просвѣщеннымъ поколѣніямъ возможность давать индигетамъ имена какихъ угодно героевъ древности. Подобно отождествленію ардейскаго индигета съ Энеемъ, также и „неизреченный“ индигетъ Козьяго озера (*Iacus Cargae*) на Марсовомъ полѣ *отождествленъ съ Ромуломъ, быть можетъ, только послѣ Энійя*, у котораго конецъ.

¹⁹⁾ Liv. 1, 10, 5—7.

²⁰⁾ Какъ видно изъ упоминанія въ этой связи ценнискаго царя Акрона съ греческимъ именемъ.—Изложеніе Ливія во всякомъ случаѣ отзывается археологіей.— О какомъ храмѣ Юпитера говорилъ Энійя, неизвѣстно (L. Müller стр. 14 fr. LXIX).

²¹⁾ Примѣромъ рѣчного индигета служитъ индигетъ рѣки Нумика близъ Ардеи, отождествленный съ Энеемъ. Примѣръ озернаго индигета см. у Овидія Met. 6, 330.

²²⁾ Liv. 1, 16, 1.

²³⁾ Fest. ep. p. 106 (= Thewt. 128): *indigetes di, quorum nomina vulgari non licet*. — Соответственно этому составилось и толкованіе слова *indiges* въ смыслѣ „неизреченный“.

Ромула изложенъ былъ въ формѣ обыкновеннаго греческаго апофеоза ²⁴⁾. За то отождествленіе Ромула съ *Квириномъ*, встрѣчающееся уже у Эниія, могло возникнуть еще по почвѣ народнаго эпического творчества въ связи съ цикломъ сабинскихъ сказаній.

Изложеніе *біографіи Ромула* у Ливія и Діонисія обращаетъ на себя вниманіе своей схемой, проведенной по опредѣленному плану. Въ основаніе классификаціи матеріала положены понятія „*domi militiisque*“ ²⁵⁾, а дѣла „*domi*“ въ свою очередь, раздѣлены на *res divinae* и *res humanae* ²⁶⁾, съ подведеніемъ подъ имя Ромула, въ качествѣ хронологическаго ярлыка, всякихъ сакральныхъ и свѣтскихъ учреждений и обычаевъ римской общины, существовавшихъ съ незапамятныхъ временъ. Но между тѣмъ какъ Ливій даетъ очень ограниченный подборъ, Діонисій, напротивъ, представляетъ уже цѣлую энциклопедію римскихъ древностей ²⁷⁾. Все это производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто схема біографіи Ромула возникла въ школахъ риторовъ, въ качествѣ темы для риторическихъ упражненій ²⁸⁾.

* * *

Въ заглавіи предлагаемая здѣсь работа названа нами историко-литературнымъ изслѣдованіемъ. Непредубѣжденный читатель, надѣемся, признаетъ такую постановку вопроса правильной. Царская легенда, въ разсмотрѣнныхъ нами предѣлахъ, представляетъ собою цѣлое, сложившееся изъ самыхъ разнообразныхъ частей различнаго происхожденія: народно-эпическихъ, литературно-поэтическихъ и научно-археологическихъ, римскихъ и греческихъ. Меньше всего въ

²⁴⁾ Апофеозъ Ромула у Эниія занималъ, повидному, много мѣста, какъ видно изъ уцѣлвшихъ отрывковъ (Л. Миллеръ стр. 8 fr. стр. XXXI, 11 fr. LIX, стр. 15 fr. LXXVIII, стр. 16 fr. LXXX и LXXXI). На козьемъ озеру у Эниія нѣтъ никакого указанія.

²⁵⁾ Liv. 1, 15, 6.

²⁶⁾ Ib. 1, 8, 1.

²⁷⁾ Во всей біографіи Ромула наиболѣе странно *азилъ* (Liv. 1, 8, 5). Уже одно названіе указываетъ на греческій источникъ. Пизонъ, впервые упоминавшій объ азилѣ, называетъ также и бога этого мѣста греческимъ именемъ *Lycoris*, что, повидному, должно обозначать Луперка (Петеръ Hist. Rom. rell. стр. 119: quem locum deus Lycoris, sicut Piso ait, curare dicitur). Паузеъ справедливо замѣчаетъ, что азилъ придуманъ какимъ-либо врагомъ римскаго народа среди греческихъ писателей. У Цицерона (г. р. II) азилъ нѣтъ.

²⁸⁾ Упражненія въ школахъ риторовъ, по свидѣтельству Светонія (der het. 1), состояли въ томъ, что мальчики пріучались *Graecorum scripta convertere æ viros illustres laudare vel vituperare*.

ней слѣдовъ мѣологiи въ томъ смыслѣ, какъ принято употреблять этотъ терминъ. Основной характеръ римской національной религiи, хранителями которой были коллегiи понтификовъ и авгуровъ, совсѣмъ не благопрiятствовалъ развитiю мѣологiи о богахъ, на подобiе греческой. У римлянъ могли быть только сказанiя о богатырствѣ, но мифовъ о богахъ не было вовсе. Если, напримѣръ, Паисъ превращаетъ въ боговъ не только Рею Сильвию, Фаустула и Акку Ларенцію, но даже и Тарквинiя ²⁹⁾, то это напоминаетъ собою шутку автора пародiи „Le mythe solaire d'Oxford“ (1870), который, пользуясь приѣмами мѣологической школы Макса Мюллера, доказалъ, что самъ Максъ Мюллеръ не что иное, какъ солнечное божество, выраженное въ мѣологическомъ образѣ „великаго мельника“ ³⁰⁾.

Легенда о римскихъ близнецахъ весьма поучительна для надлежащей оцѣнки методологическихъ приѣмовъ древнихъ и новыхъ мѣологовъ ³¹⁾.

III. Истужилъ.

²⁹⁾ Паисъ *Storia di Roma* I, 1, 207; 224; 373.

³⁰⁾ В. И. Модестовъ (Ф. О. XVIII, 1, 110) указавъ на теченiе, превратившее первыя столѣтiя римской исторiи въ арену проявленiя самаго необузданнаго субъективизма, отзывается о трудѣ Паиса слѣдующимъ образомъ: „Мнѣ кажется, что этому теченiю, вышедшему, напримѣръ, въ новѣйшемъ трудѣ Паиса далеко за берега всякой здравой исторической критики, долженъ быть поставленъ предѣлъ. Разрушительная работа въ римской исторiи окончила свое дѣло. Должна начаться работа созидательная“. — Вполнѣ присоединяюсь къ этому строгому, но справедливому приговору. Однако опасаясь, какъ бы тотъ же субъективизмъ не возродился въ другой формѣ, въ области археологiи! Надпись, найденная на форумѣ, показала, на что способны археологи, одаренные достаточно пылкой фантазiей.

³¹⁾ См. теперь G. Wissowa, *Religion und Cultus der Römer*, 1902, стр. 8.